

Иван Чухин

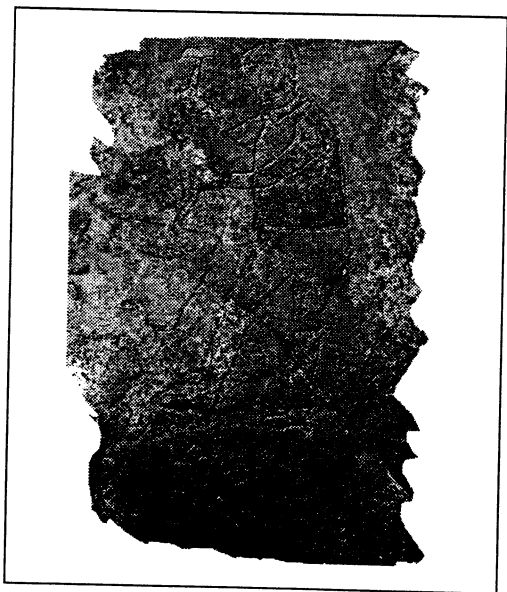
**идеология и практика
террора**

Иван Чухин
Карелия-37:
идеология и практика террора

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY
PRESS

В оформлении обложки использован один из наскальных рисунков, сделанных заключенными лагеря на о. Большой Голец в Онежском озере (фото О. В. Чернякова). Из гранитных блоков, вытесанных вручную заключенными этого лагеря, в частности, сложен постамент памятника Ленину и построено здание МВД в г. Петрозаводске.

ИВАН ЧУХИН

КАРЕЛИЯ-37:

**ИДЕОЛОГИЯ
И
ПРАКТИКА ТЕРРОРА**

Петрозаводск
Издательство Петрозаводского
государственного университета
1999

38.776

Ч 96

Автор книги, И. И. Чухин, опираясь на документы, архивные и газетные материалы, свидетельства участников и очевидцев, рассказывает о самых страшных годах, выпавших на долю нашего Отечества в тридцатые годы.

Книга адресована широкому кругу читателей.

К сожалению, трагическая кончина автора прервала его работу над книгой.

*Оригинал-макет подготовлен на оборудовании,
предоставленном ООО «ЛэндМарк»*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
АО «Кондопога»*

Ч 0503020500

Δ26(03)-99

ISBN 5-8021-0022-2

© Чухин И. И., 1999

© Издательство
Петрозаводского
университета, 1999

Слово о друге

В прошлом году ему исполнилось бы 50 лет. Он не дожид до своего юбилея — трагически погиб в мае 1997-го.

Мы были друзьями. И вот его нет, а я живой, значит, мне и писать это предисловие к его последней книге. Не знаю, как начать его. За окном жизнь, тепло, весна, шум проходящих машин, девичий смех. Трудно браться за текст, когда хочется молчать. Просто молчать... Я начинаю ненавидеть свою любимую и благословенную профессию журналиста.

Вероятно, начать нужно с биографии.

Пусть мне в этом поможет сам Иван Чухин.

В конце 1995 года он выпустил за свой счет небольшую книжку, которая называется «Отчет депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации Чухина Ивана Ивановича перед избирателями Карельского территориального округа № 16 Республики Карелия». В ней честно рассказал, что смог и успел сделать за два года, представляя интересы граждан нашего края в высшем законодательном органе власти.

Последняя главка в отчете — самая короткая — отдана биографии.

«Чухин И. И. родился в Мурманской области в семье морского пограничника, четвертым ребенком. Отец родом из Архангельской области, мать — пудожских корней.

С 1954 года живет в г. Петрозаводске, где окончил школу и строительный техникум. После службы в армии работал в различных строительных организациях (бетонщик 4-го разряда, каменщик 5-го разряда) мастером, инженером. (Необходимо дополнить, что впоследствии он окончил факультет психологии Ленинградского государственного университета. — Прим. автора.)

В 1974 году по направлению трудового коллектива треста «Оргтехстрой» пришел на работу в уголовный розыск МВД Карелии. Участвовал в раскрытии тяжких преступлений практически во всех районах республики. За добросовестную работу неоднократно

поощрялся министрами внутренних дел КАССР и СССР. Награжден медалями «За безупречную службу в органах внутренних дел» III, II и I степеней. В настоящее время — полковник милиции.

Чухин И. И. активно участвует в общественной жизни республики. В течение многих лет печатается в республиканских газетах, журналах «Север», «Карелия». Автор книг «Моя милиция», «Каналоармейцы», «Интернированная юность»... (Последняя почти не известна широкому кругу читателей. Она выпущена маленьким тиражом и посвящена истории 517-го лагеря интернированных немцев НКВД СССР. — Прим. автора.)

Прервем на минуту это повествование.

Что мы раньше знали о строительстве Беломорканала? Ничего, кроме большой лжи. А те, кто знал правду, молчали. Иван Чухин несколько лет собирал документы о первой «школе перековки» ОГПУ. Помню, в конце 80-х наш петрозаводский историк Александр Пашков, договорившись со своими коллегами, устроил ему публичное выступление в Историко-архивном институте. Мы приехали в Москву втроем — Чухин, Пашков и я. У входа в институт висело объявление: «История ББК. Докладчик майор милиции И. Чухин. Под фамилией была приклеена пустая пачка «Беломорканала».

Зал встретил настороженно, почти враждебно. Здесь, в вотчине известного демократа первой волны Юрия Афанасьева, отношение к работникам правоохранительных органов было в то время, мягко говоря, недоверчивое.

— Держись, Иван Иванович, а то и нас с тобой съедят, — с улыбкой сказал Пашков.

— Постараюсь, — серьезно ответил Иван и начал свой рассказ.

Он говорил больше часа, называя десятки имен узников и охранников, приводя по памяти всю бесчеловечную статистику стройки. С трибуны его провожали овацией.

Потом он написал книгу «Каналоармейцы», вышедшую в 1990 году в издательстве «Карелия». Это первая и пока единственная правдивая книга об истории возведения Беломорско-Балтийского канала.

Вернемся к биографии.

«После трехлетнего пребывания в партии был избран делегатом XXVIII съезда КПСС — 1990 год. Наглядно убедился в невозможнос-

ти реформирования большевизма и сразу же после съезда вышел из КПСС. Публично, через газету «Ленинская правда», объяснил коммунистам мотивы этого решения и предупредил об опасных тенденциях в высшем руководстве КПСС. В настоящее время И. Чухин член партии «Демократический выбор России»...

Мне вспоминается август 91-го.

После неудавшегося путча появился Указ Президента «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР».

День недели был — суббота.

Иван позвонил мне домой. В это время он уже был народным депутатом России.

— Указ слышал?

— Слышал.

— Пошли обком закрывать...

(Правильнее, конечно, было бы сказать «реском», но республиканский комитет партии тогда чаще называли по старинке.)

Под вечер, около пяти часов, мы вдвоем пришли к зданию по Куйбышева, 5, показали милиционеру на вахте свои документы, прогулялись по этажам, они были пустынные, кабинеты закрыты, но из замочных скважин торчали ключи. К половине восьмого собралась депутатская комиссия, состоящая из членов горсовета и Верховного Совета республики. Стали приглашать на «акт закрытия» ответственных партийных работников. В большинстве своем они отказывались присутствовать при этом историческом событии. Согласие поначалу дал лишь секретарь горкома И. Шурупов. Вслед за ним подошел прокурор республики В. Богданов, который дозвонился до Москвы и определил наши действия как правомочные. Пока подготавливали бланки с подписями присутствующих, связались по телефону с Порожками, где находился на даче первый секретарь рескома Н. Кирьянов.

— Без меня не начинайте, — категорично сказал он.

Подождали, пока подъедет Н. Кирьянов, и уже в присутствии первого партийного лица стали опечатывать кабинеты.

— И это вся процедура, — в сердцах сказал Кирьянов, — смотреть, как наклеивают бумажки? Лучше б я баню протопил.

К одиннадцати часам кабинеты были опечатаны. Выключив в рескоме свет, мы ушли.

«В 1990 году, — говорится далее в биографии, — был избран народным депутатом РСФСР по Ленинскому избирательному округу. Являлся заместителем председателя Комиссии ВС РСФСР по реабилитации жертв политических репрессий. Один из авторов закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий». В этом качестве представлял Россию на международной конференции в Западном Берлине, консультировал ученых и журналистов США, Англии, Японии, Франции. Один из авторов полнометражного документального фильма «Канал имени Сталина». (Добавлю: в последний год своей жизни Иван Чухин вместе с Юрием Дмитриевым активно работал над «Книгой памяти», в которой поименно должны быть названы **все** жители Карелии, репрессированные в 1937—1938 годах. — Прим. автора.)

В 1993 году избран депутатом Государственной Думы от Республики Карелия. Член Комитета по безопасности. Принимал участие в разработке законопроектов «О борьбе с коррупцией», «О борьбе с организованной преступностью», «О государственной защите потерпевших, свидетелей» и др.

За пять последних лет к депутату И. Чухину и его помощникам обратилось с различными вопросами более двух тысяч граждан и трудовых коллективов. Многим удалось помочь...

По окончании своей депутатской деятельности Иван Чухин работал журналистом, был собкором по северо-западному региону еженедельника «Щит и меч». Подготовил к изданию рукописи книг «Соловецкий алфавит» — об узниках Соловецкого лагеря особого назначения и «Карелия-37: идеология и практика террора». Преподавал в Петрозаводском госуниверситете. Был председателем Карельского общества «Мемориал».

Это был честный, умный, принципиальный и очень порядочный человек.

Книга, которую вы сейчас держите в руках, увидела свет благодаря активной поддержке сотрудников подразделения «Охрана» МВД Республики Карелия, Петрозаводского госуниверситета, родственников и друзей Ивана Чухина.

Валерий Верхоглядов

ГЛАВА 1.

ВЕРХУШКА АЙСБЕРГА

Шестьдесят лет назад в бывшем Советском Союзе произошла величайшая трагедия, когда сотни тысяч честных, законопослушных граждан были объявлены врагами государства и народа, расстреляны, замучены в застенках НКВД или превращены в лагерную пыль. Тысячи детей остались сиротами и главные годы своей жизни провели в жутких условиях детских домов. Миллионы родственников, объявленные «членами семьи изменника родины», десятилетия жили в обстановке общественного презрения и страха. Без преувеличения можно сказать, что 1937—1938 годы прошли своей окровавленной косой по каждой советской семье.

За пятнадцать месяцев пресловутой «операции по борьбе с кулачеством, уголовниками и иным антиобщественным элементом» был окончательно уничтожен и без того тончайший слой интеллигенции, духовенства, военной и хозяйственной элиты советского общества. Сломлена и подавлена малейшая оппозиция существовавшему режиму коммунистической власти. В государстве и обществе на долгие десятилетия воцарились страх, покорность, воинствующий непрофессионализм, подлость, доносительство.

До сего дня историческая наука не может дать однозначного ответа на вопрос о непосредственной причине начала «операции» и тем более ее внезапного окончания. Слишком много факторов политической конъюнктуры, социально-экономической и демографической ситуации, откровенных провокаций и личных особенностей людей власти и толпы, медленно произрастая из ядовитых семян 1917—1918 годов, выросло и переплелось в это время в нашей стране.

Если суммировать все высказывания на эту тему, то можно выделить три основные группы обстоятельств, способствовавших началу «операции».

Социально-политические. Навязанный Сталиным курс на разгром крестьянства (в русле его идеи об усилении классовой борьбы), «подхлестывание» индустриализации страны, стиль и методы его руководства совсем неоднозначно оценивались в партии и обществе. Многих приводила в недоумение не только практика, но даже идеологическая непоследовательность Сталина. В Политическом отчете ЦК XV съезду ВКП(б) 2 декабря 1927 года И. Сталин говорил: «Неправы те товарищи, которые думают, что можно и нужно покончить с кулаком в порядке административных мер, через ГПУ: сказал, приложил печать и точка. Это средство легкое, но далеко не действенное. Кулака надо взять мерами экономического характера и на основе советской законности. А советская законность не есть пустая фраза...»¹

Замечательные слова! Но уже через два года, выступая на конференции аграрников-марксистов, Сталин объявил совершенно противоположное: «...от попытки ограничения эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике ликвидации кулачества как класса... Теперь у нас имеется, как видите, материальная база для того, чтобы заменить кулацкое производство производством колхозов и совхозов. Именно поэтому наше решительное наступление на кулачество имеет теперь несомненный успех»².

Вместо успеха страна получила невиданное насилие, падение сельского хозяйства и голод. В 1932 году бывший секретарь Краснопресненского райкома ВКП(б) М. Рютин написал в своей работе «Сталин и кризис диктатуры пролетариата» и в обращении «Ко всем членам ВКП(б)» потрясающие слова:

«Партия и пролетарская диктатура Сталиным и его кликой заведены в невиданный тупик и переживают смертельно опасный кризис. <...> С помощью обмана, клеветы и одурачивания партийных лиц, с помощью невероятных насилий и террора... Сталин за последние пять лет отсек и устранил от руководства все самые лучшие, подлинно большевистские кадры партии, установил в ВКП(б) и всей стране свою личную диктатуру... <...> Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение реальной заработной платы, непосильные налоги, инфляцию, рост цен...

На всю страну надет намордник, бесправие, произвол и насилие, постоянные угрозы висят над головой каждого рабочего и крестьянина. Всякая революционная законность попорана!»³

Эти слова читали многие члены партии, в том числе Г. Зиновьев, Л. Каменев, Н. Угланов... Так случайно ли на XVII съезде ВКП(б), съезде «победителей», И. Сталин едва не проиграл пост Генерального секретаря С. Кирову?

Не молчали и выдающиеся представители интеллигенции. Известно письмо академика Ивана Павлова в Совет Народных Комиссаров СССР от 21 декабря 1934 года. Он писал: «...Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны. Тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства... <...> Ни один же я так чувствую и думаю? Пощадите же Родину и нас».

Миллионы раскулаченных крестьян, в основном середняков, превратились из сторонников советской власти в ее личных противников. По отчету ОГПУ СССР на 1 января 1934 года в бегах находились около 400 тысяч спецпереселенцев. Это были, конечно, не «штыки», но четыре полнокровные армии агитаторов и пропагандистов. В агитации против советской власти на их стороне были 305 592 умерших за четыре года спецпереселенцев и миллионы умерших в «большой зоне».

Объективно сложной была и ситуация с общеуголовной преступностью, так как именно в тридцатые годы вошли в возраст и силу тысячи беспризорников гражданской войны. Это косвенно подтверждается результатами деятельности так называемых паспортных троек, которыми в 1937—1938 годах репрессировано более 200 тысяч человек «антиобщественного элемента».

Экономические. Индустриализация страны уже в первую пятилетку показала, что в стране нет достаточных людских и материальных ресурсов для таких темпов. Мартемьян Рютин писал: «...в общем и целом мы имеем уменьшение основного капитала страны за четыре последних года на 5 млрд. рублей, или на 8,5 процента... уничтожение запасов золота, продовольствия, одежды, мебели,

запасов сырья для промышленности и пр. достигает также не менее 10 млрд. рублей. Мы живем в настоящее время буквально без всяких запасов, без всяких ресурсов со дня на день! <...> Уже в настоящее время в скрытом виде по Советскому Союзу имеется не менее 400—500 тысяч безработных... Индустриализация, доведенная до абсурда, превратилась в подлинное народное бедствие и проклятье для народных масс...»⁴

Резерв на этом пути был только один — дальнейшее усиление интенсификации труда, ужесточение дисциплины и экономии. В стране имелся такой опыт. Беломорканал, канал Москва—Волга, БАМ, освоение Сибири и Дальнего Востока силами заключенных доказали, что «трудовые армии» не такая уж плохая выдумка Л. Троцкого. Однако к 1937 году «человеческий материал», находившийся в лагерях, в значительной мере состоял из уголовников, злостных отказчиков и инвалидов. Так, приказом по Белбалтлагу НКВД СССР в марте 1937 года только по одному Верхне-Выгскому леспромхозу были преданы суду сразу 165 злостных отказчиков от работы. В этом же лагере даже после основательной «разгрузки» 1937—1938 годов из 86 567 заключенных 11 тысяч были инвалидами⁵. Понятно, что с таким «контингентом» трудно было рассчитывать на успех в решении грандиозных задач, которые уже планировались. Летом 1937 года СНК СССР, например, уже подготовил решения об открытии новых семи лесных лагерей на 14 000 заключенных, шести лагерей на строительстве вторых путей Байкало-Амурской магистрали, лагерей на строительстве крупнейших целлюлозно-бумажных комбинатов в Архангельске, Соликамске и Сегеже. В структуре ГУЛАГа НКВД СССР появились лагеря специального, оборонного, промышленного, железнодорожного и шоссейного строительства, по сооружению аэродромов, строительству и эксплуатации предприятий горно-металлургической, топливной, химической промышленности. А сотни ОКБ (особых конструкторских бюро), куда не посадишь абы кого? По оценкам различных историков, за 1937—1938 годы в лагеря поступило более миллиона новых заключенных⁶. Крепких, умелых, готовых работать сутками, чтобы доказать «ошибку следствия».

Субъективные обстоятельства. О диктаторских особенностях личности И. Сталина в литературе сказано уже много, вплоть до предположения о его психическом нездоровье. О роли и ответственности Сталина за массовые репрессии подробно и аргументиро-

ванно рассказал в своей книге Д. Волкогонов: «Сталин все знал. Сталин руководил репрессиями. Сталин определял «стратегию» насилия. Сталин расставлял акценты в этом насилии. Сталин пытался скрыть подлинные масштабы репрессий путем ликвидации многих исполнителей террора»⁷. Но не следует сбрасывать со счетов и «свиту», которая всегда делает «короля». Как бы ни были велики «лимиты» на уничтожение людей, одобренные Политбюро ЦК ВКП(б), реальные цифры оказались намного больше. В первую очередь из-за того, что местные партийные вожди и начальники НКВД всеми силами старались доказать свою преданность, требовали все новых и новых жертв. Так, общий «лимит» для НКВД Карелии составлял 4 500 человек, репрессированы же были 8 428 человек. С требованиями дополнительных лимитов неоднократно обращались в Москву нарком НКВД К. Тенисон и секретарь обкома Н. Иванов. Новый нарком С. Матузенко осенью 1938 года, по согласованию с местными руководителями, дал команду (незаконную даже по тем временам беззакония) о выселении из Петрозаводска на острова в Онежском озере тысячи членов семей репрессированных финнов. После окончания «операции» секретарь Карельского обкома ВКП(б) Г. Куприянов писал в Москву: «Органы НКВД за эти два года провели, безусловно, громадную работу по разоблачению врагов народа, шпионов и т. д. Но при недостатках следственной работы мы не получили того, что могли получить...» Какой же вывод? — «...Устранить все недостатки с тем, чтобы успешней разоблачать врагов нашей партии, врагов народа»⁸.

Откуда такое усердие в зверстве? Прав оказался великий физиолог и психолог Иван Павлов. — «Кухарки», пришедшие к власти по трупам, принесли в политику и свою кухонную психологию: угодничество, зависть, склонность, стремление плюнуть в чужую кастрюлю только потому, что там бульон гуще. И страх. Животный страх от того, что народ может однажды призвать их к ответу...

Очередной кровавый рубеж начался 1 декабря 1934 года. Воспользовавшись убийством С. Кирова, Президиум ЦИК Союза ССР принял специальное постановление⁹ об «упрощенном порядке ведения следствия по делам о терроризме». Согласно этому постановлению на все «следствие» отводилось десять дней. Заседание суда следовало проводить «келейно», без участия сторон. Никаких обжалований

и ходатайств о помиловании не принимать, а расстреливать осужденных немедленно после оглашения приговора. Этот сталинский закон окончательно отменял существовавший порядок судопроизводства. Лично И. Сталин указал НКВД и на «зиновьевский след» в убийстве Кирова. 30 декабря 14 участников так называемого «Ленинградского центра» были расстреляны. В январе 1935 года Военная коллегия Верховного Суда СССР, рассмотрев дело так называемого «Московского центра», приговорила к различным мерам наказания еще 19 видных большевиков, в том числе Г. Зиновьева и Л. Каменева. В апреле Особое совещание при НКВД СССР осудило 15 членов так называемой «московской группы рабочей оппозиции» во главе с видным большевиком А. Шляпниковым.

В августе 1936 года состоялось новое судилище над участниками «антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского блока». В числе главных антисоветчиков вновь оказались Зиновьев и Каменев. Главный обвинитель на процессе А. Вышинский уже не стеснялся в выражениях: «...зловонная куча человеческих отбросов... взбесившиеся псы... гадина... помесь лисицы и свиньи... взбесившихся собак я требую расстрелять — всех до одного!» И все 16 членов блока были расстреляны.

Январь 1937 года. Военная коллегия Верховного Суда СССР рассматривает новое дело «параллельного антисоветского троцкистского центра». На скамье подсудимых 17 видных большевиков, в том числе Ю. Пятаков, К. Радек, Г. Сокольников, Л. Серебряков. И вновь Генеральный прокурор страны бросает в зал, на страницы газет и в души людей грязные, жуткие по своей сути слова: «...окончательно отпечетые люди... авантюристы и проходимцы... атаман бандитской шайки... ничтожная гнусная кучка... я обвиняю вместе со всем нашим народом, обвиняю тягчайших преступников, достойных только одной меры наказания — расстрела, смерти! (Долго не смолкающие аплодисменты всего зала.)»

В июне 1937 года Верховный Суд Союза ССР рассмотрел дело так называемой «антисоветской троцкистской организации в Красной Армии». И 8 высших военачальников во главе с маршалом М. Тухачевским были расстреляны...

Все это были частные, хотя и крупные факты. Упивавшийся властью Сталин сводил счеты со своими соратниками по партии. Многие из них действительно заслуживали серьезного наказания, но не

за мнимые, а за явные преступления. Как, например, председатель ОГПУ Г. Ягода, главный фальсификатор политических процессов тридцатых годов, или М. Тухачевский, заливший кровью Кронштадт и жестоко подавивший восстание тамбовских крестьян.

Было бы полбеды, если бы дело ограничивалось только грызней московских вождей. Нет-нет, да и вспыхивали где-то в деревнях восстания против советской власти, в городах появлялись злые листовки против ВКП(б), НКВД и лично товарища Сталина. Несознательные азиаты, кавказцы и прочие народы никак не хотели становиться «единой исторической общностью». Тюрьмы и лагеря гудели от недовольства, а спецпереселенцы, которые еще не вымерли окончательно, бежали на родину...

Требовалось раз и навсегда поставить народ на колени. Но не просто поставить, а сделать так, чтобы оставшиеся в живых радовались уже тому, что их-то не тронули. На борьбу с народом требовалось поднять сам народ. Повязать всех кровью, подлостью, молчанием и страхом. Ничто так не объединяет массы, как общий враг. Враг народа.

Формально имевшееся в государстве уголовное законодательство уже давно не являлось препятствием для репрессий. Большевицкие принципы диктатуры пролетариата и целесообразности властвовали над всем. С 1926 года следствие и судопроизводство осуществлялись уже на основе советских уголовного и уголовно-процессуального кодексов, которые, с одной стороны, давали гарантии законности, а с другой — открывали путь к произволу.

Так, статья 5 УПК утверждала, что «никто не может быть лишен свободы и заключен под стражу иначе, как в случаях, указанных в законе и в порядке, законом определенном». В статье 136 было сказано, что «следователь не имеет права домогаться показания или признания обвиняемого путём насилия, угроз и других подобных мер». Целая глава кодекса — шестнадцатая — посвящалась «обжалованию действий следователя». С другой стороны, в статье 7 УК было определено, что меры социальной защиты, судебно-исправительного и медицинского характера могут применяться к лицам, «представляющим опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности». Еще более расширяла произвол статья 16: «Если то или иное общественно опасное действие прямо не преду-

смотрено настоящим кодексом, то основание и пределы ответственности за него определяются применительно к тем статьям кодекса, которые предусматривают наиболее сходные по роду преступления».

Другим принципиальным обстоятельством являлось то, что в первые десятилетия советской власти, наряду с уголовным правом и традиционным судопроизводством, в стране действовали особые репрессивные законы и внесудебные органы.

К наиболее известным относятся решения ВЦИК и ЦИК «о красном терроре», «об административной высылке», «об упрощенном порядке следствия» и т. д. Право внесудебного рассмотрения дел за контрреволюционные, должностные и некоторые общеуголовные преступления всегда имели ВЧК и ЧК. В 1922 году специальным декретом ВЦИК право внесудебной расправы, вплоть до расстрела на месте, получило и ГПУ. В следующем году этот орган получил право рассматривать дела на своей ведомственной судебной коллегии. Через десять лет, в 1934 году, эту коллегию заменило так называемое Особое совещание.

Активным сторонником репрессий и внесудебных органов был и главный законник страны Генеральный прокурор СССР А. Вышинский, который, в частности, сформулировал тезис о том, что признание обвиняемым своей вины является главным доказательством. Именно на этом — на выбивании признаний — строилось все «следствие» 1937 года.

В 1936 году в Советском Союзе была принята новая Конституция, основной закон жизни страны. Добротный документ с хорошими, правильными словами. Например, статья 30 утверждала, что «высшим органом государственной власти в СССР является Верховный Совет СССР», а статья 102 гласила: «правосудие в СССР осуществляется судами и специальными судами, создаваемыми по постановлениям Верховного Совета СССР». Но и по этой Конституции Союз ССР являлся государством диктатуры пролетариата. Да еще в недрах статьи 126 было скромно, но твердо сказано, что все сознательные советские люди могут вступить в ряды ВКП(б), «являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных». Поэтому...

Весной 1937 года в Москве состоялся Пленум ЦК ВКП(б), ставший идеологическим обоснованием нового витка массовых репрессий.

Все пять вопросов повестки дня имели, по существу, одну цель — подготовить аппарат партии и НКВД, а также общественное мнение к предстоящей бойне.

2 июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает первое знаменитое решение по массовым репрессиям — П 51/94 «Об антисоветских элементах» (см. Приложение № 1):

«Послать секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий следующую телеграмму:

Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных в одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, — являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные, менее активные, но все же враждебные элементы были бы переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке».

Во исполнение партийного решения НКВД СССР был подготовлен и издан оперативный приказ № 00447 от 30 июля 1937 года. Дежурные фразы об усилении классовой борьбы были заменены в приказе на более конкретные: «Перед органами государственной безопасности стоит задача — самым беспощадным образом разгромить всю эту банду антисоветских элементов, защитить трудящийся советский народ от их контрреволюционных происков и, наконец, раз и навсегда покончить с их подлой подрывной работой против основ советского государства».

Операция была рассчитана на четыре месяца «ударной работы», и приказ очень подробно расписывал всю процедуру:

— контингенты лиц, подлежащих репрессии;

- категории их опасности и меры наказания;
- порядок проведения операции;
- порядок ведения следствия;
- организация работы троек НКВД—УНКВД;
- порядок приведения приговоров в исполнение;
- система руководства операцией и отчетность.

Перечень материалов «следствия», необходимых для приобщения к уголовному делу, был краток: «ордер на обыск и арест, протокол обыска, материалы, изъятые при обыске, личные документы, анкета арестованного, агентурно-учетный материал, протокол допроса и краткое обвинительное заключение».

Итак, операция по ликвидации кулачества, уголовников и прочего антисоветского элемента и национальные операции были рассчитаны на четыре месяца. Однако...

14 января 1938 года НКВД СССР направил на места шифртелеграмму № 109 о продлении работы троек до особого распоряжения.

31 января Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило предложение НКВД о дополнительном количестве подлежащих репрессиям и продлении до 15 апреля национальных операций.

17 мая НКВД СССР своей телеграммой № 1061 продлил «альбомные» операции в Карелии до 10 июня...

¹ Сталин И. Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б) 2 декабря 1927 г. М., 1950. С. 93.

² Сталин И. Собрание сочинений. Т. 12. С. 166, 169.

³ Реабилитация. Политические процессы 30—50-х годов. М., 1991. С. 94.

⁴ Там же. С. 401, 403, 413.

⁵ ГУЛАГ в Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 139, 162.

⁶ Органы и войска МВД России. М., 1996. С. 359.

⁷ Волкогонов Д. Триумф и трагедия. М., 1989. С. 302.

⁸ ГАОПДФ, ф. 3, оп. 5, д. 86. С. 73.

⁹ В докладе Н. Хрущева XX съезду КПСС говорилось, что постановление было подписано одним секретарем ЦИК А. Енукидзе по инициативе Сталина. См.: Реабилитация... С. 31.

ГЛАВА 2.

В КРАЮ НЕПУГАННЫХ ПТИЦ

Репрессии в Карелии проходили по общим планам Центра, на основе решений ЦК ВКП(б) и приказов НКВД СССР. Однако имелась и своя специфика, обусловленная геополитическим положением республики и историей ее советского периода. Созданная как форпост для продвижения революции в Скандинавию и полигон советской карательной политики (Соловки, Беломорканал), Карельская трудовая коммуна очень быстро убедилась в «прелестях» подобного положения. Еще 19 февраля 1921 года в письме в ЦК РКП секретарь Объединенного (Петрозаводско-Олонецкого) комитета РКП сетовал, что «...ни ЦК партии, ни какой другой центральный руководящий орган не дали местному партийному органу абсолютно никаких указаний о целях и задачах Карельской трудовой коммуны... «По слухам» здесь до некоторой степени готовится «буфер» для революционизирования Финляндии и Скандинавии... Если из простой, голодной, холодной старой Олонии хотят сделать «буфер», аванпост революции, Карельский интернационал... и если это все нужно для успеха революции и делается по указанию ЦК, то дайте указание и успех в настоящем деле наполовину обеспечен».

Архивные документы свидетельствуют, что Карельский обком ВКП(б) финансировал, в том числе и за государственный счет, нелегальную финскую компартию. 21 февраля 1933 года на заседании секретариата Карельского обкома слушали вопрос «о субсидии» Коммунистической партии Финляндии. Постановили: «утвердить на 1933 год в сумме 80 тысяч рублей». Спустя всего два месяца — новое решение «о выдаче единовременной субсидии в 200 тысяч рублей

Загранбюро КПФ». Постановили: «предложить фракции СНК отпустить 200 тысяч рублей, переводя эту сумму в распоряжение ОК ВКП(б)¹. В специально созданных «группах содействия КПФ» проходили обучение будущие финские коммунисты-подпольщики и шпионы. В ряде районов республики эти группы имели тайные склады оружия².

В 1925 году в Карелии был создан Карельский егерский батальон, реорганизованный через шесть лет в бригаду. Его первым командиром стал опытный военспец Эйолф Матсон, сын крупного финского банкира, близко знакомый как с Гюллингом, так и через своего отца с главнокомандующим финской армии Сихво. Костяк батальона составили выпускники петроградской интервоеншколы, так называемые «красные финны». Среди рядовых егерей было много вернувшихся из Финляндии по амнистии карельских беженцев. Комбат Матсон сразу же взял курс на строительство батальона по образцу финской армии, на основе ее воинских уставов. Воинское приветствие и команда «смирно» отличались от установленных в РККА, приводя в ужас проверяющих чинов Красной Армии. Вместо принятого в армии физкультурного общества «Динамо» Матсон организовал союз под названием «Медведь» и даже предложил заменить на головном уборе красную звезду на ...белого медведя. Библиотека батальона, как и библиотека интервоеншколы, состояла исключительно из финских изданий. Естественно, что Реввоенсовет Ленинградского военного округа не остался равнодушным ко всей этой крамоле, и в 1928 году Матсона перевели служить подальше от границы, в Новгород. Однако вскоре он вернулся в Карелию.

Вспоминает Эдвард Гюллинг: «В 1931 году, когда мне стало известно о реорганизации Карельского егерского батальона в бригаду, я на одной из сессий ЦИКа имел специальную беседу с Тухачевским и Фельдманом, перед которыми поставил вопрос о специфике карельских условий и просил их назначить командиром бригады Матсона. Тухачевский и Фельдман обещали это сделать, и во второй половине 1931 года Матсон вернулся в Карелию»³.

В рассматриваемый период республикой правили командированные партийно-административные вожди: финны Гюллинг и Ровио, белорус Аполоник, латыши Ирклис и Тенисон, украинец Матузенко... Единственный карел (да и тот тверской) на высоком посту — Павел Бушуев.

Что касается демографической ситуации, то население республики в тридцатые годы составляло около 400 тысяч человек. Для выполнения собственного промфинплана Карелия ежегодно вербовала по стране до 50 тысяч наемных работников. В США активно действовал «Комитет технической помощи Карелии», и тысячи американско-канадских лесорубов приехали в Карелию строить социализм. Большая группа «красных финнов» прибыла сюда еще в 1918—1919 годах. После неудачного «олонецкого похода» 1919 года и интервенции на Севере тысячи карелов (по данным НКВД — 18 тысяч), опасаясь репрессий, эмигрировали в Финляндию, а после объявленной амнистии 6 тысяч человек вернулись домой. Все они были взяты на оперативный учет в НКВД по окраске «каравантюристы»⁴. В 1930—1932 годах в связи с экономическим кризисом в Финляндии и приходом к власти щюцкора в Карелию хлынула вторая волна перебежчиков общей численностью (по данным НКВД) до 7 тысяч человек. Основная часть их осела в Петрозаводске (3,5 тыс.), Прионежском районе (2,5 тыс.) и Кондопоге. По оперативному учету НКВД они проходили как «финперебежчики».

В республике проживали ссыльные члены «Промпартии», «новой оппозиции», «троцкистско-зиновьевского блока», сто тысяч заключенных Белбалткомбината НКВД и трудпоселенцев...

В тридцатые годы в Карелии еще только зарождались настоящая промышленность, пролетариат и интеллигенция. Основу промышленности составляли лесозаготовки и предприятия, технологически связанные с лесом. В Петрозаводске действовала крупнейшая в стране лыжная фабрика, которая выпускала в год более 300 тысяч пар лыж для Красной Армии, и Онежский тракторный завод. Строились Кондопожский и Сегежский бумкомбинаты, НИВА-ГЭС. Свою продукцию выпускали Оленегорские и Шокшинские разработки камня, рудник «им. Самойловича» в Чупе. Основу сельского хозяйства республики составляли сотни мелких колхозов. Впрочем, колхозники большую часть времени отбывали трудповинность на лесозаготовках, чем на своих хилых полях.

Большинство населения было неграмотным и малограмотным, даже председатель КарЦИКа Н. Архипов имел всего лишь «низшее образование». В органах НКВД малограмотные сотрудники составляли более половины личного состава. Программа первоначальной подготовки сержантов госбезопасности — главных следователей 1937

года — например, по географии, начиналась с вопроса «Где находится СССР?».

Остро стоял в республике вопрос о государственном языке. Еще в двадцатые годы, когда эта проблема рассматривалась в ЦК ВКП(б), «главный языковед» страны И. Сталин сказал, что раз для карельского языка нет материальной основы — письменности, то нужно развивать финский язык. В 1932 году Совет национальностей СССР «нашел целесообразным приступить к созданию карельского литературного языка», но секретарь обкома Г. Ровио апеллировал к ЦК, и предложение не прошло. Известны решения партийных и советских органов республики о заселении национальных районов финнами, привлечении финских фермеров к руководству карельскими колхозами и т. д. По состоянию на 1933 год в республике из 371 524 человек насчитывалось 120 555 карелов и финнов, то есть менее одной трети⁵. В то же время число карелов и финнов, работающих в КарЦИКе, составило 67,2 процента, по РИКам — 46,5, по сельсоветам — 55,1 процента⁶. Именно эти обстоятельства — национализм и финизация — составляли ядро обвинений по делам контрреволюционных организаций в Карелии.

Политические репрессии в республике не ограничиваются только 1937—1938 годами. Первый удар политической репрессивной машины приняли на себя в тридцатые годы так называемые «кулаки». По данным Госплана КАССР, в 1927 году к найму рабочей силы прибегали всего 624 хозяйства, или 1,6 процента всех крестьянских хозяйств⁷. В большинстве своем это были середняцкие хозяйства, где и лошадь-то была редкостью. Чисто экономические меры давления на рачительных хозяев земли постепенно заменялись судебным преследованием, а затем и беззаконием. С 1 января по 31 августа 1931 года в Карелии был осужден 471 «кулак», в том числе 28 человек — к лишению свободы⁸.

В сентябре 1931 года, на основании совершенно секретного постановления бюро Карельского обкома ВКП(б) (протокол 36 от 08.08.31 г.), в 12 районах республики была проведена операция «по ликвидации кулачества как класса», и тысячи жителей были ограблены, унижены, выселены с родных мест в районы Кандалакши и Пудожя. При этом карельские вожди нарушили даже установленные Центром нормативы («процент кулацких хозяйств и процент коллективиза-

ции в районе»). Мотивировка такого усердия звучит в постановлении следующим образом: «п. 2. Учитывая пограничность ряда районов Карелии, активизацию кулачества в них, попытки просачивания в Финляндию и смыкания с финскими фашистами, а также наличие коллективизации не менее 40 процентов в пограничной зоне, согласиться с постановлением Республиканской комиссии о проведении ликвидации кулачества как класса в кратчайший срок во всех пограничных районах»⁹.

Не дремали и чекисты Карелии. 11 апреля 1932 года заместитель полномочного представителя ОГПУ в Ленинградском военном округе И. Запорожец направил председателю ОГПУ Р. Менжинскому докладную записку следующего содержания:

«В дополнение к моему устному докладу о разработках по Ингерманландии и Карельским делам Особого отдела ПП ОГПУ в ЛВО, сообщаю, что их положение на сегодняшний день является следующим:

а) На территории Карелии.

1. Следственное дело по агентурной разработке «Гости» — Северный участок Карелии. По делу арестовано 27 человек, из них 22 каравантюриста. Следствием и собственными признаниями значительного количества обвиняемых установлено, что группировка представляет осевшую базу разведки и Карельско-Академического общества, ставившую задачу — оказание сопротивления всем мероприятиям Советской власти на селе, а также ведение разведывательной работы в погранполосе Карелии.

2. Следственное дело «Полярники» — тот же участок. По делу арестовано 9 человек, из них родственников зарубежных разведчиков 7 человек, участников каравантюры 1 чел. Группировка является базой финразведки, руководимой полковником Вилома, в задачу которой входило проведение диверсионных актов на ж. д. магистрали Мурманской ж. д., в районе новостроек, а также противодействие всем мероприятиям на селе. В совершении преступлений созналось 7 человек. Дело будет закончено к 1 мая с.г.

3. Следственное дело «Союзники-Удача» — Южный участок Карелии. По делу проходит 31 человек, пока арестовано 8 человек, дополнительная операция будет проведена 14 апреля с.г. Группировка является, как установлено следствием, базой финразведки и К.А.О., ведущей в погранполосе политическую и разведывательную деятельность. Дело будет закончено к 30 мая с.г.

4. Следственное дело «Самозванцы» — Южный участок. По делу арестовано 9 человек. Из них: 1 зарубежник-охранник, 2 ходока-двойника, остальные информаторы финского разведывательного пункта в Салми. Дело будет закончено к 15 мая с.г.

5. Следственное дело «Паутина» — Южный участок. По делу арестовано 4 человека. Все зарубежники, один из них наш закордонный осведомитель-двойник. Двое сознались в работе финохранки и выдали осевших в Петрозаводске перебежчиков, являющихся также охранниками. Дело будет закончено к 15 мая с.г.

6. Агентурное дело «Мухоморы» — Южный участок Карелии. По делу проходят родственники разведчиков салминского разведпункта и прямые разведчики — 34 человека. Дело намечено к ликвидации 15 мая, после получения материалов, подтверждающих разведывательные действия.

7. Агентурное дело «Буран» — Южный участок Карелии. По делу проходят как связисты и родственники разведпункта Питкяранта 18 человек. Дело намечено к ликвидации 15 мая. Пока по агентурным материалам установлена антисоветская деятельность и поджоги строений колхозов.

Итого по делам в Карелии проходят 127 человек, из них: арестовано 57 человек, подлежит аресту 70 человек»¹⁰.

В 1933 году в 15 районах республики органами ОГПУ была «вскрыта» контрреволюционная организация общей численностью 1641 человек. Огромное дело получило громкое название «Заговор финского генштаба». В докладной записке И. Сталину (№ 50948 от 25.12.33 г.) «О ликвидированных с 1930 по 1933 год наиболее важных контрреволюционных организациях по СССР» зам. председателя ОГПУ Г. Ягода писал, что самыми крупными являлись контрреволюционная организация в Наркомземе — 6 тысяч человек, «Промпартия» — 2 тысячи человек. На третьем месте — «контрреволюционная диверсионно-повстанческая организация, созданная финским генштабом, охватившая 15 районов Карелии и 8 районов Ленинградской области. Ликвидирована в 1933 году. Крупную работу организация развернула в частях Отдельной Карельской егерской бригады». В этой же докладной говорилось и о «контрреволюционной повстанческо-диверсионной группе, действовавшей на ст. Масельгская, Майгуба, Параново, Кемь и в прилегающих к ним районах, вскрыта в 1933 году. Группа возглавлялась Пистолькорсом Ф. К., бывшим бароном и поме-

щиком, состояла из 55 человек классово-чуждого элемента, раскулаченных, высланных и скрывшихся от раскулачивания».

Содержание обвинений по делу о заговоре финского генштаба практически одинаково для всех 23 ячеек, можно рассмотреть их на примере одной — Олонецкой ячейки повстанцев из 89 человек. Обвинительное заключение по этому делу написано следователями ОГПУ как исторический роман с детективным сюжетом. Об этом свидетельствуют даже подзаголовки.

Так, *Историческая справка по Олонецкому району* начинается с дореволюционных времен, подробно исследуется географическое, военно-стратегическое и современное состояние. Следователи совершают подробный экскурс в подготовку так называемого «олонецкого похода» 1919 года, анализируют причины его неудачи и эмиграции карелов в Финляндию. В справке щедро цитируется «Сборник памяти олонееккой экспедиции» под редакцией Сихво и Игнацуса. Утверждается, что большинство карельских беженцев прошли специальную подготовку в Сердобольской разведывательной школе и, воспользовавшись амнистией, вернулись в Карелию со специальными шпионскими заданиями. Особо тревожными обстоятельствами следствие посчитало то, что район на 100 процентов заселен карелами, из которых четвертая часть — бывшие каравантюристы. Коллективизация в сельском хозяйстве достигла лишь 50,8 процента, а по лесозаготовкам район занесен на «черную доску». Смысл этой главы заключался, видимо, в том, чтобы убедить суд в необходимости борьбы ОГПУ с врагами, которые захватили все командные посты в районе, начиная с председателя РИКа. Хотя и раньше чекисты не дремали. Еще в 1925 году в Олонецком районе было репрессировано 95 человек, обвиненных в пособничестве финским шпионам братьям Сечкиным. В 1932 году, как уже сказано, была «вскрыта» группа салминской резидентуры — 10 человек. Но враг не дремлет...

Следствие не утруждало себя поисками и доказательствами конкретных фактов вины новых контрреволюционеров. Все обвинение построено на предположениях типа «хотели убить председателя сельсовета Гаврилова, но им помешал проезжавший гражданин», «весь Олонецкий район был бы почти сразу охвачен восстанием», «особо активно должна была проявляться диверсионная работа финразведорганов в момент восстания» и т. д. Несмотря на все угрозы

и избиения, 42 олонцевких обвиняемых вообще не признали за собой никакой вины, и ОГПУ не решилось вынести дело на рассмотрение суда. Судьбу всех обвиняемых решала Тройка ОГПУ: 14 человек получили расстрел с заменой на десять лет концлагеря, остальные просто по десять лет лишения свободы¹¹.

Характерно, что еще в обвинительном заключении «писатели» ОГПУ предсказали результат своей работы. «Выводы. Своевременная ликвидация ячейки не только расстроила планы фингенштаба, но и значительно оздоровила район, дав основной показатель — снятие района с «черной доски». Вот ведь как просто: загнали сотню человек в лагерную пыль, и район — не то чтобы стал процветающим (это не важно), а был снят с пресловутой «черной доски».

Летом того же 1933 года следователями 3-го пограничного отряда по обвинению в шпионаже и подготовке восстания были репрессированы еще 100 человек так называемых «финских боевиков». Госграница тогда проходила через густонаселенные места: Погранкондуши, Палалахта, Поросозеро, Реболы...

Не отставали от своих коллег и чекисты Балбалтлагеря ОГПУ. Летом 1933 года ими было сфальсифицировано уголовное дело против 50 заключенных лагеря и жителей Повенца. Ядро контрреволюционной организации составляли священнослужители: архиепископ Самарский Александр Анисимов, архиепископ Калужский Николай Винокуров, член Синода Павел Красотин, священники, протоиереи... Обвинение стандартное: «широкая агитационная работа контрреволюционных элементов лагеря и местного населения за отторжение территории АКССР к Финляндии вместе с БВВП»¹².

1 апреля 1935 года постановлением бюро Карельского обкома ВКП(б) был утвержден план мероприятий «по очистке 22 км пограничной полосы Карельской АССР от кулацкого и антисоветского элемента»¹³. В соответствии с этим планом подлежали выселению жители Олонцевкого, Пряжинского, Петровского, Ребольского, Калевальского, Ругозерского и Кестеньгского районов. Руководили выселением специальные тройки в составе секретаря райкома ВКП(б), председателя РИКа и представителя НКВД.

Выселяемым семьям разрешалось взять с собой двухмесячный запас продовольствия, одежду, обувь, хозяйственный инвентарь и домашнее имущество, но не более 30 пудов общего веса на семью. «Кулацкое имущество» и скот конфисковывались с передачей в кол-

хозы. Хотя непонятно, какие еще кулаки и имущество могли остаться после грабежа 1931 года? Но в конце апреля начальник ГПУ Карелии К. Шершевский уже докладывал секретарю обкома Г. Ровию: «24.04.35 г. со станции Петрозаводск на станцию Кузнецк отправлен эшелон № 14 с выселяемыми из полосы действия 3-го погранотряда — 172 семьи, общей численностью 836 человек... 25.04 из полосы действия 1-го погранотряда (Калевала—Кестеньга) и Ребольской погранкомендатуры выселены 103 семьи общей численностью 597 человек...»¹⁴

1935—1936 годы прошли в Карелии под знаком шпиономании. Десятками ликвидировались «вражеские гнезда» в пограничных районах. Арестован и осужден «шведский шпион» А. Усениус (нарком легкой промышленности) и «финский шпион» О. Вильми (председатель радиокомитета). Именно он руководил когда-то в республике группами содействия ФКП как уполномоченный ее ЦК. Судьба Отто Вильми трагична. Он был осужден в 1936 году Верховным судом КАССР по статье 58-10 на семь лет лишения свободы. Однако с началом операции вновь этапирован в тюрьму и по тому же самому обвинению 4 января 1938 года приговорен комиссией НКВД и Прокурора СССР к расстрелу.

Значительную роль в развитии ситуации в Карелии сыграли московские события, в частности, развернувшаяся в ЦК ФКП и руководстве Коминтерна борьба за власть между О. Куусиненым и К. Маннером. Еще летом 1933 года член ЦК ФКП Ганна Мальм (жена К. Маннера), выступая на совещании в Петрозаводске, подвергла резкой критике работу Куусинена. В результате была выведена из состава ЦК и исключена из партии «за оппозиционную борьбу». 12 мая 1934 года секретариат Коминтерна специально заслушал вопрос «О разногласиях внутри руководства КПФ» и рекомендовал товарищам прекратить исторические споры по поводу финской революции. Маннер дал такое согласие и был переведен на работу в сектор стран Америки. Но кому-то из товарищей этого показалось мало. 1 июля 1935 года на стол Сталина легла грозная бумага из НКВД, знаменовавшая новый виток репрессий против финнов.

«Нами ликвидирована к. р. группа бывших руководителей и членов финской компартии, ставившая своей целью активную борьбу с нынешним руководством финской компартии, вплоть до применения

террора, по примеру совершенного террористического акта над руководителями ЦК финской компартии в 1920 году в Ленинграде.

С декабря 1934 года группа эта организационно оформилась и переросла в к. р. фашистскую организацию, ставившую перед собой задачу борьбы с руководством Коминтерна и КПФ, агитации против ЦК КПФ, смены ее руководства, насаждение своих людей на командные посты в Карелии и подчинения своему влиянию финской коммунистической прессы. В состав группы входят: Пукке Вяйно, член ВКП(б), слушатель института красной профессуры, б. секретарь загранбюро ЦК КПФ, дважды исключавшийся из рядов ВКП(б), дважды арестован и выслан за участие в теракте 1920 года; Рауттио Вяйно, член ВКП(б), слушатель института мирового хозяйства, в прошлом один из руководителей ФК Карелии, отведенный от работы по финнам и исключенный за троцкизм; Мальм Ганна, б. член ВКП(б), член ЦК КПФ, выведена из состава ЦК... По согласованию с ггг. Ежовым и Пятницким, нами арестовывается Маннер...»¹⁵

Участникам группы было предъявлено обвинение по статье 58-4 «способствование в контрреволюционных целях финской буржуазии». Маннеру, Пукке, Рауттио и Киви кроме этого вменялось в вину и «вращивание террористических настроений в отношении т. Куусинена». Не террор и даже не подготовка террористического акта, а именно так — вращивание настроений. Обвинительное заключение по делу группы Маннера писал известнейший следователь прокуратуры СССР Лев Шейнин, который утверждал, что именно Маннер и Ласконвирта выдали финской охранке Тойво Антикайнена и Герту Куусинен. Никаких доказательств этого, как и всего остального, в деле нет. Есть только политика и сведение личных счетов. Приговор за политические разногласия оказался исключительно суровым. Пукке, Киви и Ласконвирта были расстреляны, остальные осуждены на срок от пяти до десяти лет лишения свободы. Уже тогда в деле Маннера появились далеко идущие показания на Ровио, Гюллинга и других руководителей Карелии. Результат не замедлил сказаться.

В августе 1935 года на Пленуме Карельского обкома ВКП(б) были сняты с работы секретари Ровио и Аполоник. В сентябре отозван в Москву Гюллинг. Формулировки вины пока еще были туманными: «за потерю революционной бдительности, национализм, антисоветскую практику». Срочно была расформирована Карельская егерская бригада, а десятки ее офицеров арестованы и осуждены.

1936 год знаменуется выходом в свет постановления ЦК ВКП(б) «О террористической деятельности троцкистско-зиновьевского блока». При обсуждении этого постановления и передовой статьи в газете «Правда» «Уметь распознать врага» в парторганизациях республики был устроен настоящий шабаш. Протоколы и резолюции собраний полны сотнями фамилий бывших и нынешних коммунистов, заподозренных в троцкизме. Большинство из них исчезли затем в жерновах репрессивной машины. Но и многих из тех, кто проявил принципиальное усердие, не миновала горькая участь. Например, директор Кондопожского ЦБК Г. Ярвимаки на собрании выдвинул такой тезис: «Мы должны добиться такого положения, чтобы каждый коммунист был чекист»¹⁶. В 1937 году он был расстрелян такими же коммунистами-чекистами.

В критическом запале досталось (и справедливо) даже профессиональным чекистам. В протоколе собрания парторганизации ББК НКВД отмечалось, что член пленума Фирсов говорит: «Я не верю в честность начальника лагеря Успенского, по соципроисхождению он сын псаломщика, женился на бывшей заключенной контрреволюционерке, которая, по сведениям, из-за ревности стрелялась. Успенский до организации парткома был большой грубиян и человек, который не любит самокритику»¹⁷. Это точно. Если бы коммунисты ББК заинтересовались деятельностью Д. Успенского в Соловецком лагере особого назначения, то они бы узнали, что больше всего он любил лично приводить в исполнение приговоры о расстреле.

Однако большинство рядовых коммунистов смутно представляли «троцкизм» и свои задачи в борьбе с этим злом. Чего стоит одна только резолюция Пудожгорской первичной парторганизации: «...В области сожительства вольных граждан с заключенными поставить вопрос перед вышестоящими организациями о запрещении сожительства»¹⁸. Дело, однако, не ограничилось резолюциями и «постановкой» вопросов. Из партии были исключены 1650 человек, отозвано 732 депутата, или 17,7 процента всех депутатов, арестовано и осуждено за время проверки партдокументов 146 человек¹⁹.

Уже первые «поиски ведьм» выявили «троцкистское охвостье» в Карплане, Наркомместпроме, пединституте, на Онегзаводе. В числе троцкистов были арестованы: высланная в Петрозаводск врач Наркомздрава Геня Родомысльская (сестра Зиновьева), директор дорожного техникума Август Вызу, инструктор обкома ВКП(б) Ганс

Абен и два помощника прокурора республики — Аксеновский и Парфентьев. По состоянию на 25 мая 1937 года (по отчету НКВД) было «ликвидировано 8 контрреволюционных троцкистских групп общей численностью 45 человек. Еще 35 человек арестованы за контрреволюционные высказывания в связи с троцкистскими процессами в Москве»²⁰.

Документы архивного фонда «Переписка НКВД с Каробкомом ВКП(б)» позволяют проследить, как планомерно накалялось и раздувалось пламя предстоящих массовых репрессий. В 1937 году, в связи с постановлением правительства СССР, в Карелии была введена пониженная норма продажи хлеба. Очереди за хлебом доходили до 150—200 человек даже в Петрозаводске. Сводки НКВД полны критических высказываний граждан о том, что «хлеб отправили в Испанию, а нас заставляют голодать», «какой там праздник 1 Мая, когда куска хлеба нет, дети и те с голоду подышают». На многих предприятиях образовались двух-, трехмесячные задержки зарплаты, и население начало в массовом порядке сдавать облигации займов. В леспромхозе п. Матросы «200 лошадей по 4—5 суток стоят без сена и овса. Дохнут...» Срывается план подготовки к весеннему севу... к сплаву... растет количество лесных пожаров. Во всех этих бедах НКВД невязчиво обвиняло «контрреволюционеров». Впрочем, были и конкретные факты — антисоветские листовки, «зав. избой-читальней П. Зеленко, пристреливая малокалиберную винтовку, умышленно прострелил портреты Сталина и Жданова...», и т. д.

9—10 апреля 1937 года в Петрозаводске состоялось оперативное совещание личного состава УГБ НКВД КАССР по обсуждению итогов Пленума. С докладом выступил нарком Тенисон, а затем более 30 сотрудников (из 82 присутствовавших на совещании) наркомата и районделений критиковали друг друга и занимались публичной самокритикой. Так, помощник оперуполномоченного Заонежского РО НКВД сержант госбезопасности И. Терехов посетовал, что агентурная разработка «Чудотворцы» на церковников ведется уже десять лет. Начальник Петровского РО А. Чернов заявил: «...по разработке «Повстанцы» я сигнализировал в декабре 36 года, но я не получил ни помощи, ни указаний». Все оперативники дружно критиковали зам. наркома Солоницына, который заставлял их по нескольку раз переписывать протоколы допросов, а сам «причесывал» их не только по форме, но и по содержанию.

В заключение К. Тенисон признал недостаточное руководство райотделениями, затягивание дачи указаний по разработкам. Призвал резко активизировать работу с агентурой, усилить бдительность, поднять старые, интересные разработки из архивов. В общем, делами (следственными) ответить на критику партии.

В мае 1937 года на областной партийной конференции при обсуждении итогов февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) секретарь Каробкома П. Ирклиз и нарком внутренних дел республики К. Тенисон еще раз призвали к бдительности. Нарком, в частности, говорил: «Успокаиваться на том, что мы покончили с националистическим элементом, было бы совершенно неверно... В Карелии осели за все годы около 10 тысяч перебежчиков из Финляндии и Америки... За шесть лет, с 1930 года, из этих 10 тысяч мы арестовали 1720 человек, 450 как шпионов, 300 — контрреволюционный элемент и националисты, около 900 человек — при попытке перейти обратно в Финляндию. Тов. Ирклиз в своем докладе говорил, что у нас особого вредительства нет. Может быть, на сегодня и нет, потому что нового мы сейчас ничего не строим»²¹.

Руководители обкома (Ирклиз и Никольский) заслужили немало похвальных слов от делегатов партконференции. Без фамилий, в общем виде говорилось об оживлении среди «контрреволюционеров», не вычищенных из партии и из жизни за два десятилетия советской власти.

В июне—августе 1937 года бюро ОК ВКП(б) рассмотрело два важных вопроса, оказавших влияние на ход последующих репрессий: о работе прокуратуры и о состоянии Наркомюста. В итоге была выражена просьба к А. Вышинскому о снятии с должности прокурора республики «т. Гертнера, который не обеспечил четкого проведения классовой линии, проявил либерализм и политическую близорукость в своей работе и допустил ряд чрезвычайно серьезных политических ошибок»²². Проверивший работу прокуратуры и суда зам. прокурора Ленинградской области Шпигель нашел в прокуратуре Карелии лишь одного хорошего работника — зам. прокурора Г. Михайловича, «но у него большой недостаток — он недостаточно грамотен»²³.

Проверка выявила недостатки и в работе Верховного суда КАССР, который «в своей практической деятельности проводил правоопортунистическую линию в карательной политике судебных органов республики». Слишком активно, по мнению проверяющих, работала кас-

сационная коллегия, снижая сроки наказания. «Спецколлегия Главсуда КАССР за 1936 год рассмотрела 80 дел, осудила 103 человека и оправдала 25 обвиняемых — 20 процентов. Процент громадный»²⁴. Еще больше нареканий вызвала работа лагерного суда ББК, который «вынес оправдательный приговор зятю врага народа Троцкого — контрреволюционеру Моглину». Решением обкома ВКП(б) председатель Верховного суда КАССР А. Иост и 16 судебных работников были сняты с работы, исключены из партии и впоследствии репрессированы.

5 августа 1937 года, в день официального начала «операции по борьбе с кулачеством, уголовниками и иными антисоветскими элементами» газета «Красная Карелия», официальный орган Карельского обкома ВКП(б) и ЦИК КАССР, лишь один раз поднимала эту тему. В передовой статье о новом избирательном законодательстве было сказано: «...ни на минуту не забывать, что остатки разбитых эксплуататорских классов, японо-германские шпионы и диверсанты, троцкистско-бухаринские последыши, буржуазные националисты, а также церковники и сектанты сейчас попытаются и будут пытаться использовать советскую демократию в своих классовых интересах».

В остальном материалы номера спокойно отражали жизнь республики: открытие курсов агитаторов в Кемпи, снижение цен на овощи, успехи рыбаков и стахановцев сенокоса. Рассказывалось о том, что группа карельских спортсменов — Кивекяс, Ойнонен, Вялимаа и Сисюнн выехали на Всесоюзные соревнования ДСО «Динамо», а в Доме народного творчества можно посмотреть новый звуковой фильм «Карл Бруннер»...

Никто из 400 тысяч жителей Карелии не догадывался, что с этого дня жизнь каждого из них висит буквально на волоске. Что косою взгляд чекиста, одно неосторожное слово могут оборвать этот волосок в любую минуту. Люди не знали, что национальная принадлежность или события прошлой жизни уже тянут их пудовыми гирями в пропасть. Многие, очень многие из них скоро окажутся в Доме народного творчества, но не на киносеансе... А просто потому, что живут в это время в этой стране.

-
- ¹ ГАОПДФ, Особая папка.
- ² В спецсводке НКВД КАССР № 1631 от 05.10.37 г. по делу контрреволюционной националистической организации в Карелии говорилось, что «представительство ФКП в Карелии и группы содействия были созданы по инициативе троцкиста Маннер Кулерво». В 1938 году на допросе в НКВД арестованный председатель СНК Карелии Э. Гюллинг показал, что «созданные группы содействия ЦК ФКП (одобренное финской секцией Коминтерна) преследовало целью подготовку кадров работников финкомпартии. Группы эти должны были строить свою работу по принципам строжайшей конспирации». ЦА ФСБ РФ, ф. 3, оп. 5, д. 285. С. 103.
- ³ ЦА ФСБ РФ, ф. 3, оп. 5, д. 285. С. 99.
- ⁴ Окраска — специальный термин НКВД, обозначающий категорию подучетников.
- ⁵ *Поттоев Ф.* Советское строительство АКССР // Советская Карелия. М.; Л., 1933. С. 119.
- ⁶ *Бихдрикер Д.* Коренизация советского аппарата, подготовка советских национальных кадров и административное районирование // Там же. С. 193.
- ⁷ НА РК, ф. 698, оп. 1, д. 54, С. 48.
- ⁸ Народное хозяйство Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 181—182.
- ⁹ ГАОПДФ, Особая папка.
- ¹⁰ Архив автора.
- ¹¹ В пятидесятые годы все дела «о заговоре финского генштаба» были пересмотрены, прекращены за отсутствием состава преступления, и все обвиняемые реабилитированы.
- ¹² Архив МВД РК. Сл. дело 3433-33 г. С. 314.
- ¹³ ГАОПДФ, Особая папка. Характерно, что после окончания «зимней войны» была проведена вторая такая же операция. В соответствии с приказом народного комиссара внутренних дел СССР обком принял постановление «О сселении населения, проживающего в 40-километровой зоне от государственной границы в тыловые районы». Вновь были созданы тройки из представителей НКВД, СНК и ОК ВКП(б), определены районы республики для переселения 30 тысяч жителей бывшей Финляндии. В дальнейшем секретарь обкома Г. Куприянов обратился в ЦК ВКП(б) с предложением «всех враждебно настроенных финнов (переселенных с б. территорий Финляндии) переселить в отдаленные области Союза (Якутия или Омская область)». (Там же.)
- ¹⁴ Архив МВД РК, ф. 40, д. 49/1. С. 263.
- ¹⁵ Архив автора.
- ¹⁶ ГАОПДФ, ф. 3, оп. 4, д. 58. С. 54.

¹⁷ Там же. С. 24.

¹⁸ Там же. С. 62.

¹⁹ ГАОПДФ, ф. 3, оп. 4, д. 203. С. 73, 86; д. 205. С. 72.

²⁰ Архив МВД РК, ф. 40, д. 49/4. С. 45.

²¹ ГАОПДФ, ф. 3, оп. 4, д. 205. С. 74—77.

²² Там же, д. 246. С. 79.

²³ Там же, д. 403. С. 304.

²⁴ Там же. С. 14.

ГЛАВА 3.

«АРЕСТОВАТЬ И НЕ ВЫПУСКАТЬ»

Постановление ЦК ВКП(б) и приказ НКВД СССР № 00447 явились, по существу, лишь спусковым крючком громадного механизма государственной репрессивной машины, которая к 1937 году уже имела богатый опыт карательной работы. Правда, это был опыт массовых, огульных операций по уничтожению, депортации или «изоляции» отдельных категорий граждан, что отмечалось и на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б). Но выполнение нового партийного решения и приказа НКВД СССР требовало от чекистов именно таких знаний и навыков.

«Наиболее злостных» — расстрелять, «менее активных» — отправить в лагеря. Отпущен специальный «лимит» на репрессию, который необходимо выполнить, а еще лучше — перевыполнить. Не требуется никакого особенного следствия, подозреваемого можно даже пытаться. Если не признается, то тоже не беда: кто его будет слушать? Запрещалось только одно — высказывать сомнения и проявлять снисхождение к врагам. А врагов, ох, как много, в том числе и в Карелии.

В каждом районном отделении НКВД имелись агентурные разработки на подозреваемых в шпионаже, вредительстве и прочей антисоветской деятельности. В архивах хранились сотни дел на финперебежчиков, иностранцев, троцкистов, эсеров, эсдеков, церковников, сектантов... Например, в акте приемки Пудожского РО НКВД 1937 года сказано, что в 260 населенных пунктах района проживает 26 тысяч человек, из которых 1314 являются «контрреволюционным элементом». На картотечном учете райотделения

состояло 575 человек, имелось 247 дел-формуляров (в том числе 109 — на бывших членах ВКП(б) и 120 — на финперебежчиков). Ведется 163 литерных дела, начиная с РИКа и кончая детским домом¹.

Естественно, что все эти бумажки, компрометирующие конкретных подучетников, тщательно сохранялись и накапливались. Примером может служить дело рядовой колхозницы, уроженки и жительницы деревни Мунозеро Петровского района Евдокии Алексеевой. В 1919 году она была арестована и десять месяцев просидела в Бутырской тюрьме как заложница за своего мужа, бежавшего в Финляндию вместе с белофиннами. Выпустили, вернулась домой... В феврале 1924 года ГПУ Карелии произвело в ее доме обыск и изъяло товары ширпотреба финского производства. Контрабанду доказать не удалось, но все материалы хранились в архиве, вместе с данными о первом аресте. Пригодились они в 1938 году, когда Е. Алексеева была арестована и расстреляна как финская шпионка.

Каждый отдел наркомата вел сотни литерных дел по отраслям промышленности, культуры, общественной жизни, где кроме объективных статистических данных был щедро представлен и «компромат» на конкретных людей. Более 700 агентов и осведомителей НКВД Карелии денно и нощно собирали слухи в надежде получить свои тридцать серебряников...

Наконец, в архивах хранились и сотни уголовных дел, ранее прекращенных по тем или иным причинам. «...Через некоторое время на основании телеграммы Прокуратуры Союза пересматривались ранее прекращенные дела и возвращались в НКВД. В числе таких дел было возвращено и дело по вредительству в Шелтозерском районе... оно было дополнено материалами Пудожя и др. В результате чего НКВД вскрыл крупную антисоветскую организацию «правых» в Наркомземе Карелии и периферии»². Это цитата из показаний А. Солоницына, зам. наркома НКВД Карелии, на которого, как на специалиста, приходится ссылаться.

Гигантские масштабы репрессий в Карелии родились практически из двух агентурных разработок, заведенных районными отделениями еще в 1936 году.

Агентурную разработку по окраске «Повстанцы» завел начальник Петровского РО НКВД КАССР А. Чернов. Район приграничный, густо населен финнами и карелами. В 1933 году здесь дружно громили заговорщиков «финского генштаба», а в 1935-м — «белофинских

боевиков». Выселяли и увозили неблагонадежных. Однако агентура доносила, что дух великой Финляндии еще не выветрился, а недостатки в сельском хозяйстве и срыв лесозаготовок есть не что иное, как прямое вредительство делу социализма. Начальник РО неоднократно просил руководство НКВД санкционировать реализацию дела и начало арестов. Но аресты и следствие начались лишь летом 1937 года.

Из объяснения младшего лейтенанта милиции М. Ефремова: «7 июля 1937 года я был вызван начальником управления милиции КАССР с места моей работы в Олонецком РОМ НКВД (где я работал в должности уполномоченного уголовного розыска). В УРКМ мне предложили явиться в НКВД для участия в следственной работе, проводимой 4-м отделом, начальником которого был тогда Калинин. Тов. Калинин рассказал мне о том, что вскрыта контрреволюционная повстанческая организация в Петровском районе и что я должен буду работать на следствии по допросу участников этой организации. Калинин меня предупреждал, что надо быть осторожным при допросах, так как дело буду иметь с врагами народа, которые способны на разные пакости — побегу, отказ от признания и т. д., и что надо работать с ними день и ночь, добиваться признания.

Через месяц примерно была организована бригада под руководством начальника Заонежского РО НКВД Тидора, куда был направлен и я. В этой бригаде были следователями красноармейцы из 52-го полка: Фуфачев, Самочетнов, Сесютин и ряд других товарищей до 15—20 человек. Затем были милиционеры из особого взвода милиции: Лихачев, Ливенсон, Реунов, Иванов и др. Вся эта бригада была направлена в здание Ошосдора на Гористой улице, где мы занимались около месяца, а затем были переведены в здание Дома народного творчества, где работали также около двух месяцев, а затем в здание милиции на ул. Урицкого...»³

Реализация агентурного дела «Повстанцы» началась в июне 1937 года, еще до официального начала массовой операции. 20 июня УНКВД по Ленинградской области (которому в то время подчинялся НКВД КАССР) направило начальнику 4-го отдела ГУГБ НКВД СССР Литвину спецдонесение «о контрреволюционной повстанческой организации в Петровском районе АКССР» (Приложение № 2), в котором говорилось о трех группах из девяти человек. Главным контрреволюционером был объявлен директор районного лесхоза Вишневский,

бывший поручик царской армии. Руководителями групп — объездчик лесхоза Трофимов, зав. смолокурней Герасимов и рабочий лесхоза Максимов, бывший «каравантюрист».

Через неделю, в следующей спецсводке рапортуется о разоблачении уже 36 участников повстанческих групп в девяти населенных пунктах района: Спасская Губа, Пайгуба, Гомсельга, Галлезеро, Верхняя Ламба, Утуки, Тереки, Декнаволок и Гутсельга. Еще через неделю в числе арестованных было указано 62 человека и объявлено о связи с соседним Пряжинским районом...

Забегая вперед, отметим, что в 1958 году военный трибунал Северного военного округа рассмотрел дела на участников контрреволюционной организации в Петровском районе и полностью реабилитировал 75 человек.

Одним из первых по этому делу был арестован фельдъегерь отдела связи НКВД, уроженец Петровского района Д. Кормушов. «Бригада» трудилась не покладая рук, и на шестнадцатый день непрерывного допроса Кормушов подписал показания о том, что является участником повстанческой группы, в которую входят 66 человек из десяти деревень района. Через неделю еще 30 человек появляются в показаниях, подписанных Д. Кормушовым.

В основном это была, как выражались чекисты, «низовка»: малограмотные крестьяне, лесорубы и ничего не понимающие по-русски финские переселенцы. Но попадалось и руководство: Нефедов — председатель Гомсельгского сельсовета, Вишневский — директор райлесхоза, Григорьев — управляющий отделением Госбанка. Все они, естественно, имели связи и знакомства в других районах и среди руководителей республики. Самый главный «руководитель повстанческой организации в КАССР» П. Ирклис уже давал свои показания в Ленинграде... Нарком Тенисон вместе с секретарем обкома ВКП(б) Ивановым направляют в Москву шифровку (см. Приложение № 3):

«...13 октября с.г. я просил увеличить лимит первой категории на 1000 человек. Срочно прошу телеграфировать, так как дела первой категории на заседание тройки подготовлены».

Резолюция зам. наркома Фриновского: «Разрешаю».

Все районные отделения НКВД включились в соревнование, и вот уже готов промежуточный отчет: «В результате агентурной разработки «Повстанцы» на 01.02.38 г. арестовано 2403 человека — участники к. р. повстанческой организации, являющейся той нераз-

громленной до конца контрреволюционной, которая известна по делу «Заговор финского генштаба» 1933 года. Организация эта создана разведывательным отделом финского генерального штаба. В руководящий состав республиканского повстанческого центра входили в разное время: Ирклис — б. секретарь ОК, Бушуев — б. пред. СНК, Никольский — б. секретарь ОК, Заводов — б. наркомздрав, Мартинен — б. наркомзем, Голубев — б. управляющий Госбанка, Гришин — б. наркомпрос, Евсеев — б. секретарь Петрозаводского горкома. Из 2403 повстанцев: г. Петрозаводск — 208 человек, Петровский район — 268 человек, Пряжинский район — 254 чел... Все участники организации входили в местные повстанческие отряды: каждая деревня — повстанческая группа...»⁴

Каждая деревня! И это не описка или художественный прием. По архивным данным, репрессиям подверглись жители 986 населенных пунктов республики. В Шуньге репрессировано 95 жителей, в Ухте — 258, в Матросках — 183... Крупные повстанческие группы были «вскрыты» в Петрозаводске: пожарная охрана, городской водопровод, тюрьма, управление Кареллес. 8 июня 1938 года в спецсводке об итогах операции по линии 4-го отдела НКВД Карелии (Приложение № 4) численность повстанцев составляет уже 4181 человек⁵. В том числе в Пряжинском районе 448 человек, Петровском — 417, Пудожском — 356, Заонежском — 346 человек...

Кроме борьбы с повстанцами, 4-й отдел вел работу и по другим категориям контрреволюционеров. Арестовано и репрессировано 57 членов троцкистских организаций. В том числе в Сорокском районе — группа из четырех человек во главе с рабочим Лазаревым. В Кандалакшском районе — 11 человек. В тресте общественного питания Петрозаводска — 4 человека. Преступления, вмененные в вину троцкистам, начинались с «обсуждения вопроса о подготовке терактов против тов. Молотова и Калинина» до хулиганства. «Один из участников этой группы — Крамер, бывая на кухне общественной столовой, бросал в котел с пищей разные отбросы, объедки и различные нечистоты».

За принадлежность к эсеровским организациям репрессировано 48 человек. Наиболее крупные организации были «выявлены» в Петрозаводске (Онегзавод, Наркомат рабоче-крестьянской инспекции) и Заонежском районе (средние школы). Среди них действительно были члены партии социал-революционеров еще с 1905—1917 годов:

П. Введенский, Г. Прохоров, А. Тихомиров, В. Агеев, М. Суханов и др. Но все они давно «раскаялись и разоружились» перед партией большевиков, вместе с которой когда-то осуществили октябрьский переворот. Но бывшие соратники оказались злопамятными.

В ходе операции было репрессировано 28 меньшевиков, в основном это были жители Петрозаводска. Ни одного реального факта их преступной деятельности не было установлено, но следователи, не смущаясь, писали: «...меньшевики, работавшие на Онегзаводе, портили инструменты, станки, материалы. Участники организации Кировской железной дороги насыпали в цилиндры паровозов и боксы песок, ломали в вагонах ответственные части. Меньшевикам Песчинскому и Чехонину было поручено отравить мясо, находившееся на холодильнике мясотреста...»⁶

Наиболее крупные группы священнослужителей были репрессированы в Заонежском районе (руководители — епископ Якобчук, священник Петухов), Пудожском (архиепископ Яковцевский), Кемском (проповедник Челпанов), Олонецком (священник Воздвиженский). В Заонежском районе была «ликвидирована группа сектантов из 16 человек». В чем их вина? «Исходя из своих изуверских установок о том, что советская власть — есть власть антихриста, участники организации скрывали свои настоящие фамилии и имена, отказывались получать паспорта и другие документы, выдаваемые советскими учреждениями, вели злобную агитацию против колхозов и призывали население противодействовать колхозному строительству»⁷. В Кемском районе были репрессированы 11 монахов, в Сорокском — антисоветская группа баптистов из 11 человек. В Петрозаводске, по замыслу следователей, существовал «поповско-повстанческий центр, возглавлявшийся тихоновским епископом Надеждиным и обновленческим епископом Аметистовым». Всего за время операции было арестовано священнослужителей (без заключенных ББК): попов, дьяконов и монахов — 63 человека; церковников — 124 человека; сектантов — 28 человек.

«Оперативный удар» по религиозным деятелям был так силен, что, выступая на XIV областной партконференции, нарком Матузенко с полным правом и черным юмором сказал: «Сегодня на территории Карелии остался один поп, да и то только потому, что болен подагрой и не может ходить. Со всеми остальными попами дело покончено. (Смех в зале.)»⁸

Большевики имели право гордиться достигнутым результатом. Если до революции в Карелии действовали 300 церквей, 619 часовен и 5 монастырей, а число служителей культа составляло 199 человек (верующих 50 тысяч), то за время советской власти (на 10.02.37 г.) было закрыто 351 молитвенное здание, в том числе 122 церкви⁹.

Особое внимание в борьбе с антисоветскими формированиями чекисты уделяли молодежи. Всего за время операции было арестовано 147 комсомольцев, начиная с секретаря обкома ВЛКСМ Маринушкина. В Петрозаводском комвузе была «оперативно ликвидирована фашистская группа из четырех студентов». Группа антисоветчиков была выявлена и среди учащихся музыкального училища. Так, 23-летней Хелене Нельсон вменялась в вину статья 58-10 за то, что она якобы «распространяла в стенах училища финские буржуазные песни антимиорального и националистического содержания». Малограмотный следователь даже и не пытался понять разницу между распространением антисоветской агитации «в стенах» и среди людей. Исход дела для него был ясен. Хелена Нельсон и несколько ее подруг получили по десять лет концлагерей...

Заканчивалась сводка весьма символично: «Исходя из вышеизложенного и в целях нанесения оперативных ударов по всем антисоветским формированиям в самом начале их формирования, мы строим свою работу по линии 4-го отдела в нижеследующих направлениях:

1. Проводим решительное очищение агентуры от неработоспособных и сомнительных элементов.

2. Проводим плановую целеустремленную вербовку новой агентуры для разработки хвостов и объектов, на которые вероятнее всего может быть сосредоточено внимание иностранной разведки (карельская и финская интеллигенция, родственники репрессированных, население пограничных районов, бывшие участники каравантюры).

3. Насаждаем агентуру по освещению участников, подозрительных на связь с «правыми» и троцкистами, по бывшим членам ВКП(б), по эсерам и меньшевикам, а также по кулацким спецпоселкам.

4. Насаждаем агентуру среди учащейся, колхозной и рабочей молодежи.

5. Создаем агентуру в земельных органах и МТС¹⁰.

Вторым оперативным материалом, вызвавшим бурю репрессий, являлась агентурная разработка № 48 «Диверсанты», заведенная в 1936 году начальником Кондопожского РО А. Пушкиным (впоследствии начальник отдела пожарной охраны НКВД КАССР). Агентура докладывала, что представитель чешской фирмы И. Шандо является шпионом и группирует вокруг себя вредителей: Ярвимики — директора бумкомбината, Ландорфа — главного инженера по строительству, Фосса — инженера-монтажника, Паевского — начальника планового отдела. Начальник райотдела НКВД неоднократно просил руководство наркомата санкционировать реализацию дела и аресты. Но время шло, Шандо уехал домой. Агентура торопит: «Слушали по радио речь Гитлера, переводил и комментировал Ландорф...» После этого сообщения в конце 1936 года у начальника РО произошел серьезный разговор с Солоницыным, который, однако, так и не дал санкции. В это время в кабинет зашел Тенисон и, выслушав доводы сторон, сказал: «Ну и правильно делаем. А то дай волю Пушкину, так он в одну ночь полрайона пересадит».

Думается, что не заботой о жителях района руководствовался Тенисон. Времена массовой операции, вседозволенности и истерии еще не наступили. Даже нарком внутренних дел не мог тогда тягаться с Гансом Генриховичем Ярвимики, имевшим героическую биографию. С 1907 года он был членом Социал-демократической партии Финляндии, неоднократно арестовывался за участие в рабочем движении. Воевал в Красной Гвардии Финляндии во время восстания. С 1918 года — член ВКП(б), участник легендарного похода Тойво Антикайнена на Кимасозеро. Лично знаком и дружен с высшими руководителями страны, Коминтерна и Карелии, член ЦИКа и бюро обкома ВКП(б). За успешную работу по строительству и освоению Кондопожского ЦБК награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Волю Алексею Пушкину дали летом 1937 года.

Из показаний Солоницына: «Тенисон заявил: «начальник РО был недоволен, что ты разрешил один арест и требовал еще два ареста, я не мог отказать...» По существу, я не стал Тенисону возражать, так как в это время обстановка была уже накаленной — аппарат развернул работу по ряду дел, приобрел опыт, совершенно очевиден был провал организации «правых» в Ленинграде и т. д. Начали дело по комбинату. Пушкин быстро добывается показаний, кажется, Ландорфа, начальника строительства. В дело вмешивается Рыкачев,

требуя передачи дела ему. Начальник РО работает над другими арестованными и тоже добывается результатов. Дело, против предположений, сразу расширилось, вышли на финнов, провели дополнительные аресты (Антонен, Кальске, Ярвмяки), и следствие совершенно конкретно пошло по двум путям: на вскрытие диверсионно-вредительской деятельности группы специалистов, вовлеченных в организацию иноспециалистом Шандо, и на вскрытие участия в деле финнов, их связей на границу и в Петрозаводск и т. д. Дело по финнам получает определенное направление — вскрывается финский националистический центр во главе с Гюллингом, Ровио, Ярвмяки и др.¹¹

Националистические диверсионно-вредительские группы были созданы фантазией малограмотных следователей в системе Карелеса, Карелдрева, в бумажной промышленности, в энергетическом хозяйстве, Наркомместпроме, в пищевой и металлургической промышленности. Одна за другой уходят в Москву победные спецсводки о ходе операции по националистам (Приложение № 5):

«НКВД Карельской АССР при реализации агентурных разработок «Оппорт», «Двурушники», «Раскольники», «Импорт» вскрыта и ликвидирована контрреволюционная националистическая организация. Эта организация возникла в 1920 году с приездом в Карелию группы буржуазных националистов Гюллинга, Мяки, Форстена, которые возглавили работу Карельского Ревкома. Путем дальнейшего расширения контрреволюционной деятельности и включения в нее финских и шведских политэмигрантов — бывших членов финской социал-демократической партии Ровио, Матсон, Вильми, Усениус, Саксман, Ярвмяки и других, к. р. организацией были захвачены командные высоты в партийном и советском аппарате Карелии. Деятельность к. р. организации была направлена к обеспечению захвата Советской Карелии Финляндией путем интервенции...»¹²

По состоянию на 5 октября 1937 года по делу националистической организации уже был арестован 31 человек, в том числе Э. Гюллинг, Г. Ярвмяки, Н. Ющев (бывший председатель ЦИК), В. Кангас (ректор комвуза), Ф. Поттмюев (председатель Кондопожского РИКа), В. Турунен (управляющий Карелпушнинной), А. Хирвонен (секретарь горкома ВКП(б)), П. Хюппенен (зав. орготделом обкома ВКП(б)), П. Сонни (председатель Калевальского РИКа) и др. В спецсводке указаны фамилии еще 69 человек, подлежащих аресту. Среди них

нарком юстиции К. Полин, зам. председателя СНК А. Лесков, нарком просвещения И. Вихко...

Следует отметить, что уже на ранних стадиях «следствие» стремилось выйти на максимальное число руководящих работников. Причиной тому — стремление доказать серьезность оперативной обстановки в Карелии, значимость и успехи местного НКВД в борьбе с контрреволюцией, поскольку дела на руководящий состав рассматривались Военной коллегией Верховного Суда СССР. В подтверждение приведем абзац из Акта проверки 1-го спецотдела НКВД СССР, проведенной после ареста Ежова: «УНКВД на местах завели практику посылки «толкачей» по следственным делам, которые официально именуются докладчиками на ВК и Особом совещании. Эти люди месяцами отсиживаются в Москве, бездельничают, подлаживаются к соответствующим работникам центрального аппарата, чтобы полегче сбыть дела, проедают государственные деньги».

В протоколе допроса главного инженера треста «Кареллес» П. Барчугова от 19 июля 1937 года в числе участников контрреволюционной организации отрасли указаны 34 руководящих работника, в том числе управляющий трестом Г. Валлин, его заместитель А. Павлович, директор Олонецкого леспромхоза В. Денисов, Пряжинского — В. Бауэр, Петровского — Е. Марьин, начальник Великогубской мехбазы Аранович, Олимпийской — Н. Лебедев, Кондопожской — Башмаченко, Моторинской — Зуев, Сязозерской — Д. Бурицев, Матросской — А. Парикберг, Деревянской — И. Захаров, Пайской — И. Власов, Коверской — М. Горохов, Падозерской — В. Плотников...¹³

По делу «шпионско-диверсионно-вредительской» организации Наркомзема Карелии уже к сентябрю 1937 года были арестованы нарком Я. Мартинен, зам. наркома В. Кирик, главный инженер В. Вагин, начальники управлений И. Петров и И. Колодин.

Попытки выйти на высшее руководство не прекращались и в 1938 году. О таком факте сообщил в письме Генеральному прокурору СССР осужденный во время операции Арне Каупинен. Сын известного финского красногвардейца, в Ленинграде он жил в одном доме с С. Кировым и деятелями из ЦК ФКП. Арестован был в Кондопоге, где работал шофером.

«В возрасте девятнадцати лет я был арестован по обвинению в шпионаже, вредительстве и диверсии. С того времени прошло пятнадцать лет, одиннадцать из которых я провел в исправительно-

трудоустройства в лагерях и четыре года работаю по вольному найму в г. Магадане, находясь на положении ссыльного поселенца, без указания срока окончания поселения. Вопиющая несправедливость, проявленная органами следствия при разборе моего дела, отсутствие даже видимости судопроизводства, применение физических мер воздействия при допросах и твердая моя уверенность в моей полной невиновности — все это заставляло меня неоднократно обращаться за эти пятнадцать лет в высшие органы советского государства, но я никогда не получал ответа... В 1938 году я работал в г. Кондопога вплоть до ареста. Начальник следственного отдела капитан Кузнецов А., следователи Кузнецов М. и Акулов предложили мне дать показания, что я завербован в шпионскую организацию тов. Куусинен О. В. (теперь депутат Верховного Совета СССР), и называли последнего главарем всей организации. Таким образом ими было сфабриковано первое дело, по которому я значился шпионом с 1923 года. То есть с 5-летнего возраста. Затем при проверке, когда выяснилась абсурдность такого заключения, мне были предъявлены обвинения во вредительстве и диверсии...»¹⁴

Власть в России никогда не пользовалась любовью граждан. Тем более представители власти того времени, многие из которых были повинны в насилии и «большевистском чванстве». Поэтому реакция населения на их аресты была далеко не однозначной. Вот что, например, записал в своем дневнике заместитель редактора газеты «Красная Карелия» В. Градусов о секретаре обкома П. Ирклизе:

«30.05. Он беспринципен в политических вопросах. Абсолютно... Он недалек, настолько недалек, что сволочь может принять за честного человека, а честного человека за сволочь. Любит подхалимов исключительно. Службист. Унтер. «Рад стараться». Перед начальством труслив. Формалист. Сказалась писарская выучка.

24.07. Свершилось! «Хозяин» взят. Наконец-то убрали сволочь! Как я рад, как я доволен. Много портил ты мне, гад, крови, много неприятностей доставил...»¹⁵

Репрессии против руководящих работников поддерживал и обком партии. Причем с удвоенной энергией. 25 апреля 1938 года секретарь обкома Н. Иванов направил И. Сталину письмо с «раипредложением»: «В числе репрессированных за контрреволюционные преступления арестовано и осуждено 616 руководящих работников, семьи которых

продолжают оставаться в КАССР, проживая главным образом в г. Петрозаводске. Карельский обком ВКП(б) просит разрешить выслать за пределы КАССР семьи следующих групп граждан: а) руководящий состав обкома — 4, б) секретарей райкомов — 11, г) руководящих работников ЦИКа и СНК — 5, д) председателей РИКов — 2, е) руководящих работников наркоматов — 21, ж) директоров — 15. Всего 63 семьи. В соответствии чего и дать указание органам НКВД»¹⁶.

Список преступлений, в которых обвинялись «националисты», огромен. «Овладев в самом начале командными высотами в республике, националистическая организация проводила: 1. Финизацию Карелии путем принудительного введения финского языка в школах и учреждениях, вытесняла местные кадры из карелов, вепсов и русских с основных предприятий, с.-х. организаций и учебных заведений, создавая привилегированные бытовые и материальные условия нац. элементам, тормозила введение карельского литературного языка и подменяла развитие карельской культуры финской буржуазной культурой, использовала в своих интересах издательства, театр, радио и деятельность Союза писателей. 2. Контрреволюционную агитацию в духе вражды к центральным партийным и советским органам, агитацию за укрепление авторитета националистического руководства Карелии путем распространения фотографий этого руководства, названий колхозов, предприятий и улиц их именами. 3. Вредительство, шпионаж, диверсию в промышленности, лесозаготовках и сельском хозяйстве, организуя законспирированные группы из к.р. и шпионских элементов. Подготавливала террористические акты против центрального руководства ВКП(б) и советской власти. В этой деятельности установила тесный контакт с антисоветским центром «правых» в Карелии. 4. Подготовку вооруженного восстания путем: обучения военному делу нац. кадров в системе организаций ОСО, создания к.р. групп под видом групп содействия Финкомпартии, создания стрелковой егерской бригады, укомплектованной нац. комсоставом и политработниками, где проводилась к.р. обработка переменного состава, формирование повстанческих организаций во всех районах республики, имея в этой деятельности стык с деятельностью «правых» в Карелии...»¹⁷

Масштабы репрессий нарастали, и НКВД не успевал обработать тысячи арестованных своими наличными силами. По указанию Тенисона были созданы еще пять «бригад» следователей, в том числе 3-й погранотряд создал такую бригаду под руководством капитана Яновского, 73-й (ребольский) погранотряд — под руководством капитана Великотного. В протоколе допроса младшего помощника начальника 1-го отделения штаба 73-го отряда Зажигина П. И. от 26 мая 1955 года раскрывается технология их работы.

«Я прибыл в отряд в январе 1938 года. Тогда уже шли аресты, но сам я еще не умел вести следствие. К моему приезду в отряд уже было дано указание из НКВД КАССР арестовывать людей. Спускались специальные лимиты, давалось указание арестовывать определенное количество поляков, финнов, карел и т. д. Эти указания давались специальными шифровками, которые получал капитан Великотный и доводил до сведения всего оперативного состава. Могу привести такой пример. В 1938 году вызвал к себе Великотный и сказал: «Поезжай в лесопункт, поищи там польские фамилии среди рабочих, если есть там поляки, ты их арестуй и вези сюда». Я ему сказал, что не имею никаких материалов. Как же я могу арестовывать людей? В ответ на это Великотный сказал: «Если ты там не найдешь поляков, то сам сядешь, как не исполняющий распоряжений». Я по этому поводу обращался с жалобой к комиссару отряда, батальонному комиссару Брагину. Он сказал: «Не бойся, если не найдешь поляков, никто тебя не арестует».

Во исполнение распоряжения я поехал на лесопункт к техноруку Терентьеву и потребовал списки рабочих. Среди рабочих оказался один с фамилией «Кочмарский». Я решил, что он поляк, арестовал и доставил в отряд. Вначале он не давал никаких показаний, а затем стал себя оговаривать, что он якобы польский шпион. Так вели следствие около восьми месяцев, а потом он был освобожден. К этому времени было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) об извращениях в области следствия. Великотный и сам принимал участие в следствии, руководил им, видел, что дела фальсифицировались, подсказывать ему было нечего. У него была установка: арестовать и ни в коем случае не выпускать арестованных. О том, что следствие ведется незаконными методами, знали: начальник отряда полковник Новиков, капитан Григорьев, комиссар отряда Брагин. Они хорошо это знали и никаких мер не принимали...»

Однако и этого числа «следователей» оказалось мало.

Из показаний Матузенко: «На следственную работу привлекли через партийные организации гражданских членов партии, никогда не имевших дела со следствием и заставляли их любыми методами репрессий добиваться признаний»¹⁸.

Любыми методами... Как известно, 10 января 1939 года ЦК ВКП(б) приоткрыл завесу над этой формулировкой. «Шифром ЦК ВКП(б). Секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий, наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД. ЦК ВКП(б) стало известно, что секретари обкомов-крайкомов, проверяя работников УНКВД, ставят им в вину применение физического воздействия к арестованным как нечто преступное. ЦК ВКП(б) разъясняет, что применение физического воздействия в практике НКВД было допущено с 1937 года с разрешения ЦК ВКП... Спрашивается, почему социалистическая разведка должна быть более гуманна в отношении заядлых агентов буржуазии, заклятых врагов рабочего класса и колхозников. ЦК ВКП считает, что метод физического воздействия должен применяться и впредь, в виде исключения... Секретарь ЦК ВКП(б) *И. Сталин*»¹⁹.

В сотнях просмотренных следственных дел, в том числе и реабилитационных материалов, обнаружены прямые факты пыток бессонницей арестованных. А избиения, издевательство, угрозы, допрос «стойка» и непрерывный допрос, фальсификация материалов были обычной практикой в Карелии.

Из показаний М. Ефремова: «Работа бригады происходила следующим образом. За каждым арестованным закреплялось три следователя с расчетом работы каждого следователя по восемь часов. Когда арестованного доставляли на допрос, то никаких материалов о его контрреволюционной деятельности нам не давали, а был дан определенный круг вопросов для выяснения, но эти вопросы были стандартными. Допросы арестованных проводились непрерывно, по несколько суток подряд, до тех пор, пока не давал признательных показаний. Во время допросов арестованным отдых не давался, но пищу давали. Сидели арестованные на стульях или табуретках. В редких случаях при допросе применялась «стойка». Были отдельные случаи, когда арестованные жаловались на применение к ним физического воздействия со стороны следователей»²⁰.

Из показаний Н. Тидора, руководителя «стальной бригады»: «Хорошо помню два случая избияния арестованных. Первый из них, когда лейтенант госбезопасности Волков... ударил кулаком в живот арестованного, который отказался подписать готовый протокол допроса. Фамилию этого арестованного я не помню. Второй случай был с арестованным Гюллингом, когда в моем присутствии в наркомате во время его допроса сотрудник особого отдела НКВД младший лейтенант госбезопасности Володин Иван ударил Гюллинга кулаком в живот и при этом выразился: «Ты будешь давать показания, хромой барин?» Арестованный в это время стоял в углу кабинета и опирался правой рукой на палочку. После удара он схватился за живот, но ничего не ответил Володину.»²¹

Из заявления следственно-арестованного Кяхляя Карла на имя секретаря ЦК ВКП(б) И. Сталина: «...одновременно с этим следователи с помощью своих помощников стали применять ко мне физическую силу. Меня били и пинали, разорвали брюки и мышцы бедра. На последние сутки я потерял сознание и человеческий рассудок. Мои руки крепко завязали веревкой сзади, за спину, а ноги за тот стул, на котором я сидел. Во всем теле я чувствовал сильную боль, умолял развязать веревки, но в ответ меня опять били и пинали...»²²

«Председателю Калинину М. И. от ээка Таппанен Карла. Прошу обратить внимание на мое заявление. 4 апреля меня арестовали в собственной квартире в г. Пудож. На допросах меня обвинили как шпиона финских лахтарей. Прошу заметить, что я был инвалидом от рождения, ненормальности с правой ногой. Меня заставили стоять с больной ногой четверо суток. В конце концов я не мог стоять, так как стоял, собственно, на одной ноге. Временами били по лицу и ругали. Иногда я терял сознание. Боясь смерти, а такие случаи в Пудоже были, 8-го того же месяца в 24 часа я решил бежать. Встал на обе ноги на землю, хотя при этом почувствовал как будто нога полна иголок. Решил покончить с жизнью или быть убитым, а потому побежал. В меня начали стрелять и ранили в живот. После этого меня били по ногам, в живот и по всему телу. Затем положили в сани, а сверху на меня сели шесть человек. Привезли в тюрьму, где избияние продолжалось, затем бросили в угол. На следующий день только около 10 часов утра перевязали мою рану...»²³

Вседозволенность, пьянство, участие в избиениях и расстрелах превращала людей в настоящих извергов. 30 октября 1937 года около 22 часов начальник Кондопожского РО НКВД А. П. Чернов и прикомандированный оперуполномоченный УНКВД Ленинградской области Н. А. Чухчин в пьяном виде пришли в биллиардную г. Кондопоги и в присутствии около 60 граждан стали требовать предоставить им без очереди стол. Особенно возражал пьяным чекистам записавшийся первым гр. Толмашев Яков Никитич, бригадир местного предприятия. Чухчин позвонил в райотделение, и прибывшие милиционеры арестовали упрямого игрока. В течение трех часов Чернов и Чухчин допрашивали Толмашева в здании РО НКВД, обвиняя его в подготовке теракта против Чернова. Около часа ночи они приказали водителю РО НКВД П. П. Юрову подать машину к подъезду и захватить с собой лопату. Примерно в пяти километрах от города в лесу «Чернов поставил Толмашева на колени и выстрелил в голову. Вторым выстрелом Чухчин добил смертельно раненного Толмашева»²⁴. 2 января 1938 года Военный трибунал войск НКВД приговорил убийц к высшей мере наказания. Водитель Юров за сокрытые убийства был приговорен к лишению свободы...

Следствие велось и другими далекими от уголовного права, но оригинальными методами. Например, начальник Кестеньгского РО НКВД завербовал в качестве негласного сотрудника учителя школы и даже присвоил ему псевдоним «Сугроров». Однако на централизованный учет осведомителей в НКВД КАССР не поставил. Причина простая. «Сугроров» сообщал чекисту оперативную, чаще всего им самим придуманную, информацию, после чего садился за стол и собственноручно писал все это в протокол допроса. Как официальный свидетель. Но этого мало. Начальник РО НКВД доверил «Сугророву» и проведение допросов обвиняемых по этим делам! Един в трех лицах...

Еще один пример. Начальник Кондопожского РО НКВД Лебедев арестовал финперебежчика С. Через десять дней непрерывного допроса С. подписал признательные показания. Дальнейшие события он изложил в 1940 году в заявлении на имя наркома внутренних дел СССР Л. Берии: «...не имея достаточных доказательств о моей преступной деятельности, следователь Лебедев предложил мне сотрудничать в оперативной части по выявлению перебежчиков-финнов, шпионов и диверсантов среди местного населения. Я дал свое согла-

сие и 28 июня 1938 года был отпущен на свободу с определенным заданием. Все мои старания не увенчались успехом по моей неопытности, и 11 августа по приказу Лебедева я был снова арестован...»

Кроме «выбивания» показаний от измученных бессонницей арестованных и «корректировки» протоколов, следствие широко использовало в фальсификации уголовных дел и показания умственно отсталых людей. Так, на показаниях слабоумного А. Богданова следователи 3-го погранотряда сфабриковали несколько уголовных групповых дел. Этот метод так же не был секретом для руководства наркомата.

Вот что показал на следствии арестованный Солоницын: «Сунастрой: два-три человека (рабочие и техник), фамилии которых забыл, приблизили к себе подростка, приняли его в контору, и когда он стал от них зависим, договорили его испортить экскаватор, научив, как это сделать. Парнишка часть диверсионного задания выполнил и за это был арестован. На допросе он по существу дал правильные показания, но надзор прокуроров по делу установил, что арестованный дефективен. Потребовалось время на экспертизу, а дело стало терять остроту, «рассыпаться». Экспертиза признала, что арестованный действительно с признаками на отсталость и проч., но дело-то было не в нем. Следовало на показания дефективного сделать некоторую поправку и оперативное внимание направить на организаторов диверсии...»²⁵

Протоколы допросов обвиняемых, учитывая имевшиеся у следователей вопросы, абсолютно одинаковые: признание вины и список других участников контрреволюционной организации. Больше никаких следственных действий и материалов в делах абсолютного большинства репрессированных нет. Никакой перепроверки показаний на очных ставках не проводилось, отсутствуют вещественные доказательства и т. д.

Из показаний Солоницына: «После того как Тенисон вернулся из Москвы с июльского совещания и дал установку об упрощенном следствии, в порядке работы встал вопрос об очных ставках по делам, которые идут на тройку. Говорили об этом мы с Тенисоном и условились, что, как правило, очных ставок не проводить, дав об этом установку аппарату. Мотивировали мы это тем, что по каждому делу должно быть признание, перекрытое показаниями других. Внешне это выглядело как бы неплохо, но на практике перекрытие свелось или к одной голой фамилии или к крайне слабому доказательству»²⁶.

Аппарат, конечно же, не приветствовал такого решения, но по другой причине. Вот что показал на следствии С. Волков, помощник начальника 4-го отдела УГБ НКВД КАССР: «Крупнейшим злом, которое культивировал Солоницын, было запрещение очных ставок. Это приводило к тому, что врагам народа предоставлялась возможность оговаривать честных людей, скрывая в то же время действительных своих соучастников»²⁷.

Следует отметить, что десятки людей не поддались на шантаж, угрозы и издевательство палачей. Редко кому из них удалось сохранить свою жизнь, но совесть их осталась чиста. Сошлемся еще на один пример из показаний Солоницына: «Л. в своих показаниях ссылалась, что на диверсию ее вовлек зам. наркомздрава Ярошевич, и о нем дала не твердые показания. Ярошевич в то время был арестован по совершенно другому делу, как мек²⁸ и польский шпион. Вначале над ним работал начальник 4-го отдела Калинин, а потом передал его в 3-й отдел, который имел более конкретные материалы одного из арестованных Мурманским окротделом. 3-й отдел тоже не добился от Ярошевича показаний, и начальник отдела просил разрешения на основе имевшихся материалов включить Ярошевича в альбом по полякам (кажется, тогда уже истекали сроки представления альбомов), и над ним перестали работать, а потом он был расстрелян. Таким образом, основа этого дела — диверсия — осталась неразработанной...»²⁹

Не основа дела, а десятки людей остались «неразработанными» благодаря мужеству и порядочности доктора Ярошевича.

Справедливость требует сказать, что и среди «следователей» нашелся порядочный человек, о чем рассказал в своих показаниях сотрудник НКВД КАССР Ефремов: «Помню случай, когда начальник Пряжинского РОМ (районное отделение милиции) Алехин, поработав на допросе арестованных по способу «колоть сутками подряд», стал возражать и высказываться о незаконности такого метода. Алехин был немедленно снят Солоницыным и отправлен обратно»³⁰.

Проследить дальнейшую судьбу Алехина не удалось, но в НКВД не прощали сомнений или критики. В этом еще раз убеждает заявление арестованной Т. Золотовой: «Я была арестована 1 апреля 1938 года в г. Петрозаводске и осуждена заочно на десять лет. Срок мне был объявлен на этапе по дороге в Архангельск. При этом мне была навязана статья 58-2-11. В момент ареста в НКВД меня подвергали

противозаконным репрессиям. Одиннадцать суток не давали отдыхать, заставляли стоять на ногах, плевали мне в лицо, били по щекам, в результате чего я многократно теряла сознание. В такие моменты меня били ногами... Во время ареста я работала выборным секретарем Карельского ЦИКа, была членом обкома Карелии, членом партколлегии. В партии я состояла с 1919 года. Поводом к аресту послужила моя критика на бюро обкома партии по адресу местного карельского НКВД за огульные, массовые аресты коммунистов. Содержание моей речи на бюро было следующим: в органах НКВД не все обстоит благополучно, нам нужно их работу основательно проверить, не исключена возможность, что там засели фашисты, которые сознательно расправляются с преданными партии людьми. Моя речь была продиктована страхом перед ежедневным исключением из партии по сто человек коммунистов. На мою речь нарком Тенисон ответил угрозами за сомнения в деятельности органов НКВД. Через четыре дня после этого я была арестована и подверглась репрессиям...»³¹

В концентрированном виде всю технологию следствия наглядно иллюстрирует протокол допроса свидетельницы Н. Г. Осиненко. Показание она дала в 1939 году на следствии по делу Солоницына.

«*Вопрос:* Ваше заявление от 11 мая 1938 года на имя Прокурора СССР Вышинского вы и сейчас подтверждаете? *Ответ:* Сейчас мне была предоставлена возможность для восстановления в памяти прочесть мое заявление от 11 мая 1938 года. Это заявление соответствует действительности, и я его полностью подтверждаю. *Вопрос:* В заявлении вы указываете, что вы подписывали ложные протоколы ваших показаний. Почему вы подписывали ложные показания? *Ответ:* Никаких показаний о контрреволюционной деятельности я на следствии не давала, а то, что записано в протоколах, записано самими следователями. Я же вынуждена была подписывать эти протоколы, потому что меня в течение одиннадцати суток непрерывно допрашивали и угрожали расстрелом. *Вопрос:* Расскажите об этом подробнее. *Ответ:* Я была арестована в ночь с 4 на 5 ноября 1937 года. Сразу же, не завозя в тюрьму, меня доставили на допрос в здание школы милиции на ул. Урицкого. Там мне предъявили обвинение в принадлежности к контрреволюционной группе и подготовке отравления продуктов к 20-й годовщине Октябрьской революции. Не чувствуя за собой никакой вины, в знак протеста

против такого тяжкого и необоснованного обвинения я сразу же объявила голодовку, заявив об этом следователю Захарову. Однако меня продолжали допрашивать беспрерывно в течение пяти суток, настойчиво требуя признания в контрреволюционной деятельности. На пятые сутки, когда я уже выбилась из сил и не могла дать показания, сотрудник НКВД Майоров (или Лаврухин) вышел в другую комнату. Вернувшись оттуда, заявил мне, что он звонил по телефону Солоницыну, и Солоницын якобы приказал: «Или я должна дать показания, или меня расстреляют». Испугавшись, я подбежала к следователю Захарову и стала его просить, чтобы он хоть что-нибудь написал, а я все подпишу. Захаров стал писать протокол, пользуясь имевшимся у него вопросником. Закончив писать протокол, Захаров прочитал мне его, и я дала согласие подписать. Черновик протокола был отдан в перепечатку, а мне тут же в кабинете допроса дали возможность отдохнуть на полу два часа. Это было ночью. Днем меня вызвал на допрос Солоницын, в другой кабинет в том же здании. В кабинете были Солоницын, Ефремов и следователь, который меня привел, фамилию его я не знаю. Мне предложили подписать протокол моего допроса, отпечатанный на машинке. В этот протокол было записано еще больше, чем даже в черновике Захарова. Я стала возражать и заявила Солоницыну, что подписать я не могу, так как в протоколе сплошная ложь. Тогда Солоницын закричал на меня и, стуча кулаком по столу, потребовал подписать протокол. Я вынуждена была сделать это. *Вопрос:* Какого числа вы подписали первый протокол? *Ответ:* Точно даты не помню, но это было через пять-шесть дней после моего ареста. *Вопрос:* Ваш первый протокол с признанием подписан 6 ноября 1937 года. Это была очная ставка с Никоновым. С какой датой был протокол, который заставил вас подписать Солоницын? *Ответ:* На дату протокола я не обратила внимания, но утверждаю, что 6 ноября очной ставки с Никоновым мне не делали. Очная ставка была через день, как я подписала первый протокол. *Вопрос:* Кто проводил очную ставку? *Ответ:* Эту очную ставку проводили Солоницын и Ефремов и еще три человека, фамилий которых я не знаю, один был, кажется, Гудзенко. *Вопрос:* Как протекала очная ставка? *Ответ:* Перед очной ставкой я случайно встретилась с Никоновым. Произошло это по оплошности Гудзенко, который ушел в уборную, а меня перевел временно в другой кабинет. Туда же ввели Никонова, который, увидев меня,

очень растерялся и сказал: «Товарищ Осиненко, извините меня, что я вас оговорил, но меня тоже оговорил Цыпленков». Дальше нам разговаривать запретили и Никонова увели обратно. Очную ставку проводил Солоницын. Первый вопрос он задал Никонову: «Вы подтверждаете свои показания?» На что Никонов смущенно ответил: «Да, подтверждаю». Я тут же спросила Никонова, зачем же он в таком случае извинялся передо мной. Тогда Солоницын приказал вывести меня из кабинета, и меня удалили. Этим и закончилась очная ставка. В тот же день позднее мне дали подписать отпечатанный протокол очной ставки. В этом протоколе было написано то, что я совсем не говорила, но я вынуждена была подписать, не в силах отказать. *Вопрос:* Сколько раз вас допрашивал Солоницын? *Ответ:* По существу Солоницын вообще ни разу меня не допрашивал. Когда меня вызвали к нему в кабинет подписать первый протокол, то никаких вопросов мне Солоницын не задавал, и я ему никаких показаний не давала. Протокол был уже заготовлен, и Солоницын только требовал его подписать. Также не было никакого допроса при очной ставке. *Вопрос:* А очную ставку с Поповой кто проводил? *Ответ:* Очную ставку с Поповой мне проводил Солоницын. Это было уже позднее, когда я была отправлена в тюрьму. *Вопрос:* Расскажите об этой очной ставке. *Ответ:* На очную ставку меня привезли из тюрьмы. Следователь мне заявил, что я должна подтвердить свои прежние показания. Я ответила, что сделать это не могу, так как записаны в моих протоколах показания ложно, и я их не давала. Тогда меня начали снова обрабатывать и подготавливать к очной ставке. Эта подготовка продолжалась сутки. За это время долго допрашивал Солоницын. Но этот допрос не касался обстоятельств дела и не выяснял их. Солоницын настойчиво требовал, чтобы я на очной ставке с Поповой изобличала ее в контрреволюционной деятельности. На мой отказ и возражения Солоницын угрожал мне, заявляя, что если я буду упорствовать, то из меня выжмут последние соки, но заставят подтвердить показания. Затем Солоницын стал меня инструктировать, как я должна отвечать на вопросы на очной ставке. Он мне говорил: «С вас многого не требуется, отвечайте только «да» и «все». Когда меня поставили на очную ставку, то никаких разговоров по существу дела он нам не разрешал. Протокол он писал от руки сам, но подписывать принесли уже в отпечатанном виде в другую комнату. *Вопрос:* Отрицая выдвинутые

против вас обвинения, вы приводили Солоницыну какие-нибудь доказательства, проверка которых могла бы вас реабилитировать?

Ответ: Да, я категорически настаивала на проверке фактов, в которых меня обвиняли. В подтверждение своей невиновности я Солоницыну и другим следователям указывала, что отравление продуктов в складах Карелпотребсоюза для меня было вообще невозможно, так как на этих складах имелось только вино да консервы. И то и другое было заколочено в ящики. Затем я указывала Солоницыну, что факт моей вербовки Никоновым в период 20—25 октября легко опровергается тем, что в эти дни я лежала больная, и это может подтвердить целый ряд лиц. Я говорила Солоницыну, что протоколы, которые меня заставили подписать, писались не с моих слов. В этих протоколах, например, было написано, что Кухмала пропускала в продажу негодное мясо. Нелепость этого можно было легко проверить, наведя справку, кто ответственен за клеймение мяса.

Вопрос: Если вы никакой преступной деятельности не вели, то на каком основании вы называли следствию участников организации?

Откуда они вам известны? *Ответ:* Никаких участников контрреволюционной организации я на следствии никогда не называла, так как и сама никакой организации не знала. Меня спрашивали, кто вместе со мной работает, и я назвала Кухмала и Попову. В протокол же записали, что они являются участниками организации.

Вопрос: Вы сказали первоначально, что на допросе без сна вы были подряд одиннадцать суток. А затем показывали, что первый протокол с признанием подписали на пятый-шестой день. Объясните это противоречие. *Ответ:* Правильно, что первый протокол я подписала через пять дней. Но после этого меня с допроса не отпустили, а продолжали допрашивать и меня заставили потом подписать еще несколько протоколов. В общей сложности я была на допросе с 5 по 16 ноября.

Вопрос: В заявлении вы указали, что при допросах вам угрожали оружием, приставляя револьвер к виску. Кто это делал? *Ответ:* Это все было, угрожали мне допрашивавшие меня красноармейцы, но фамилий их я не знаю.

Вопрос: Вы говорили об этом кому-нибудь из руководящих работников? *Ответ:* Да, я говорила об угрозах оружием Ефремову, но он мне ничего не ответил. Когда я была у Солоницына, то он мне заявил, что со мной либеральничают и что ко мне надо применить еще более жесткий режим. После этого жаловаться на действия следователей было бесполезно...»³²

Как уже отмечалось, ЦК ВКП(б) и НКВД СССР особое внимание уделяли проведению в стране «национальных» операций, когда главным показателем «контрреволюционности» являлась национальная принадлежность гражданина. Первый «оперативный удар» был объявлен против «польских диверсионно-шпионских групп и организаций ПОВ» в сентябре 1937 года. На 1 февраля следующего года, согласно докладной Матузенко, в Карелии был «арестован 141 человек поляков и лиц других национальностей, связанных с польской дифензивой и консульством, сознались в шпионаже 36 человек и 6 — в подготовке диверсий. В контрреволюционной деятельности сознался 61 человек. Следствием вскрыто 6 шпионско-диверсионных резидентур во главе которых стояли: Доловский Петр, Шамович Иван, Штромберг Лев, Витковский Юрий, Демидас Савастьян и Гохлейнер Владимир»³³.

В ходе операции по латышам было арестовано на то же время 53 человека. Руководителями групп следователи определили Карла Томина, Федора Баликова, Георгия Муравьева и Жана Озола. Такая «слабая» работа по латышам была впоследствии поставлена в вину наркомку Тенисону.

Из показаний Солоницына: «Было заметно, что Тенисон (латыш) крайне трудно шел на аресты латышей. Подкреплю это примером: 3-й отдел составил итоговую докладную записку операции по латышам. Записка была сугубо формальной. При переделке записки была составлена простейшая схема расстановки латышей в карельском центральном и периферийном аппарате. Когда Тенисон узнал новый проект записки, отражавший подлинное лицо захвата латышами аппарата, он решительно настаивал на выпуске первой докладной записки»³⁴.

Латышская операция в Карелии привела к серьезному ЧП, которое заслуживает подробного рассказа.

Заонежское отделение НКВД являлось передовым в борьбе с врагами народа, несмотря на то, что в его штате было всего два чекиста: начальник — Федоров Владимир Яковлевич и помощник оперуполномоченного Керц Владимир Иванович. В аттестации на Федорова, например, было сказано, что он «реализовал агентурное дело «Церковники» — 60 человек, провел ликвидацию 11 контрреволюционных групп. Заслуживает выдвижения». Общее число репрессированных жителей района — более 500 человек.

Начальник отделения организовал работу так, что в операции участвовали не только пом. оперуполномоченного и работники местной милиции (начальник РОМ Мартын Ратте, уполномоченный УР Григорий Федоров, паспортный стол — Цыпленков), но и многие местные жители. Как показал на следствии секретарь РО НКВД В. Лопаткин, «на производство арестов граждан были привлечены все работники РО, РОМ, а также осодмильцы и партийно-советский актив». Без сомнения, начальник райотделения пошел бы вскоре на повышение, но судьба распорядилась иначе.

В апреле 1938 года чекист Керц, латыш по национальности, получил письмо от земляков из Смоленской области с обычной для того времени вестью: Велижским РО НКВД арестованы и приговорены к расстрелу как латышские шпионы двое его знакомых. Казалось бы, что такое два человека для чекиста, на совести которого уже десятки отправленных на расстрел людей. Но эти двое... — его родные братья: Иван и Адольф. У Керца был шанс спасти свою жизнь. Требовалось только решительно и как можно громче отречься от братьев-шпионов. Но какая-то человечность, наверное, осталась в его душе, и Керц принимает другое решение: пишет письма Ежову, Вышинскому и Матузенко, в которых защищает братьев. Для такого поступка требовалось немалое личное мужество, ибо кто-кто, а чекист прекрасно понимал возможные последствия. Три дня Керц не решался отправить письма адресатам и держал их в рабочем столе. Тогда он еще не знал, что начальник РО Федоров уже прочитал эти письма и ждал «покаяния» от своего соратника. Но не дождался. И тогда утром 28 апреля состоялось экстренное собрание партячейки отделения, на котором Владимир Керц за связь с врагами народа и неискренность перед партией был исключен из рядов ВКП(б). Собрание прошло быстро и дружно, все прекрасно понимали ситуацию и ее последствия. К чести Керца, он и на собрании не отрекся от братьев и, может быть, осознал весь ужас того, что творил сам.

Начальник отделения плотно пообедал в столовой вместе с новым председателем Заонежского РИКа Н. Калугиным и решил показать начальству свое хозяйство. Едва они зашли в здание райотделения, как сержант госбезопасности Керц открыл по ним огонь на поражение. Пока дежурный приходил в себя от увиденного, Керц вернулся в кабинет, запер дверь, и вскоре там раздались выстрелы...

Следствие по факту убийства и самоубийства проводил особоуполномоченный НКВД КАССР Салтыков. Дело не представляло особых сложностей: трупы на месте, раненый в больнице, половина села Шуньга свидетели. Простое дело, если бы не одно «но». На столе в кабинете Керца лежала предсмертная записка: «Товарищи. В моей смерти вините Федорова Владимира Яковлевича — паразита и работников Велижского РО НКВД — паразитов-кровососов. 28.04.38 г. Сержант г. б. Керц. Паразитом был и я, арестовывал невиновных людей — Теребова, Шимозерова, Богового, Пахомова и ряд других лиц. Керц»³⁵.

Первым делом особоуполномоченный Салтыков взял подписку о неразглашении государственной тайны со всех видевших эти крамольные слова. Допросы свидетелей — работников РО и РОМ, однако, подтверждали правильность заявления Керца. Вот показания В. Лопаткина: «Керц рассказывал: «Мы брали кого вздумается». И тут же говорил, кого зря арестовали. Теребова — зав. РайЗО арестовали за то, что он в 1937 году на партактиве меня и Федорова здорово просадил за пьянку в командировках. Петрова, Данилову, Шевелева, члена ВКП(б), за то, что в сельпо были растраты и как раз в это время случился пожар Кижского сельсовета, а нам было лень валандаться с расследованием и пустили их как повстанцев. Богового, Пахомова, члена ВЛКСМ, за то, что нужно было погромить ветеринарию. Тут же он сказал: «А как мы допрашивали?» И встал на одну ногу...»³⁶

Были и другие, как сейчас сказали бы, нарушения соцзаконности. Начальник райотделения милиции М. Ратте вызывал к себе в кабинет председателей сельсоветов и диктовал им справки о соприкосновении арестованных. Таким образом красные партизаны Борков, Посохов, Карпин и другие в одночасье становились добровольцами белой армии генерала Миллера. Протоколы допросов арестованных фальсифицировались. Тот же Лопаткин вспоминал: «Когда протокол был отпечатан, к этому протоколу уполномоченным УР Федоровым прикреплялась записка о том, что не нужно читать обвиняемому. При подписании протокола Ратте, имея эту записку, знал, чего в действительности не показывал обвиняемый, и этих мест ему не читал. Протоколов самим арестованным читать не давалось. Уполномоченный Федоров даже писал протоколы допросов с признанием обвиняемых, когда эти люди еще не допрашивались...»³⁷

Особоуполномоченный Салтыков, однако, нашел, что все названные контрреволюционеры расстреляны правильно и обоснованно, а остальное — антисоветская пропаганда и клевета на органы. А поэтому дело приказал прекратить в связи с самоубийством Керца.

Еще менее масштабной оказалась в Карелии операция «по харбинцам». На 1 февраля 1938 года было арестовано 53 человека. В числе руководителей резидентур следователи НКВД поставили совсем незначительные по социальному статусу кандидатуры: плотника кемского лесозавода Н. Разничева, парикмахера из Кемпи Тянь-Мун-Вон, дежурного Соломенской ГЭС С. Круглова и директора сельхозтехникума Ф. Пельцеля.

Естественно, что самой крупной национальной операцией в Карелии стала «операция по финнам». На рассмотрение комиссии НКВД и Прокурора СССР было направлено двадцать списков на более чем две тысячи обвиняемых в шпионаже в пользу Финляндии. В архиве бывшего КГБ СССР не удалось найти специального приказа «по финской операции», но есть проект такого приказа. Практика же подтвердила, что именно так НКВД и действовал. Вот текст этого проекта приказа:

«...Оперативные мероприятия 1937 года, приведшие к ликвидации крупной фашистской агентуры, проникшей в партийно-советское руководство Карельской, Мордовской, Марийской и Удмуртской автономных республик, несомненно, вызывает активизацию сохранившейся агентуры по линии усиления подготовки диверсионных и террористических актов. В целях немедленного и решительного репрессирования финской агентуры и пресечения работы финских разведывательных органов приказываю: с ... начать широкую операцию, направленную к полной ликвидации диверсионно-шпионской и фашистско-повстанческой агентуры финской разведки в промышленности, на транспорте, в совхозах и колхозах и решительному разгрому всей базы диверсионно-повстанческой работы финских разведорганов в Карелии, Мордовии, Удмуртии, Марийской и Коми автономных республиках и среди карельского и вообще финско-угорского населения других краев и областей. Операцию завершить к 15 декабря. Аресту подлежат: а) все перебежчики из Финляндии, работающие на военных заводах, в оборонных цехах, на транспорте, на оборонных стройках вне зависимости от наличия у них иностран-

ных паспортов, б) все бывшие участники восстания в Карелии и Ингерманландии, бежавшие ранее в Финляндию, а затем возвратившиеся в СССР, вне зависимости от времени возвращения, г) все советские граждане, связанные с финскими дипломатическими учреждениями, д) финские политэмигранты, на которых имеются материалы, позволяющие подозревать их в шпионаже и диверсии, е) так называемые американские (канадские) финны — граждане СССР, ж) агенты Разведупра и НКВД, участвовавшие в легендарных разработках, так или иначе находившиеся в контакте с финскими разведорганами, во всех случаях, если имеются основания подозревать их в двойничестве, з) все подозреваемые по шпионской и диверсионной работе граждане СССР, связанные с моряками финских пароходов, теплоходов и проводниками финских железнодорожных вагонов.

На отнесенных в процессе следствия к первой и второй категориям каждые десять дней составлять списки с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованных, и направлять их на окончательное утверждение в НКВД СССР. После утверждения списков в НКВД СССР и Прокурором Союза приговор немедленно приводится в исполнение, т. е. осужденные по первой категории расстреливаются, а по второй — отправляются в тюрьмы и лагеря. Прекратить освобождение из тюрем и лагерей оканчивающих срок заключения осужденных по признакам финского шпионажа...»³⁸

Из показаний Солоницына: «Следует сказать об обстоятельствах, при которых осенью 1937 года начали операцию по финским колониям. Директивы НКВД Центра по полякам, латышам и т. д. у работников НКВД Карелии рождали мысли и настроения применения аналогичных установок и в отношении финнов. На это внимание операппарата наталкивало знание финской колонии, знание, что она, как завезенная из-за границы или нелегально перешедшая границу, поражена национализмом и насыщена агентурой финской разведки, причем это подтверждалось многими прошлыми делами. Под давлением таких настроений работников аппарата Тенисон говорит, что в Ленинграде по финнам проводится такая же операция, как и по полякам, и что нам разрешено использовать эти возможности и альбомы по финнам проводить через Ленинград. Такое заявление находит поддержку у работников аппарата»³⁹.

31 января 1938 года ЦК ВКП(б) принимает еще одно знаменитое решение — П 57.49 (Приложение № 6): «1. Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев и румын, как иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР. 2. Оставить до 15 апреля 1938 года существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей, вне зависимости от их подданства. 3. Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля аналогичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев, как иностранных подданных, так и граждан СССР».

До 15 апреля... Однако с 20 августа 1938 года в стране и в Карелии начинают работу Особые тройки — и еще около 1,5 тысячи «финских шпионов» осуждаются к расстрелу.

Существовала и еще одна особая категория граждан, подлежащих репрессиям, обозначенная в чекистских документах аббревиатурой ЧСР — член семьи изменника родины. Вся вина этих людей заключалась в том, что их муж — жена (отец — мать) были репрессированы. Идея вырубить контрреволюцию под корень родилась в умах членов Политбюро ЦК ВКП(б) еще до начала операции, 5 июля 1937 года, когда Политбюро приняло решение П 51/144 «о проведении репрессий в отношении жен и детей изменников родины». Отвечая на этот партийный документ, НКВД СССР 15 августа издал приказ № 00486.

В соответствии с приказом жены врагов народа и шпионов арестовывались одновременно с мужьями. Аресту подлежали даже жены, состоявшие с арестованными в разводе, но «знавшие о контрреволюционной деятельности осужденного, но не сообщившие об этом соответствующим органам власти». Не подлежали аресту лишь беременные, тяжело и заразно больные, имеющие преклонный возраст, однако у них бралась подписка о невыезде, а за семьей устанавливалось тщательное наблюдение. Полностью от ареста освобождались только «жены осужденных, разоблачившие своих мужей и сообщившие о них органам власти сведения, послужившие основанием к разработке и осуждению мужей»⁴⁰. Думается, что этот пункт «5б» приказа не нуждается в комментариях.

Дела на жен изменников родины рассматривались Особым совещанием НКВД СССР, так называемым альбомным порядком, и мера наказания составляла пять—восемь лет лишения свободы. Например, в архиве ФСБ РФ в альбомах № 33 и 34 значатся Голлинг Фаня Карловна, Шотман Екатерина Федоровна, Майборода (Ирклис) Мария Трофимовна, получившие от ОСО по восемь лет лишения свободы.

Одновременно с женами НКВД изымало и детей. Дальнейшая судьба тех, кого побоялись взять на иждивение родственники, складывалась по-разному. Грудные дети до полутора лет направлялись с матерью в лагерь, после чего передавались в детские дома. Дету в возрасте от трех до пятнадцати лет сразу направлялись в «детские дома наркомпросов других республик, краев и областей». Подростки — в детские дома или в другие республики для трудоустройства. Но не все. «Социально-опасные дети осужденных, в зависимости от возраста, степени опасности и возможностей исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД»⁴¹.

К сожалению, сегодня мы еще не можем назвать точную цифру репрессированных в Карелии по приказу 00486. Их многие десятки. В подтверждение этого приведем один архивный документ (Приложение № 7): «Согласно телеграмме № 928 НКВД АКССР проведены аресты 9 жен осужденных по польской операции, которые содержатся в петрозаводской тюрьме. Изъятые от них дети в числе 7 находятся в детском приемнике НКВД АКССР в Петрозаводске. По делам, направленным на рассмотрение Военной коллегии, арестовано 7 жен и изъято 5 детей. Списки арестованных и детей прилагаются. По польской, карельской операциям подлежат расселению 94 жены и 136 детей. Приложение на 2 листах. Нарком Вн. Дел Кар. АССР майор госбезопасности *Тенисон*».

Особая жестокость и изощренность стала применяться следователями НКВД осенью 1938 года при спешном завершении операции. Арестованный работник Карельского обкома ВКП(б) Я. Миляйс за три дня до осуждения сумел каким-то чудом переправить в Центральную контрольную комиссию ЦК ВКП(б) несколько листочков своего заявления. Грозный окрик из Москвы пришел через полгода, когда автора уже не было в живых.

«...1 июля меня снова привезли в НКВД, где долго ждал, сидел в коридоре. Потом ночью мл. лейтенант Гольдберг и сержант Володин

отвезли меня на «Каменный бор», примерно в восьми км от города. Там стоял недостроенный, без печей и штукатурки, двухэтажный деревянный дом. Этот дом и решил использовать НКВД для ведения следствия. И здесь начался мой допрос. Для этого был приготовлен специальный кабинет 13, изолированный от других комнат, которых там было около тридцати. И во всех вели допросы арестованных, которых привозили сюда прямо из тюрьмы. И пока не подписывался протокол допроса, обратно не отправляли. Сразу же ко мне было прикреплено три следователя: сержант Завистнов, Вудов (Управление НКВД при петрозаводской тюрьме) и Тукка Иван Иванович (начальник охраны исправколонии на ст. Пау). Эти следователи дежурили посменно по восемь часов и постоянно требовали от меня признания в том, что я шпион. Я это отрицал, говорил, что мой арест ошибка, основанная на вражеской клевете. Но они никаких моих объяснений и доказательств не принимали. Давай показания, что ты шпион, и больше ничего не надо. Особенно на этом настаивал Тукка, который откровенно говорил, что зря я уже несколько дней здесь мучаюсь и порчу свое здоровье. Что не сегодня так завтра я вынужден буду подписать протокол с признанием в шпионаже, ибо у них, следователей, терпенья хватит. Ведь их трое, а я один. Он говорил, что, учти, из этой комнаты еще никто не уходил без признания. Вопрос только в сроках. На пятый-шестой день у меня начались галлюцинации. Дни без сна и отдыха в такой обстановке дали себя чувствовать. Я начал бузить, требовать прокурора или начальника 3-го отдела Антонова или наркома Матузенко. Здание следствия стало казаться каким-то домом средневековой инквизиции. Я потребовал бумагу и написал два заявления карельскому прокурору, требовал, чтобы он прибыл сюда. Видимо, я требовал прокурора настойчиво, и вскоре пришел сержант Сибикин с наручниками и говорит, что если не буду сидеть смирно, то наденет наяручники. И что у них есть даже смирительная рубашка. Тогда мне показались кошмарные вещи. Будто уже привезена моя жена и 11-летняя дочь. Что жену допрашивает Тукка и ругает самыми похабными словами и требует признать, что она получала деньги за мою шпионскую работу, что она отказывается... Я тогда был убежден, что здесь какое-то вражеское учреждение и что моей задачей является... любой ценой вырваться. Чтобы каким угодно путем сообщить партийной организации и прокурору о творящихся

преступлениях. Итак, с 1 по 28 июля я пробыл на этом «Каменном бору». За все время спать мне давали три раза, тут же, на полу. Один раз шесть часов, второй — четыре и третий раз два часа. Это когда я уже не мог сидеть на стуле, валялся на пол, отливали водой, заставляли стоять у стены. Но я все равно падал. Тогда мне давали поспать. Особенно в похабстве и унижительном ругательстве изощрялся комендант «Каменного бора» Андреев, ходивший почему-то в черных очках»⁴².

Не выдерживая избиений, издевательств, непрерывных допросов и ужаса происходящего, люди умирали. 1 марта 1938 года умер в тюрьме лесоруб из Лоухи Василий Кошкин, но альбом на финских шпионов уже был направлен в Москву, и 28 марта Ежов с Вышинским приговорили его к расстрелу. Почти год находился под следствием директор Кондопожского лесозавода Карл Эльмстедт и умер в больнице УНКВД Ленинграда.

Многие из арестованных решались на крайние меры — побег или самоубийство. В Кемском РО НКВД арестованная Э.Фронд Роман-Никитина украла из стола следователя перочинный нож и перерезала себе горло. Аналогичные случаи были также в Пряжинском и Сорокском отделениях. В Петрозаводске уполномоченные НКВД Каган и Сибукин 17 октября 1938 года получили ордер на обыск и арест гр. Хенриксон. Однако в квартире оказались лишь два ее знакомых. Выгнав посторонних, чекисты опечатали двери и ушли. Дальнейшие события отражены в приказе по НКВД КАССР: «...При расследовании установлено, что в момент нахождения в квартире Кагана и Сибукина гр. Хенриксон была спрятавшись в шкафу. После опечатывания квартиры гр. Хенриксон подожгла таковую, а сама повесилась в том же шкафу»⁴³.

В Пудожском РО НКВД арестованный Валтонен 27 октября 1937 года отобрал револьвер у пом. уполномоченного Сонины и ранил своего мучителя. Однако подоспевшие на помощь чекисты двумя выстрелами тяжело ранили непокорного арестанта и отобрали оружие. В Кондопожском РО НКВД 9 января 1938 года в 3 часа 15 минут при конвоировании в здание НКВД совершил побег арестованный Паюнен, учитель школы. При задержании был тяжело ранен и направлен в больницу УНКВД Ленинграда. Несмотря на это, 27 января комиссией НКВД и Прокурора СССР приговорен к расстрелу. Дальнейшая судьба Э. Паюнена неизвестна...

- 1 Архив МВД РК, ф. 40, д. 13/26. С. 11, 23.
- 2 ЦА ФСБ РФ. Сл. дело А. Солоницына. С. 312.
- 3 Там же. С. 547—548.
- 4 Архив МВД РК, ф. 40, д. 20/10. С. 35.
- 5 ЦА ФСБ РФ, ф. 3, оп. 5, д. 1062. С. 38—40.
- 6 Там же.
- 7 Там же. С. 48.
- 8 ГАОПДФ, ф. 3, оп. 5, д. 7. С. 50.
- 9 Архив МВД РК, ф. 40, д. 49/4. С. 184.
- 10 ЦА ФСБ РФ, ф. 3, оп. 5, д. 1062. С. 55.
- 11 ЦА ФСБ РФ. Сл. дело А. Солоницына. С. 316—317.
- 12 ЦА ФСБ РФ, ф. 3, оп. 4, д. 1730. С. 1.
- 13 Там же, д. 985. С. 30—34.
- 14 Архив ФСБ РК. Сл. дело А. Каупинен. С. 31.
- 15 Цит. по: Их называли КР. Петрозаводск, 1992. С. 271, 273.
- 16 ГАОПДФ, ф. 3, оп. 5, д. 86. С. 90.
- 17 ЦА ФСБ РФ, ф. 3, оп. 4, д. 985. С. 2—3.
- 18 ЦА ФСБ РФ. Сл. дело С. Матузенко. С. 154.
- 19 Цит. по: Служба безопасности. 1993. № 5—6. С. 2.
- 20 ЦА ФСБ РФ. Сл. дело А. Солоницына. С. 549.
- 21 Там же. С. 612.
- 22 Архив ФСБ РК. Сл. дело К. Кяхяля. С. 29 (об.).
- 23 Архив ФСБ РК. Сл. дело К. Таппанен.
- 24 Архив МВД РК, д. СО-1186. С. 11.
- 25 ЦА ФСБ РФ. Сл. дело А. Солоницына. С. 377.
- 26 Там же. С. 374.
- 27 Там же. С. 412.
- 28 Мек — чекистская аббревиатура слова «меньшевик».
- 29 ЦА ФСБ РФ. Сл. дело А. Солоницына. С. 341.
- 30 Там же. С. 549.
- 31 Архив ФСБ РК. Сл. дело Т. Золотовой. С. 81—82.
- 32 Архив МВД РК, д. СО-3500, т. 2. С. 13—22.
- 33 Архив МВД РК, ф. 40, д. 20/10. С. 29.
- 34 ЦА ФСБ РФ. Сл. дело А. Солоницына. С. 302—303.

³⁵ Архив ФСБ РК. Сл. дело по факту убийства В. Федорова.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

³⁸ Архив автора.

³⁹ ЦА ФСБ РФ. Сл. дело А. Солоницына. С. 318.

⁴⁰ Цит. по: Законодательные и нормативные акты о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 88.

⁴¹ Там же. С. 90.

⁴² Архив ФСБ РК. Сл. дело Я. Миляйс. С. 39—39 (об.).

⁴³ Архив МВД РК, ф. 68, д. 63/1. С. 65.

ГЛАВА 4.

«ПРОШУ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ...»

Анализируя трагическую историю массовых репрессий, нельзя обойти вниманием ту страшную роль, которую сыграли в ней средства массовой информации и сама общественность страны. Прозорливо пестовал В. Ленин газеты как коллективного организатора, агитатора и пропагандиста, ибо ясно понимал значение печатного слова в огромной России. Конечно, не Достоевские или Солженицины (для которых «бедный человек» и «неучастие во лжи» — главное) сидели в редакциях тех лет. Но формально никто не заставлял журналистов нагнетать истерию, тем более указывать НКВД конкретные адреса. В архиве ФСБ РФ хранится дело «Переписка с редакцией газеты "Правда"». На сотнях страниц собкоры партийного органа, как бы соревнуясь друг с другом, спешат уведомить начальство о новых фактах, фактиках и домыслах. Не то чтобы им не хватало места на страницах «Правды» или местных газет, нет, одни из них свято верили в необходимость борьбы с врагами и пытались усовершенствовать ее, другие мечтали выслужиться перед начальством, третьи просто сводили личные счета — зная, что от редакции до Лубянки самый короткий путь. Именно с подачи собкоров «Правды» при всех управлениях НКВД были созданы специальные приемы для «рабочих и служащих», которые также хотели внести свою лепту в «святое дело».

Отличился на этом поприще и собкор «Правды» по Карелии Борис Золотов (Шварцштейн). Первая его статья в газете была напечатана 9 сентября 1937 года, а служебное письмо, по существу — донос, отправленное им главному редактору «Правды» Л. Мехлису,

датировано еще 6 сентября. Вскоре главный фигурант письма — секретарь Каробкома ВКП(б) М. Никольский был арестован. Волной от его падения захлестнуло десятки людей. Вторая статья Золотова опубликована 11 сентября, служебное же письмо датировано 26 сентября. Проходит совсем немного времени, и упомянутый в статье и письме председатель ЦИКа Карелии Н. Архипов арестован.

Слово авторам — Л. Мехлису, редактору газеты «Правда», и корреспонденту Б. Золотову (Приложение № 8). Документы приводятся с небольшими сокращениями.

«ЦК ВКП(б) — товарищу Сталину. НКВД — товарищу Ежову.

Корреспондент «Правды» по Карелии тов. Золотов (Шварцштейн) прислал первые материалы, которые напечатаны в газете 9 сентября в виде обзора печати под заголовком «Рупор буржуазных националистов». Сейчас тов. Золотов прислал закрытое письмо, в котором сообщает о партийно-политическом положении в Карельской республике. Тов. Золотов пишет, что секретарь обкома Никольский не заслуживает политического доверия. Он все время выдвигал Павловича, оказавшегося членом террористического центра правых в Наркомлесе, был тесно дружен с арестованным сейчас Марьиным, Аксеновским, Новожиловым и другими. Далее тов. Золотов сообщает, что в Карельском обкоме продолжают работать политически сомнительные личности: Миляйс — зав. отделом агитации и пропаганды, Леонинок — зав. ОРПО и Чашков — зав. советско-торговым отделом.

Посылаю Вам для сведения копию этого письма. *Л. Мехлис*».

«Петрозаводск, 6 сентября.

Тов. Мехлис! В Карельском обкоме считают, что разгромом группы Иркиса все сделано: аппарат очищен от врагов, в обкоме сидят честные работники, второй секретарь обкома Никольский — честный, проверенный большевик, сделал лишь одну ошибку, что не разоблачил Бушуева, бывшего председателя Совнаркома, организатора повстанческого движения в Карелии, и не принял меры к его разоблачению. Далее. Никольский сделал еще одну ошибку, что покорно выполнял все указания Иркиса и никогда на бюро не выступал против ошибочных предложений Иркиса.

В нашем распоряжении имеются неопровержимые доказательства связи Никольского с врагами народа и их укрывательства. В карельской организации хорошо известно, что Никольский был тесно связан с арестованным Павловичем. Кто такой Павлович и в чем заключалась связь? Никольский все время выдвигал Павловича на ответственную хозяйственную работу... всегда распинался о Павловиче, как о преданном большевике... Павлович арестован. Он оказался главой террористического центра правых в Наркомлесе. Ему, Павловичу, давалось поручение убить т. Молотова... В областном отделе НКВД не включили показания в протокол допроса Павловича. Работник отдела Рыкачев мне сказал, что скоро этот пробел ликвидируют. Они заведут отдельный протокол показаний Павловича о его связи с Никольским... Не случайно начальник областного отдела т. Тенисон давал лестные отзывы о Никольском, считая его безупречным человеком. Боюсь сказать, может быть, допрос Павловича смазан. Это требует немедленного вмешательства Николая Ивановича...

В Олонецком районе вскрыто крупное вредительство в сельском хозяйстве. Сейчас арестован Кузнецов, работавший в 35—36 гг. заместителем секретаря райкома, т. е. заместителем у Никольского. Кузнецову предъявили те обвинения, которые следовало бы предъявить секретарю райкома.

До последнего дня директором Онежского завода работал видный зиновьевец Старуценко. До последнего дня также работали известные Зиновьеву Лускер — бывший зампред Совнаркома, Вигдер — управляющий коммунальным хозяйством, Лозанская — преподаватель комвуза и другие. Никольский, как и обком, знал, что в этих организациях сидят зиновьевцы. Однако он не поставил вопрос об этом вовремя. Инициатива принадлежит НКВД. Никольский — сын священника, учитель. Все эти факты говорят о том, что Никольский — политически сомнительный человек. Он должен в интересах дела немедленно отстранен от работы. Доказательств еще нет, но в свете приведенных фактов ясно, что он подозрительный человек.

Теперь о зав. отделом агитации Миляйсе. Миляйс — бывший секретарь Кандалакшского райкома партии. Во время обмена партдокументов он выдал активному зиновьевцу Метцелю партбилет. В районе раскрыта группа вредителей, шпионов и повстанцев.

Миляйс после этого не только не может оставаться зав. отделом обкома, но и членом партии. Непонятную позицию во всех этих делах занимает зав. ОРПО Леонинок. Он мог бы сообщить в ЦК о связях Никольского с врагами народа. Он знает об этих фактах, но не делает этого потому, что тесно дружен с Никольским... Весьма подозрительным выглядит зав. советско-торговым отделом обкома Чашков. Этот Чашков работал примерно в 35—36 гг. председателем Карельского потребсоюза. Уходя в обком, он выдвинул вместо себя Графова. Сейчас Графов исключен из партии за развал работы и связь с врагами народа. Графов — враг и скоро будет арестован. Но Чашков в этом деле играл небольшеvistскую роль...

Из этих фактов видно, что в Карельском обкоме остались еще политически сомнительные люди, которым большевики Карелии не могут выражать политического доверия. Аппарат обкома нуждается в большеvistском оздоровлении. *Б. Шварцштейн*».

«НКВД — товарищу Ежову.

Посылаю закрытое письмо карельского корреспондента «Правды» тов. Золотова (Шварцштейна) о наркомвнуделе Карелии Тенисоне и его заместителе. Письмо, которое упоминает тов. Золотов, послано товарищу Сталину и Вам 11 сентября. P. S. Разрешил Золотову выехать на один день в Москву. *Л. Мехлис*».

«Тов. Мехлис! В письме, посланном Вам 6.11.37 г. я приводил факты «непротivления карельского НКВД злу». Во время допроса арестованного Павловича не были взяты показания, связанные с вражеской работой Никольского... Даже теперь, после исключения Никольского из партии по материалам «Правды», НКВД не отваживается арестовать его... Позднее я узнал, что разоблаченный «Правдой» бывший председатель ЦИКа Архипов был тесно связан с целым рядом врагов, но на него также почему-то не заведено дело. Ограничились исключением из партии. Когда я спросил наркома Тенисона, почему делается поблажка Архипову, он мне ответил: «На Архипова есть пока слабые показания». Это неправильно. На Архипова есть показания, заслуживающие серьезного внимания: Архипов знал в 1921 году о том, что в лесах собираются белофинские отряды для свержения советской власти. Он об этом сказал Гюллингу и успокоился.

Тенисон не хочет помочь «Правде» в разоблачении зав. отделом агитации Миляйса, о котором в Карелии говорят как о человеке, связанном с врагами народа... Тенисон не хочет разоблачить зав. ОРПО Леонинока и зав. совторготделом Чашкова, на которых тоже есть важные дела. Почему Тенисон проявляет такое либеральное отношение к врагам, разоблаченным «Правдой»? Дело в том, что Тенисон очень близко связан с Ирклизом, Бушуевым, Никольским, Архиповым и другими. Он вместе с ними пьянствовал в доме отдыха «Сайнаволоок», он запрещал печатать резкие передовые... он, наконец, не захотел заводить дела на всех руководящих работников, на которых есть серьезные показания.

Заместителем Тенисона работает Солоницын. О нем говорили на активе, что он, будучи начальником НКВД в Мурманске, выгораживал троцкистов и был с ними связан. Аппарат НКВД слабый. Начальник 4-го отдела Калинин не знает, что делается в культурных учреждениях Карелии. Протоколы дознания ведутся слабо и аполитично. Есть много серьезных ошибок в НКВД, о которых писать не могу. Я прошу Вас, тов. Мехлис, поставить вопрос перед *Н.И.* о командировании его заместителя для наведения здесь порядка. Этому человеку я сумею дать дополнительные факты.

Тов. Мехлис, если есть возможность, вызовите меня для информирования Вас о делах, о которых писать невозможно. Я могу приехать только на один день. 21.11.37г. *Б. Шварцштейн*».

Указанный в доносе Бориса Шварцштейна заведующий отделом пропаганды и агитации обкома ВКП(б) Ян Яковлевич Миляйс был арестован 14 июня 1938 года. Через неделю в парторганизации ЦИКА и СНК, где работала его жена, Лилия Ивановна, состоялось собрание. Коммунисты дружно клеймили очередного врага и требовали от его жены отречься от мужа. Возмущало их не только то, что Лилия сама не разоблачила мужа, но и «встала на защиту, считая, что он ни в чем не виновен, не враг, заявляя, что связь с мужем будет осуществлять и в дальнейшем». Один из членов парткома рассказал, как сразу после ареста мужа Лилия Ивановна отдала ему свой партбилет со словами: «Не я первая, не я последняя. Все равно исключат из партии». Исключили единогласно, а вскоре Л. Миляйс была арестована. 5 октября 1938 года Особая тройка НКВД КАССР осудила супругов Миляйс как латышских шпионов к высшей мере наказания.

После шестнадцати лет совместной жизни, не предав друг друга, они были расстреляны в один день — 14 октября 1938 года.

Анализируя роль прессы в событиях 1937—1938 годов, следует помнить, что журналисты, как и весь народ, находились под страхом ареста. Кроме того, над ними стоял всемогущий Главлит. Вот лишь два примера. Первое письмо написано на бланке редакции газеты «Комсомолец Карелии» от руки, поэтому возможны неточности в фамилиях.

«НКВД, тов. Тенисон. Прошу обратить внимание на следующие факты. В газете «Комсомолец Карелии» за 28 октября 1937 года корректурой типографии допущены переносы, искажающие смысл. Факт первый. В статье тов. Косарева во фразе «Сталинская Конституция законодательно оформила и закрепила победу социалистического строя в нашей стране» перенос в слове «победу» сделан так, что получился контрреволюционный смысл (по-беду. — *И. Ч.*). Факт второй. В выступлении стахановца Мухина во фразе «Да здравствует партия Ленина-Сталина, создавшая нам радостную, веселую жизнь» не поставлен знак переноса. Получилось: «Лени на-Сталина». Полоса со статьей Косарева была поставлена в печать корректором Лупановой, другая — бригадиром корректоров Колады. Дежурный по редакции просмотрел эти вредительские ошибки, за что ему дано указание на редакционном совещании. Прилагаю вырезки из газет. Ответственный секретарь *Куртаков*».

Второй документ — официальное письмо Главлита.

«Не подлежит оглашению. В НКВД КАССР. Внеочередное сообщение.

Сегодня утром задержан и изъят из распространения весь отпечатанный тираж газеты «Пунайнен Карьяла» № 254 от 28.12.37 г. ввиду антисоветского искажения в переводе стихотворения «Великий Сталинский закон». В подлиннике указанного стихотворения имеется следующий абзац:

Много законов я в жизни знал,
От этих законов согнулась спина,
От этих законов темнела луна,
От этих законов слезы текли,
Глубокие складки на лбу пролегли...

Это место в газете переведено следующим образом:

Много законов я в жизни знал,
Но этому закону поклонюсь только.
Он слезы в глаза навернул,
Глубокие складки на лбу провел.

Переводчиком стихотворения значится Вятяйнен. Начальник Главлита Мякинен».

На документе имеется резолюция зам. наркома А. Солоницына: «Тов. Калинин. Срочно рассмотреть. Уведомите 3-й отдел». В результате «рассмотрения» Тамту Вятяйнен был расстрелян.

После того как Б. Золотов назвал «Красную Карелию» рупором буржуазных националистов, газета резко меняет курс. Редкий номер обходится без подборки статей о происках контрреволюционеров. Вот лишь несколько примеров: «До конца выкорчевать корни вредительства в Карелесе» (А. Полетухин), «Покровители буржуазных националистов в горкоме и Наркомместпроме» (А. Терентьев), «В Наркомздраве игнорируют интересы трудящихся» (А. Губарева), «Националистическая практика Наркомпроса» (И. Карачев), «В Управлении связи навести большевистский порядок» (В. Медников), «Вредительство на Сунастрое» (С. Яковлев)... В заметках называются десятки конкретных имен и фамилий. Последствия нетрудно представить...

20 декабря 1937 года на праздновании 20-й годовщины ВЧК-ОГПУ НКВД нарком К. Тенисон с полным правом заявил: «Нет такого врага, которого не могла бы разоблачить советская разведка. Советский народ активно помогает нам, в этом наша сила... У нас каждый трудящийся — наркомвнуделец».

Газета подробно освещала судилища над «вредителями» в Пудожском, Олонецком, Пряжинском, Шелтозерском и Кестеньгском районах, сопровождая их откликами и письмами трудящихся под общей рубрикой «Врагам народа не может быть пощады».

«Оздоровить Союз писателей Карелии» призывал И. Кан, и еще несколько человек исчезли. «Осиное гнездо в Электронике» — кричал Л. Варламов — и новый адрес для НКВД. «Вражеские корни в Центроархиве» (Е. Тарасова), «Навести порядок в торговых организациях» (А. Полетухин) — и...

ГЛАВА 5.

ДВОЙКИ, ТРОЙКИ И ПРОЧИЕ ОРГАНЫ

Как уже сказано, главным орудием репрессий Политбюро ЦК ВКП(б) определило внесудебные органы, так называемые тройки, состоявшие из начальника НКВД, секретаря республиканского (областного) комитета партии и прокурора. В последние месяцы операции с санкции ВКП(б) и по приказу НКВД СССР № 00606 от 17 сентября 1938 года на местах были созданы особые тройки для экстренного завершения и рассмотрения материалов. Кроме того, в Центре действовала так называемая Комиссия НКВД и Прокуратуры СССР, состоявшая из наркома Ежова и прокурора Вышинского.

ТРОЙКА НКВД КАССР

Подробные сведения о работе этого органа и ее чудовищных результатах представлены в Приложении № 9. Здесь же необходимо выделить несколько принципиальных моментов.

Всего с августа 1937 года по ноябрь 1938 года было проведено 46 заседаний. Четкой регламентации и хронологии работы нет. Например, в августе 1937 года было проведено 6 заседаний, в сентябре — 8, а в январе 1938 года — всего 2. В то же время 20 ноября и 28 декабря 1937 года оформлено сразу по два протокола заседаний. Очевидно, прав был зам. наркома Солоницын, когда, находясь под следствием, дал такую характеристику работе Тройки:

«По приезде Тенисона с совещания из Москвы (август 1937 года) московские установки с аппаратом Наркомата достаточно прора-

ботаны не были и вследствие этого на оперсовещании работников периферии и центрального аппарата оргвопросы стояли не четко — будут ли организовываться сектора, кто начальник секторов, порядок отчетности, их права и т. д. Тогда же была дана Тенисоном путаная директива об аресте «второй категории», в результате чего в одних районах арестов не проводили, а в других провели, а потом освобождали арестованных... Почти весь период работы Тройки характеризуется своеобразным соревнованием отделов наркомата и периферийных органов за получение «лимитов»... Не деловая и политическая целесообразность, а лимиты стояли во главе угла Тенисона как руководителя Тройки...»¹

В работе Тройки наиболее четко просматривается тенденция постепенного ужесточения репрессий и смещение акцента в ее работе на «антисоветский элемент», а не на уголовников или «кулаков».

Первое заседание Тройки НКВД КАССР состоялось 7 августа 1937 года. Все материалы касались типичных уголовников: воров, бандитов, грабителей. Не случайно докладывал эти материалы зам. начальника УРКМ Карелии Н. Андреев и начальник угрозыска К. Виссарионов. Они же (как и все другие докладчики) предлагали вариант решения, который изменялся чрезвычайно редко. Первое заседание оказалось самым «гуманным»: почти половина репрессированных (31 человек) получили в качестве наказания лишение свободы. Следует отметить, что многие из них действительно заслуживали серьезного наказания. Например, по протоколу № 3 приговорен к расстрелу некто Абрам Палло, он же Дурасов, он же Монахов, 1905 года рождения, ранее трижды судимый за бандитизм, совершивший побег из Свирского лагеря и убивший в Петрозаводске молодую женщину. Наказание заслуженное, однако и этот убийца по сталинской конституции имел право на расследование, защиту и гласное рассмотрение дела в суде.

На втором заседании материалы по групповому делу № 26980 о повстанческой организации докладывал пом. начальника 4-го отдела УГБ НКВД КАССР лейтенант госбезопасности С. Волков. Постановили: из 72 человек 68 — расстрелять! Дальше начинается то самое «соревнование», о котором поведал Солоницын: на 2, 3, 5, 7, 9, 11-м заседаниях лидирует 4-й отдел. На 14, 16, 17, 18, 20, 24-м вперед вырывается со своими материалами на шпионов 3-й отдел наркомата. На 12-м заседании с целой кипой групповых дел (№ 30356, 28260,

28250) на шпионов и контрреволюционеров появляется начальник штаба 3-го пограничного отряда капитан Яновский. На 16-м заседании 14 дел докладывает начальник особого отдела 54-й стрелковой дивизии Быстров, на 35-м — начальник особого отдела 18-й стрелковой дивизии Масленников...

Вне всякой конкуренции находились только чекисты Белбалтлага НКВД. По их материалам составлялись отдельные — самые жестокие протоколы заседаний. Например, №21 от 20 ноября 1937 года: 399 человек к расстрелу...

На 9-м заседании Тройки материалы на своих «врагов народа» докладывал начальник Ругозерского РО НКВД сержант госбезопасности Терехов. Это был первый и последний случай появления на заседаниях этого органа начальника райотделения. В дальнейшем все дела докладывали по своим линиям начальники отделов наркомата. Терехов же вообще был уникальной в своем роде личностью. Только он один, докладывая наркому о приведении приговоров в исполнение, каждый раз писал страшную фразу: «Произвел уничтожение людей путем расстрела следующих лиц...»

Надо полагать, что вряд ли кто-либо из репрессуемых присутствовал на заседаниях Тройки. Во-первых, это было физически невозможно, поскольку за день нужно решить судьбу, например, 456 человек. Во-вторых, во всех протоколах местом проведения заседания указан г.Петрозаводск, а расстрелы производились в 15 населенных пунктах республики. Осужденные в Петрозаводск не этапировались, а зачастую даже и не были арестованы.

Особо необходимо отметить еще один момент в работе Тройки НКВД КАССР. Согласно итоговому отчету НКВД СССР, Карелия получила в общей сложности лимит на репрессирование 3700 человек (2800 человек — первая категория, 900 — вторая). Отдельный лимит в 800 человек имел Белбалтлагерь НКВД. Но реальная цифра значительно больше: 8428 человек (7221 — расстрел, 1207 — лишение свободы). По указанию НКВД СССР работа троек должна была прекратиться 15 апреля 1938 года. В Карелии же после этой даты состоялось еще четыре заседания по рассмотрению дел заключенных Белбалтлага... Пока не удалось обнаружить документов, проливающих свет на эти грубейшие (даже по тем временам беззакония) нарушения указаний Центра. В обвинениях Тенисону и Матузенко указывалось не на превышение, а на «смазывание» дел.

Итак, Тройка НКВД КАССР провела 46 заседаний, на которых рассмотрела 8428 дел. Подавляющее большинство репрессированных были расстреляны, а многие из тех, кто был лишен свободы, умерли в заключении².

ОСОБАЯ ТРОЙКА НКВД КАССР

Работа этого внесудебного органа мало чем отличалась от предыдущего. Тот же состав, те же методы, но более сжатые сроки и большая жестокость (Приложение № 10). За сентябрь 1938 года оформлено 14 заседаний, в том числе 21 сентября сразу 5!

Как уже сказано, главной задачей Особой тройки являлось завершение операции, «подчистка хвостов», которые неизбежно обрубились в разгар операции. Об этом свидетельствует и тот факт, что большинство репрессированных этим органом находились под арестом по полгода и более, но так и не давали признательных показаний. Поэтому Особая тройка специализировалась на шпионах, принадлежность к которым следовала из национальности.

Спешка в работе этого внесудебного органа привела к новым фальсификациям. Например, по протоколу № 3 Особой тройки значится осужденной на десять лет Кауккала Соини, продавщица магазина из Кондопоги. Но по материалам ее архивно-следственного дела видно, что с июля 1938 года по март 1939 года она находилась в петрозаводской тюрьме и лишь 5 марта 1939 года НКВД КАССР прекратил ее дело за отсутствием состава преступления. По протоколам № 14 и 15 значатся осужденными на десять лет концлагерей Пакканен Эстери и Кекман Виена. Дела на них также были прекращены в феврале 1939 года, и в них нет никаких следов о рассмотрении на Особой тройке. Более года провел под арестом механик Ребольской МТС Матвей Каяво, хотя в протоколе № 27 от 10 октября 1938 года он значится осужденным на десять лет.

Первые 18 заседаний Особой тройки посвящены исключительно борьбе с финским шпионажем. Затем, по мере оформления материалов (точнее говоря, их фальсификации), — и с немецким, польским, английским, латвийским, эстонским, шведским, японским, турецким, французским. Проиллюстрируем это двумя примерами.

По линии немецкого шпионажа была осуждена и расстреляна Эльза Фронд Роман-Никитина, немка, уроженка г. Люксембурга. Родилась

она в семье барона, генерала немецкой армии, но уже в 1918 году в 16-летнем возрасте приехала с матерью в СССР. Вышла замуж за русского, работала в ЧК. Однако эта организация традиционно часто проводила чистку своих рядов, и в 1927 году Эльза была осуждена за «должностное преступление» на три года соловецкого концлагеря. Находясь в лагере, фактически занималась чекистской работой — заведовала бюро цензуры писем. По окончании срока заключения работала юрисконсультом Кемского леспромхоза.

Но много ли немцев проживало в заштатной Кемии в 1938 году, тем более с такой «подходящей» биографией? Следователь НКВД даже обозначил ее в документах как графиню... 22 февраля 1938 года помощник наркома внутренних дел Карелии Дубровин направил в Кемское РО НКВД указание: «Фронт Роман арестуйте и ведите следствие в разрезе ее причастности к немецко-польским разведорганам». Указание было исполнено в тот же день, но первый и единственный протокол допроса арестованной написан лишь... 3 октября, за десять дней до расстрела. Что же происходило все эти восемь месяцев? Из документов следственного дела видно, что Эльза Фронт Роман до середины марта находилась в кемской тюрьме. Трудно предположить, что столь перспективного «шпиона» не допрашивали. Значит, Эльза ни в чем не признавалась и ничего не подписывала. Затем арестованную этапировали в Петрозаводск, а оттуда сразу же в областную больницу УНКВД Ленинграда. В деле имеется справка начальника больницы Никольского о том, что Эльза Фронт Роман-Никитина поступила «...с резаной раной шеи, с перерезкой обоих верхнегортанных нервов и абсолютной невозможностью глотания... Говорить и давать показания может».

Другой пример разоблачения «финского шпиона». Жительница Кондопоги Импи К. одолжила как-то своему соседу двести рублей и очень долго ждала возврата долга. В своем заявлении на имя Прокурора СССР Вышинского она рассказывает (находясь в заключении), чем закончилась эта история.

«В августе 1937 года мой муж сообщил в НКВД начальнику Пушкину, что их сотрудник Раутанен И. Д. одолжил деньги и до сих пор не платит и просил удержать их из его заработка. После этого меня вызвали в НКВД и допрашивали, требуя ответа на вопросы: На какие нужды Раутанен использовал одолженные у меня деньги? Какие секреты НКВД он мне выдал? Что я у него спрашивала, какие

секреты меня интересовали? На эти вопросы я, конечно, не могла дать удовлетворительного для них ответа, ибо шпионажем я не занималась и никаких секретов не спрашивала. Начальник Пушкин настаивал, что не говорю правду и грозил арестовать. Арестовали меня 20 января, и в ту же ночь начался допрос с вопроса "Кто из нас кого вербовал на шпионскую работу?". На допросе со мной обращались грубо. Я простояла на одном месте без всякого отдыха двадцать суток. Я была беременна (2,5 месяца), на четвертые сутки у меня начались схватки, и я истекала кровью. Когда подо мной образовалась лужа крови, т. к. получился выкидыш, мне разрешили лечь на диван, но не спать. Двое суток я боролась со сном, истекая кровью. После этого я опять поднялась и стояла. Кровотечение продолжалось целый месяц, но несмотря на это, со мной обращались грубо. Разговоры следователей отличались особой грубостью, похабностью и угрозами, особенно Брант и Пушкин».

2 октября 1938 года Импи К. была расстреляна как финская шпионка.

10 ноября 1938 года состоялось последнее заседание Особой тройки НКВД КАССР. Операция уже закончилась, и тройка пересматривала прошлые дела. Валентине Веримаа, учитывая ее беременность, заменили высшую меру наказания на восемь лет концлагеря. Материалы на восемь человек переправили для рассмотрения Особым совещанием НКВД СССР. Еще пять человек удостоились права побывать на настоящем суде, который, впрочем, мало чем отличался от внесудебных органов. 16 ноября 1938 года нарком внутренних дел Карелии Матузенко доложил в Москву: «Рассмотрение дел тройкой приостановил» (Приложение № 11).

КОМИССИЯ НКВД И ПРОКУРАТУРЫ СССР

Еще одним внесудебным, репрессивным органом являлась так называемая Комиссия НКВД и Прокуратуры СССР, состоявшая по сути дела из двух человек: Ежова и Вышинского. Характер работы этой двойки до конца еще не прояснен, но важно отметить следующие моменты.

Республиканские органы НКВД направляли на рассмотрение Комиссии не следственные дела, а списки на лиц, подлежащих репрессии. Кроме биографических данных, в них указывалась только ста-

твья обвинения (как правило, статья 58-6, шпионаж в пользу иностранного государства), суть следственных материалов и окраска: польский, латышский, финский... Именно так, по окраскам, формировались и протоколы заседаний двойки. Например, 26 января 1938 года утвержден протокол № 30 (по спискам финских шпионов) и протокол № 853 (по польской операции).

НКВД Карелии направил в Москву 30 списков с общим числом репрессированных 2143 человека (Приложение № 12). Наибольшее число списков в республике было составлено, конечно же, в отношении финских шпионов. Списки готовились настолько экстренно и небрежно, что союзный наркомат дважды строго указывал своим подчиненным. В сопроводительном письме к выпускам из протокола № 35 от 13 февраля 1938 года, например, сказано, что «две справки на Ниттунен К. А. и Партанен Т. А. представлены вторично. Оба обвиняемых приговорены ранее к расстрелу, протокол № 31 от 27.01.38 г.» Из этого сухого бухгалтерского документа ясно видно, до какой степени обыденности было доведено дело уничтожения граждан. Впрочем, московская двойка иногда, не объясняя причин, выдергивала из списка какую-то фамилию и требовала «направить дело в Военную коллегию» (14 человек) или же «направить дело на исследование» (28 человек). Как будто в Москве не знали, как и какое ведется «следствие».

ПАСПОРТНАЯ ТРОЙКА НКВД КАССР

Из всех незаконных, внесудебных органов репрессий самыми незаконными являлись паспортные тройки, что утверждали сами чекисты. В Акте о приеме-сдаче дел по НКВД СССР, направленном новым наркомом Л. Бериев на имя Сталина 29 января 1939 года, сказано, что «были приговорены около 200 тысяч человек сроком до пяти лет через так называемые милицейские тройки, существование которых не было узаконено».

Действовала такая тройка и в Петрозаводске. Ее председателем являлся нарком внутренних дел (сначала Тенисон, а с 5 марта 1938 года — Матузенко), а бессменными членами были зам. начальника Управления рабоче-крестьянской милиции Андреев, начальник угрозыска Виссарионов и начальник отдела службы Новиков.

Первое заседание Паспортной тройки (так официально называлась она в протоколах) состоялось 3 сентября 1937 года, а последняя № 21 — 3 ноября 1938 года. За это время на тройке были рассмотрены материалы на 559 человек (Приложение № 13). Анализ работы этого репрессивного органа свидетельствует, что тройка назначала наказания в виде лишения свободы до пяти лет. Характеристика обвинений по делам сводилась к нарушениям паспортного режима, ведению паразитического образа жизни, связи с уголовным элементом, приводам в милицию, совершению мелких краж. Практически невозможно определить критерии, по которым один осужденный получал пять лет концлагеря, а другой два или один год. На лиц, чьи дела передавались Паспортной тройкой в УГБ, эти критерии стандартны: «бывший офицер царской армии», «неизвестным путем был быстро осведомлен об аресте врагов народа Иркаиса и Ярвямяки», «житель Польши» и т. д. Начиная с протокола № 17 от 1 июля 1938 года в обвинениях появляется стандартная фраза: «обвиняется в порядке приказа НКВД СССР № 00319 от 21.05.38 г.».

Архивные документы свидетельствуют, что первые экземпляры протоколов тройки направлялись в Москву на имя зам. наркома внутренних дел, начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции комдива М. Чернышева. Однако удалось обнаружить лишь несколько выписок из протоколов Особого совещания НКВД СССР от 16 марта 1938 года, которыми утверждены (задним числом) первые двенадцать протоколов карельской Паспортной тройки. 19 апреля 1939 года был утвержден и протокол № 13. На остальные протоколы утверждения Москвы отсутствуют.

СУД

Наряду с внесудебными органами в репрессиях участвовали и народные суды. И хотя внешние атрибуты гласности судебного разбирательства соблюдались (прокурор, защитник, свидетели, последнее слово подсудимого), говорить о его объективности невозможно. НКВД СССР специальным указанием (шт № 418 от 07.08.37 г.) разъяснил своим подчиненным порядок оформления следственных дел на рассмотрение Военной коллегии и спецколлегий. Сама коллегия и верховные суды республик действовали в строгом соответствии с указаниями ВКП(б) и Прокуратуры СССР. Например, 11 сентября 1937 го-

да Прокуратура СССР направила на места шифртелеграмму № 1200 «об организации процессов о вредительстве в деле хранения зерна». Существовала и более общая, как говорил Солоницын, «директива ЦК ВКП(б) о том, что в каждой области и республике поставить два-три процесса на вредительские группы в сельском хозяйстве».

Карелия быстро отреагировала на эту партийную директиву.

Из показаний Солоницына: «Следственное дело на антисоветскую группу специалистов Пудожского РайЗО: Колотихин, Лумбин и др. Следствие по делу по вопросам вредительства в сельском хозяйстве было проведено, по-моему, удовлетворительно. Многие моменты вредительской деятельности обвиняемых были документированы. Признались в своих преступлениях все обвиняемые, но эти показания в процессе следствия не были закреплены очными ставками. Дело разбиралось в Спецколлегии с выездом на место, в Пудожский район. Перед отправкой дела в суд всех арестованных передопрашивал пом. прокурора республики Городецкий. При одном из докладов следователя Тенисону присутствовал и Городецкий, который давал поведению арестованных положительную оценку, высказывал уверенность, что они будут подтверждать свои показания. На суде арестованные от показаний отказались».

В то же время для разбора в Спецколлегии готовилось второе дело, также по вредительству в сельском хозяйстве, на работников Олонецкого РК, РайЗО и Наркомзема. Как и пудожское дело, данное дело было разработано удовлетворительно. Перед отправкой арестованных допрашивали работники прокуратуры и все подтвердили, кроме, кажется, Кузнецова, свои показания на следствии, а на суде отказались, кроме одного подсудимого. Последний полностью подтвердил свои показания и разоблачил других...»³

Несмотря на отказ подсудимых от показаний, «выбитых» на следствии, все они были приговорены судом к высшей мере наказания и расстреляны. Председательствовал на заседании выездной сессии Спецколлегии Верховного суда КАССР Ковалерис, члены суда Бритсон и Скуратов, защитник Алышев и прокурор Михайлович. Суд определил подсудимым и конфискацию имущества.

Примером того, как быстро приспособились судебные органы к требованиям текущего политического момента, может служить дело по обвинению директора совхоза № 2 Арро Холопайнена. 20 февраля 1936 года Главсуд КАССР осудил к различным срокам лишения

свободы девять работников совхоза, в том числе директор получил десять лет концлагеря. Поводом послужил падеж скота и другие хозяйственные нарушения. По жалобе осужденных коллегия Верховного суда РСФСР 25 июля 1936 года сократила сроки наказания, а дела на четверых осужденных, в том числе и А. Холопайнена, направила на новое расследование. 25 марта 1937 года Верховный суд Карелии окончательно приговорил директора совхоза к трем годам лишения свободы.

Все осужденные уже отбывали наказание, когда началась операция. 10 сентября 1937 года Президиум Верховного суда РСФСР вновь пересмотрел дело, отменил все ранее принятые решения и направил дело на новое расследование. В определении Президиума было сказано, что «коллегия ВС РСФСР, рассматривавшая данное дело, не только не исправила ошибки следствия и суда, не квалифицировавших преступную деятельность основных обвиняемых как организаторов контрреволюционных преступлений и не давших надлежащей суровой оценки, но допустивших грубейшую политическую ошибку, искусственно разделив данное дело на две части и исказив таким образом перспективу дела и дав совершенно неправильную оценку преступным действиям работников совхоза как результату влияния опыта прежней их работы в Америке и непонимания ими советских агрономических мероприятий»⁴.

Возвращенное дело попало к следователю НКВД КАССР сержанту госбезопасности Кагану, который предъявил Холопайнену обвинение сразу по четырем контрреволюционным статьям: шпионаж, вредительство, разрушение средств сообщения и участие в контрреволюционной организации. 23 сентября 1938 года, после трех лет нахождения в тюрьме, А. Холопайнен был осужден Тройкой НКВД КАССР к высшей мере наказания и расстрелян.

Уголовные дела для показательных судебных процессов готовили не только чекисты, но и следователи прокуратуры. Однако, по мнению проверяющих, делали они свое дело из рук вон плохо. Пятая часть всех расследованных ими дел возвращалась на доследование (это в 37-то году!) или вообще прекращалась. В докладной записке председателю КПК при ЦК ВКП(б) М. Шкирятову заместитель уполномоченного КПК по Ленобласти Егоров писал: «За 1937 год народными следователями АКССР закончено 1118 дел, что составляет в среднем 3,9 дела в месяц на одного следователя. Это свидетель-

ствуем о чрезвычайно низкой производительности труда следователей»⁵.

По отчетным документам НКВД КАССР, в 1937—1938 годы Спецколлегией Верховного суда КАССР были осуждены за контрреволюционные преступления 124 человека. Однако эта цифра еще нуждается в уточнении.

Следственные дела на высших руководителей республики рассматривала Военная коллегия Верховного суда СССР, и они не попали во всевозможные отчеты НКВД Карелии. Приведем лишь часть этого скорбного списка:

Иркис П. А. — бывший секретарь Каробкома ВКП(б), арестован 23 июля 1937 года, осужден 9 ноября 1937 года, расстрелян в тот же день.

Шотман А. В. — бывший председатель ЦИК Карелии, арестован 25 июня 1937 года, осужден 29 октября 1937 года, расстрелян на следующий день.

Зингис Е. Ю. — бывший наркомхоз Карелии, арестован 31 июля 1937 года, осужден 18 февраля 1938 года, расстрелян в тот же день.

Муценек А. Ф. — бывший наркомфин Карелии. Арестован 10 сентября 1937 года, осужден 18 февраля 1938 года, расстрелян в тот же день.

Ровио Г. С. — бывший секретарь Каробкома ВКП(б), арестован 9 июля 1937 года, осужден 21 апреля 1938 года, расстрелян в тот же день.

Никольский М. И. — бывший секретарь Каробкома ВКП(б), арестован 17 октября 1937 года, осужден 18 мая 1938 года, расстрелян в тот же день.

Гюллинг Э. А. — бывший председатель СНК Карелии, арестован 17 июля 1937 года, осужден 14 июня 1938 года, расстрелян в тот же день.

Следственные дела на военнослужащих рассматривались военными трибуналами. В Карелии это были: военный трибунал Ленинградского военного округа, трибунал пограничной охраны и войск охраны НКВД, военные трибуналы 18-й стрелковой дивизии и в. ч. 4626. Установить точное число репрессированных в Карелии военнослужащих крайне сложно, так как по существующему порядку их архивно-следственные дела направлены по месту призыва в армию (или по

месту рождения). Но если верить отчету НКВД КАССР, за 1937—1938 годы в республике были репрессированы 217 военных, в том числе около 100 приговорены к расстрелу. Как докладывал в Москву нарком Матузенко: «Комбриг — 1, майор — 6, капитан — 5, ст. лейтенант — 6, лейтенант — 7, политрук — 5, военврач — 4...»⁶ Наиболее сильный удар был нанесен по кадрам 54-й стрелковой дивизии (начиная с ее командира комбрига Антонова), 18-го и 54-го артиллерийских полков. Репрессировано все руководство 216-го Управления военно-строительных работ: начальник Фридрихсон, главный инженер Редкозуб и бухгалтер Гейнрихсен.

---

¹ ЦА ФСБ РФ. Сл. дело А. Солоницына. С. 304.

² Кроме Тройки НКВД КАССР, к репрессированию жителей республики причастен и дорожно-транспортный отдел ГУГБ НКВД СССР на Октябрьской железной дороге. Их дела (в основном на железнодорожников) рассматривались на Тройке УНКВД Ленинграда и в отчеты НКВД Карелии не попали. К сожалению, пока нет подробной картины их «деятельности».

³ ЦА ФСБ РФ. Сл. дело А. Солоницына. С. 375—376.

⁴ Архив ФСБ РК. Сл. дело А. Холопайнена. С. 5.

⁵ Архив МВД РК, ф. 40, д. 17.5. С. 3.

⁶ Там же, д. 20/10. С. 63.

ГЛАВА 6.

ЖЕСТОКАЯ СТАТИСТИКА

Карельским историко-просветительским обществом «Мемориал» подготовлен к изданию первый том «Книги памяти», посвященной нашим землякам, безвинным жертвам политического террора 1937—1938 годов¹. Собранный материал позволяет сделать небольшой статистический анализ результатов «деятельности» карельской парт-организации, НКВД, суда, прокуратуры, прессы и общественности республики в условиях объявленного И. Сталиным «крестового похода» против своего народа; определить, какие именно категории граждан пострадали в первую очередь.

Необходимо отметить, что в настоящей работе анализируются статистические данные в отношении только жителей Карелии (без ББК НКВД СССР), репрессированных тремя внесудебными органами: Тройкой НКВД КАССР, Особой тройкой и Комиссией НКВД и Прокурора СССР (без учета осужденных Военной коллегией, военными трибуналами, Спецколлегией Верховного суда КАССР, Паспортной тройкой НКВД КАССР и Тройкой УНКВД Ленинграда). Однако эти данные составляют более 90 процентов всех репрессированных

---

¹ Пользуясь случаем, хочу назвать людей, которые многие сотни дней (в основном в личное время) просиживали в архивах, у компьютеров, пропускали через свое сердце тысячи трагических судеб, чтобы вернуть и увековечить доброе имя безвинных жертв. В первую очередь это мои коллеги-«мемориальцы»: Арсений Рогинский, Никита Петров, Ян Рачинский (Москва), Юрий Дмитриев, Эйла Аргутина, Ирина Такала, Валерий Верхоглядов (Петрозаводск). Это сотрудники ФСБ и МВД: Анатолий Краюшкин, Александр Николаев (Москва), Геннадий Свидский, Жанна Кутасова, Борис Савушкин, Владимир Иванов, Ольга Абанашкевич (Петрозаводск).

в 1937—1938 годах, что позволяет определить особенности и тенденции в проведении репрессий и достаточно аргументированно сформулировать главные выводы.

Почти половина всех репрессий является «заслугой» чекистов центрального аппарата НКВД КАССР (г.Петрозаводск и Прионежский р-н), Кондопожского, Заонежского и Петровского райотделений НКВД. Более 400 невинных граждан были репрессированы в каждом из таких районов, как Пряжинский, Калевальский, Кандалакшский и Пудожский. Анализ доли репрессированных в общем числе жителей показывает, что наибольший урон понесли пограничные районы: Ребольский и Ругозерский, где пострадали 5,9 процента населения, Калевальский — 4,3, Кестеньгский — 3,9, Петровский — 3,5 процента. В преддверии «зимней войны» с Финляндией в пограничных районах Карелии было уничтожено в общей сложности почти 3 тысячи жителей. Десятки населенных пунктов буквально обезлюдели...

В отчете отдела ЗАГС НКВД КАССР о численности населения республики нет сведений о национальном составе ее жителей, а результаты Всесоюзной переписи населения 1937 года, как хорошо известно историкам, уничтожены. Однако можно достаточно уверенно сказать, что количество финнов и их доля в структуре населения Карелии были незначительными. И тем не менее наибольшее число репрессированных в республике составили именно финны. Это прямой результат проведения в Карелии «операции по финнам». Главными очагами национальных репрессий стали крупные поселения финнов — выходцев из Америки, Канады, Швеции и Финляндии. В Петрозаводске и Кондопоге, Прионежском и Калевальском районах было уничтожено более 2 тысяч финнов.

Выше цитировался проект приказа НКВД СССР о проведении финской операции. В нем было предложено не ограничиваться репрессиями против финнов, но и провести их «среди карельского и вообще финско-угорского населения». Именно этим определяется второе место карелов среди репрессированных. В десяти районах традиционного проживания южных и северных карелов именно они составили основную массу пострадавших. В районах компактного проживания русских (Заонежский, Пудожский, Медвежьегорский) в структуре репрессированных также преобладает именно эта национальность.

Простейший корреляционный анализ показывает, что между показателями численности населения, количеством, составом и долей репрессированных в районах нет статистически значимой связи. Так, Прионежский район имеет 11 место по числу населения и 2-е по количеству репрессированных, а Олонецкий, наоборот, 3 место по численности и 15-е по масштабам репрессий. Самый крупный населенный пункт Карелии — г.Петрозаводск, где преобладает русское население, занимает 2 место по количеству репрессированных русской национальности. Следовательно, масштабы репрессий зависели не только от числа жителей. В качестве других важных факторов можно выделить следующие:

1. Близость к главным силам НКВД (Петрозаводск, Прионежье, Кондопога);

2. Активность чекистов в проведении репрессий (Заонежье, Петровский р-н, где четыре оперуполномоченных НКВД сфальсифицировали почти столько же дел, сколько десятки работников центрального аппарата НКВД);

3. Наличие в районе крупных колоний финских переселенцев (Петрозаводск, Прионежье, Кондопога, Калевала) и спецпоселенцев (Кандалакша, Пудожский р-н, о.Гольцы);

4. Пограничное положение района (Петровский, Пряжинский, Олонецкий, Ведлозерский, Ругозерский, Калевальский, Кестеньгский).

Различная активность сотрудников НКВД в проведении репрессий подтверждается и такими фактами: еще до начала официальной работы Тройки НКВД КАССР (8 августа 1937 года) в республике было арестовано (в июне—июле) 463 человека. В том числе в Петрозаводске — 61 человек, в Петровском районе — 106, в Шелтозерском и Ребольском районах — по 2, в Лоухском районе — 1 человек.

Три «волны» самых массовых арестов приходятся на декабрь 1937 года — спешное завершение операции (по первоначальному плану), март 1938 года — после решения Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении массовых операций до 15 апреля, июль 1938 года — срочное оформление «шпионских» дел на рассмотрение Особой тройки НКВД КАССР. Более глубокий анализ времени арестов в разрезе районов позволяет сделать еще ряд важных выводов.

1. Самые массовые аресты в начальный период операции производились в пограничных районах, что, очевидно, связано с приоритетным выделением этим райотделениям НКВД лимитов на аресты.

2. В районах, не примыкавших к границе с Финляндией: Заонежском, Пудожском, Кондопожском, Межвежьегорском, Сорокском, Лоухском, Тунгудском, самые массовые аресты прошли в 1938 году.

3. В Петрозаводске и Кондопоге наиболее масштабные аресты произведены в июне—июле 1938 года. Подавляющее большинство арестованных в это время — финские переселенцы.

4. Основная часть арестов лиц «без определенного места жительства» проводилась в самом начале операции, в августе—сентябре 1937 года.

Социальный состав репрессированных, партийность и религиозную принадлежность, половозрастные особенности целесообразно рассматривать на примере конкретных районов. Последний вывод, который можно сделать из общего анализа жестокой статистики репрессий в Карелии в 1937—1938 годах, сводится к следующему. Хроническое невыполнение республикой основного показателя промфинплана — лесозаготовок усугубилось в результате того, что в ходе операции было уничтожено почти 3 тысячи квалифицированных лесорубов. Существенный урон был нанесен и без того слабому сельскому хозяйству и промышленности. На крупнейших предприятиях и стройках («Нивастрой», Кондопожский ЦБК, Онегзавод и лыжная фабрика в Петрозаводске, «Сунастрой», камнеразработки, лесозаводы в Петрозаводске, Кемь и Соробе) были уничтожены сотни квалифицированных рабочих и служащих. Обезглавлены почти все республиканские и районные органы власти, репрессирована духовная и творческая интеллигенция. Геноцид против финского и карельского населения вызвал непоправимые демографические, социально-политические и духовные изменения в жизни национальной республики и ее народов.

Столица республики г. Петрозаводск являлся самым крупным населенным пунктом, административным, промышленным и культурным центром Карелии. По замыслу следователей НКВД здесь располагались и центры контрреволюционных организаций: националистов, повстанцев, «правых», вредителей... В городе находились и главные оперативные силы чекистов, поэтому число репрессированных здесь оказалось самым большим — 1164 человека. Показательно, что из этого числа лишь 20 процентов составляли уроженцы Карелии. Социально-демографическую ситуацию в Петрозаводске

и особенности репрессий иллюстрируют и такие цифры: арестовано 593 финских переселенца, 330 русских, по 20 человек поляков и евреев, по 16 человек латышей и украинцев, 10 белорусов...

Статистические данные свидетельствуют, что целый ряд республиканских ведомств подвергся кардинальной «чистке». В Карельском обкоме и горкоме ВКП(б) репрессировано 14 человек (во главе с М. Никольским), в КарЦИКЕ — 10 человек (Н. Архипов), в радиокомитете, издательстве и редакциях республиканских газет — 35 человек (О. Вильми), в Союзе писателей, театрах и других творческих организациях — 32 человека (Я. Виртанен, Р. Нюстрем), в Кареллесе — 32 человека (Г. Валлин), в Наркомземе — 17 человек (Я. Мартинен), в Карелпотребсоюзе — 14 человек (М. Графов), в Управлении связи — 9 человек (А. Зайцев). Репрессированы работники Каргосплана, Наркомсобеса, Наркомснаба, Наркомюста... Репрессированы: управляющий Карелпушнины И. Ахонен и управляющий Карелпродторга И. Земсков, управляющий Госбанка Г. Голубев, нарком здравоохранения Н. Заводов, нарком внутренней торговли А. Орел, ректор комвуза В. Кангас, директор пединститута Э. Сювянен и многие, многие другие.

«Контрреволюционные организации» в Петрозаводске фальсифицировались следствием по трудовым коллективам. Наибольшему разгрому подверглась лыжная фабрика, где репрессировано 120 работников во главе с директором И. Туомайненым. На Онежском тракторном заводе репрессировано 80 человек во главе с директором П. Старушенко и главным инженером С. Островским. В тресте «Карелстрой» арестовано 72 человека, в типографии им. Анохина — 26 человек во главе с директором О. Пеккариненым. Репрессировано 48 работников городской пожарной охраны (И. Шамович) и 14 работников петрозаводской тюрьмы (Г. Пахомов). Крупные аресты прошли также на авторемзаводе, перевалочной бирже, дорстрое, электропоке, тресте коммунальных предприятий, на кирпичном заводе...

Репрессии в Петрозаводске нарастали постепенно: в августе 1937 года арестовано 36 человек, в сентябре — 64, октябре — 100, ноябре — 117, декабре — 147 человек. Вторая волна арестов приходится на февраль—март 1938 года, когда было арестовано 192 человека. Третья — на июль 1938 года, когда было арестовано более 200 финнов.

В городе было арестовано 105 женщин, причем половина таких арестов произведена в июне—июле 1938 года, при завершении опера-

ци. Основная же масса репрессированных — это мужчины 25—40 лет, самого трудоспособного возраста. Исключение составляет категория так называемых «БОЗ», где доля молодых людей значительно выше.

Непосредственно к столице республики примыкал Прионежский район, который обслуживался центральным аппаратом НКВД КАССР, что дает право рассмотреть его сейчас, вне алфавитного порядка. В эти годы район был крупным лесоперерабатывающим центром. В Матросах, Вилге, Лососином, Падозере, Пяжиевой Сельге располагались ведущие леспромхозы, тракторные базы, в Соломенном — лесозавод.

Именно эти населенные пункты и стали главными «опорными пунктами контрреволюционных организаций». Из 748 человек, репрессированных в районе, 183 — жители п. Матросы, 126 — Вилги, 97 — Соломенного, 76 — Падозера, 69 человек — жители Лососиного и Ло-хиярви. Более 10 человек было арестовано в Шуге, Деревянном, Ладве, Пае.

Главной особенностью репрессий в районе стала их антифинская направленность. Если уроженцы Карелии (русские и карелы) составили около 6 процентов, то финны-переселенцы — более 90 процентов всех репрессированных в районе. Аресты производились в течение всей операции. Так, уже в июле 1937 года были арестованы директор Пяжиевосельгской тракторной базы Н. Федоров, Деревянской МБ — И. Захаров, Падозерской — В. Плотников, Матросской МБ — А. Парикберг, директор Пайского леспромхоза И. Власов.

Однако самые массовые аресты развернулись в декабре 1937-го — марте 1938 года, когда было арестовано более половины всех пострадавших. В самый разгар лесозаготовок арестовано 378 лесорубов. Вторая волна массовых арестов в районе прошла летом 1938 года, когда был арестован еще 131 финский лесоруб.

Вторым крупным промышленным центром республики был Кондопожский район. Здесь находились крупнейший в стране бумкомбинат, леспромхозы, кирпичный и пегматитовый заводы, ГЭС, колхозы. В районе проживала крупная колония финских граждан. Эти обстоятельства определили и особенности репрессий. Из 745 пострадавших в ходе операции две трети являлись жителями Кондо-

поги. Репрессированы 250 работников бумкомбината, 169 рабочих и служащих городских организаций, 50 работников Ленлеспрома, по 10 работников кирпичного завода и ГЭС.

Репрессии затронули практически все руководство района: секретарь РК ВКП(б) Г. Шерешков и председатель РИКа Ф. Потмоев, директор бумкомбината Г. Ярвмяки, главный инженер Б. Ландорф, коммерческий директор С. Старец, главный бухгалтер А. Бехтер, директор кирпичного завода И. Иоффе, главный инженер «Сунастроля» П. Травкин и др. Вторым крупным очагом репрессий стал Сунский сельсовет, где на «Сунастрое», в сплавной конторе, на тракторной базе были арестованы 67 человек. В д. Тивдия арестованы 33 жителя, в д. Сандалы — 16 человек. Всего же репрессиям подверглись жители 32 населенных пунктов района.

Второй особенностью репрессий в Кондопожском районе являлась их четкая антифинская направленность. Как уже отмечалось, кондопожские чекисты были инициаторами борьбы с финским национализмом, и именно отсюда началась операция по финнам. Из 739 репрессированных 522 были финнами. Учитывая длительное ведение агентурной разработки, операция в районе началась рано. Еще летом 1937 года были арестованы 56 человек. Но самые массовые аресты прошли в три волны: декабрь, март и июль 1938 года.

В районе было арестовано 55 женщин, причем 45 из них арестованы летом 1938 года при спешном оформлении дел на Особую тройку. Так, домохозяйка из Кондопоги Эмилия Сало была арестована 27 августа 1938 года по обвинению «в подготовке перехода границы» и 9 ноября 1938 года расстреляна.

Пограничный Ведлозерский район выделялся в качестве самостоятельной административной единицы (в составе 8 сельсоветов Пряжинского района и 3 сельсоветов Олонецкого района) незадолго до начала массовых репрессий, поэтому в отчете ЗАГСа нет данных о численности его населения. Эти три района республики были плотно заселены сельскими жителями и насчитывали сотни деревень, в которых проживало в общей сложности 54 142 человека. Больше, чем в столице Карелии.

Учитывая общую хозяйственную направленность районов, основные репрессии были проведены среди колхозников, которые составили три четверти пострадавших. Причем вместе с рядовыми кол-

хозниками брали и председателей колхозов. Вот лишь небольшой список в порядке алфавита. Пряжинский район: Ф. Анеков (д. Рубчейла), А. Буденнов (д. Проккойла), С. Бутенин (д. Чуйнаволок), П. Давыдов (д. Сигнаволок), В. Дубинин (д. Павшойла). Олонецкий район: К. Исаков (д. Вонгиманы), И. Ишуков (д. Юргелца), К. Лахти (д. Погранкондуши), И. Павлов (д. Чилмозеро), В. Печенкин (д. Коткозеро). Ведлозерский район: Н. Родионов (д. Саригора), С. Сергеев (д. Сыссойла), П. Степанов (д. Гижозеро)...

Можно выделить несколько крупных поселков: Пряжа — репрессировано 53 человека, Олонец — 45, Интерпоселок — 38, Сямозеро — 32, Чуйнаволок — 22 человека. Вторую группу деревень составляют Святозеро, Лахта, Эссоила, Ангелахта, Киндасово, Ильинский, Ведлозеро, Гижозеро, Саригора и Кинелахта, где репрессировано от 10 до 20 человек. Однако главная идея репрессий — «повстанческая группа в каждой деревне» определила и общий итог. Группы были вскрыты более чем в двухстах деревнях районов, где репрессировано в общей сложности 950 человек.

Оперативный удар был направлен на коренное население районов — карелов. В Олонецком районе, например, было арестовано всего 17 русских, в Пряжинском — 11, а в Ведлозерском всего 3 человека. В основном это были священнослужители и служащие-руководители. Еще одной особенностью репрессий в этих районах стало быстрое и активное проведение операции. Уже в июле 1937 года, до начала работы Тройки НКВД КАССР, здесь было арестовано 55 человек, в августе — 106 человек... В общей сложности около 70 процентов всех арестов проведены в первые пять месяцев операции.

Заонежский район традиционно населяли русские, которые и стали главным объектом репрессий. Колхозники, рыбаки, сапожники, конюхи — почти 600 человек из 28 тысяч жителей района.

Наибольшее число репрессированных — это жители административного центра п. Шуньга (95 человек), работающие на Оленегорских разработках камня (27 человек, в основном жители финской колонии), жители д. Кожма, Кижы, Поля, Пустыня, Толвуя, Тязвия, Великий Погост. Всего же аресты проведены более чем в ста деревнях района. Как уже отмечалось, важной особенностью репрессий в Заонежском районе была их нацеленность на служителей религиозного культа. После десяти лет бесплодной агентурной работы по делу

«Церковники» всего за шесть месяцев 1937 года с религией в районе было покончено. Репрессированы как священнослужители (епископ Т. Якобчук, священники В. Остроумов и П. Мартынов из Сенной Губы, А. Гедевский из Кожмы, К. Дикаревский из Карасозера, Ф. Лавров из Великой Губы, А. Петухов из Боярщины, Т. Петровский из Шунги, А. Поляков из Вырозера...), так и наиболее активные верующие. С этим связано и относительно большое число арестованных в районе женщин (21 человек). К духовной оппозиции властям была отнесена и большая группа учителей: А. Анушкин (Сельга), А. Анушкина (Кожма), И. Волков (Кижу), П. Коренной (Космозеро), А. Курилов, И. Луккоев, М. Песков, М. Пономарев, С. Соцков, Н. Ясюкевич (Шунга).

Массовые репрессии в районе начались относительно позднее, чем в других районах. Если за июль—декабрь 1937 года в Заонежье было арестовано 199 человек, то только за февраль следующего года сразу 142 человека. Подробный анализ времени арестов выявляет некую закономерность. С 1 по 10 марта 1938 года арестовано 52 человека, после чего до 22 марта следует пауза в арестах (арестовано всего 2 человека), а с 22 по 30 марта арестовано еще 88 человек. Очевидно, время с 10 по 22 марта используется для срочной фальсификации дел на арестованных.

Наибольшее число арестов в марте (23 человека) было произведено 23 числа. По месту проживания арестованных в этот день статистика следующая: арестованы жители 16 населенных пунктов на территории 10 сельских советов. Это еще раз подтверждает, что аресты проводили не только штатные работники НКВД, ответственность за репрессии должны разделить с ними многочисленные помощники из «партийно-советского и хозяйственного актива».

Главной особенностью операции в пограничном Калевальском районе является то, что «оперативный удар» был направлен не на местных жителей, а на переселенцев. Из 460 человек, подвергшихся репрессиям в районе, 264 человека, или 58 процентов, составили финны. Практически разгромленным оказался административный центр района с. Ухта, где репрессировано 258 человек. Та самая Ухта, которая в 1920 году высказалась за отделение Карелии от России. Это напоминание уместно здесь, так как во многих протоколах допросов звучал мотив «Ухтинской республики». Арестован и репрессирован почти весь состав работников райисполкома, начи-

ная с председателя П. Сонни (уроженца Гельсингфорса) и до возчика А. Кулмала. Арестован председатель райпотребсоюза К. Бельман, редактор газеты Э. Аспхольм, управляющий отделением Госбанка Ф. Коскелайнен, директор промкомбината Э. Нельсон, начальник ДЭУ Э. Валлин... Некому стало работать на метео-, радио- и электростанции, в пожарной команде, детском доме, больнице, школе, Доме культуры. Репрессирован единственный в районе фотограф — немец К. Весперман.

Репрессии коснулись жителей 38 населенных пунктов, в том числе на лесопункте Канус-Суо было арестовано 45 финских лесорубов. Аресты производились на всем протяжении операции (14 человек в июле 1937 года и 61 человек в июле—августе 1938 года).

В самом северном Кандалакшском районе республики было репрессировано 417 человек, или 1,1 процента всего населения. Особенностью этого района было строительство крупной гидроэлектростанции на реке Нива, где работали тысячи крестьян, выселенных в начале тридцатых годов из Ленинградской области. Именно на них и был направлен главный удар. В поселке Нивастроля было арестовано 220 человек, что составляет более половины всех арестованных. Второе место по масштабам репрессий занимает Кандалакша, где арестовано (вместе с красноармейцами 54-го арт. полка и 120-го стр. батальона) 112 человек. В Черной Речке и Ковде были «вскрыты» контрреволюционные группы по 20 человек.

В общей идеологии репрессий району, точнее — Нивастролю, отводилось, очевидно, приоритетное положение, и более 60 процентов всех арестов здесь проведено за первые шесть месяцев операции.

Кемский район был одним из наиболее крупных и промышленно развитых. Здесь находились мощный железнодорожный узел, морской порт, леспромхоз, сплавная контора, лесо- и шпалозаводы, воинские части, наконец, собственная тюрьма. Однако за время операции репрессировано 311 человек, или 2,5 процента населения. При этом главный удар пришелся по Кемю (93 человека), п. Рабочеостровский (104 человека), ст. Шуерецкая (22 человека), Авнепорогу (19 человек). В остальных 19 населенных пунктах арестовано по 1—5 человек. Основную часть репрессированных (50 процентов) составили русские, примерно по 25 процентов — карелы и финны.

Трудно утверждать, что такая «слабая» работа явилась следствием нравственной позиции местных чекистов, но справедливость требует сказать, что в районе был репрессирован по политическим мотивам пом. оперуполномоченного РО НКВД В. Десятков. Документы свидетельствуют также, что в район неоднократно командировались для следствия и проведения расстрелов работники центрального аппарата НКВД Карелии.

В пограничном Кестеньгском районе к 1937 году проживало всего 6300 человек, но его геополитическое положение определяло остроту борьбы с «контрреволюцией» и ее качественное содержание. Более 40 процентов арестованных были обвинены в проведении шпионской деятельности. В 35 населенных пунктах района репрессировано 248 жителей, или 3,9 процента всех проживающих. В первую очередь это жители административного центра д. Кестеньга (80 человек), а также д. Тучма, Тикшозеро, Никольская Губа, Лайдасалма, Кизрека, Карелакша, где арестовано от 10 до 14 человек. Наибольшее количество арестов приходится на ноябрь (41 человек), декабрь 1937 года (46 человек) и март 1938 года (51 человек). Учитывая отдаленность района, значительное число репрессированных не были арестованы, а находились под подпиской о невыезде.

Две трети арестованных составляли местные жители — карелы. Целыми семьями репрессированы Кундозеровы, Лангуевы, Пяттоевы, Юнгины. В д. Тучма, например, из 14 «контрреволюционеров» 10 человек Юнгиных...

Репрессии в Лоухском районе не отличались какими-то особенностями. То же бессмысленное уничтожение колхозников, рыбаков, лесорубов, рабочих слюдяных рудников. Из 11 771 жителя района уничтожены 276 человек, или 2,3 процента. Наиболее масштабные аресты прошли в Лоухи (40 человек), Керети (38 человек), Чупе (36 человек), Вичино (27 человек), в Боярской, Амбарном, Будырской... Более половины пострадавших составили карелы, почти 30 процентов — финские переселенцы.

По численности населения Медвежьегорский район находился на третьем месте в республике. В те годы это была фактически

вотчина огромного Беломоро-Балтийского комбината НКВД СССР. С 1931 года на территории района добровольно или, как сказал И. Сталин, добровольно-принудительно оставались сотни бывших заключенных. Так, в 1937 году был репрессирован бывший заключенный СЛОНа К. Туомайнен, заведующий зверофермой в Повенце, о котором М. Горький сказал много теплых слов в своем очерке «Соловки». Репрессирован Н. Жилов, заведующий роддомом в Медгоре, И. Шварцвальд, парикмахер... Всего же из 322 человек, репрессированных в районе, уроженцы Карелии составили 53 процента. Остальные — приезжие, в том числе 38 финнов, 14 украинцев, 10 поляков, 6 латышей, 4 еврея, белорус, татарин, немец, чех, венгр, норвежец. Значительная концентрация ранее судимых в районе подтверждается и тем, что здесь было репрессировано 29 человек по так называемым внекодексным статьям: СОЭ, СВЭ, ДЭ.

Массовые аресты в районе начались относительно поздно. Так, третья часть всех арестов прошла в феврале—марте 1938 года. По социальному составу примерно одинаковую долю составили работники сельского хозяйства, лесозаготовители, рабочие и служащие. Особенностью района стало значительное число арестованных работников НКВД: оперуполномоченный РОМ Г. Моисеев, начальник паспортного стола А. Харламов и 8 работников пожарной охраны п. Пиндуши. Самые массовые аресты были проведены в Медвежьегорске (94 человека), Пиндушах, Табоипороге, Челмужах, Лумбушах, Возрицах.

Как уже отмечалось, чекисты Петровского района были инициаторами и главными застрельщиками в деле разгрома «повстанческого движения в Карелии». Судя по масштабам и особенностям репрессий, агентурная разработка «Повстанцы» велась ими по своему четко и подробно. До официального начала работы Тройки НКВД КАССР в конце июня — июле 1937 года в районе уже были арестованы 106 человек. В августе — 115 человек, а всего за два первых месяца — половина всех репрессированных. В придуманных схемах повстанческих групп (есть такие и в следственных делах) нашлось место и 17-летнему колхознику В. Фенонову из Тюпелы и 69-летнему пенсионеру В. Васильеву из Гомсельги, одиночнице М. Аникиевой из Спасской Губы и домохозяйке А. Осиповой из Лупчеги.

Причем чекисты Петровского района не разбрасывались по мелким деревням. Но уж где поставили на карте «крестик», то изымали максимум контрреволюционеров. В административном центре с. Спасская Губа было арестовано 67 человек, практически все местное руководство: прокурор И. Алферов, директор райлесхоза М. Вишневский, управляющий отделением Госбанка А. Григорьев, председатель райпотребсоюза А. Житков, заведующий райбольницей И. Зайцев, редактор газеты М. Ишуков, директор Петровского ЛПХ Е. Марьин, заведующий РайЗО И. Ортуев, секретари райкомов ВКП(б) А. Сорокин и ВЛКСМ Н. Трифонов...

Арестованы и репрессированы 8 председателей сельсоветов и 16 председателей колхозов. Более 20 жителей были репрессированы в Пялозере, Мунозере, Галлезере, Гомсельге. От 20 до 10 человек — в Поросозере, Вохтозере, Готнаволоке, Тереках, Совдозере, Нелгомозере, Юстозере, Чуне, Святнаволоке, Верхней Ламбе, Утуках. О тщательной подготовке операции в районе говорит и тот факт, что из 490 репрессированных граждан лишь 80 человек получили в виде наказания лишение свободы, остальные расстреляны. Подавляющее большинство из них — местные карелы: колхозники, лесорубы, рыбаки, охотники, конюхи, сапожники... Одинаково далекие как от партии, так и от контрреволюции.

Репрессию в Пудожском районе по своим масштабам были одними из самых «незначительных»: пострадало 1,3 процента населения. Число репрессированных составило 409 человек из 46 населенных пунктов. Особенностью района являлось наличие на островах Онежского озера (о. Гольцы) крупных разработок Карелгранита, где проживали карелы, выселенные в начале тридцатых годов из пограничных районов республики. Именно здесь было репрессировано (уже вторично) наибольшее количество граждан — 77 человек. Второе место занимает районный центр Пудож (66 человек), Приозерский мехлесопункт, леспромхоз и Бочиловская мехбаза, где имелись крупные колонии финнов. Еще одной особенностью репрессий в Пудожском районе стала большая группа арестованных граждан пожилого возраста. Старше сорока лет оказались 149 человек, или 37 процентов репрессированных. Среди них Ф. Епишин (74 года), Г. Петушков, М. Пантелеев, П. Ряснян, Е. Савин (все старше 65 лет) и др.

Огромную территорию в средней части Карелии — от Финляндии до Сегежи — занимали Ребольский и Ругозерский районы. Численность населения в районах была незначительной и составляла 6659 человек, которые занимались сельским хозяйством и лесозаготовками. Потомственные карелы населяли около сотни деревень, сегодня там остался едва ли десяток...

Стараниями местных чекистов и их помощников в 51 населенном пункте районов был репрессирован 391 человек, или каждый восемнадцатый житель. В с. Ругозеро арестовано 86 человек, в Реболах — 26 человек. От 10 до 20 «контрреволюционеров» ликвидировано в Ондозере, Коргубе, Ногуксе, Большой Тикше, Кимасозере, Хижозере, Кимовааре... В Ребольском районе так же, как и в других, репрессированы практически все руководители: секретарь РК ВКП(б) Н. Сонников, секретарь РК ВЛКСМ П. Калинин, председатель РИКа В. Пейно-Гурьев, зав. отделением Госбанка Г. Гиппиев, директора промкомбинатов М. Картунен и И. Раутиайнен, начальник ДЭУ Ф. Козлов, директор кирпичного завода Ю. Окса. Многочисленные бухгалтеры и счетоводы колхозов такжеполнили этот скорбный список. Не случайно доля служащих в районе необычно велика и составила 27 процентов. Почти половина репрессированных — работники сельского хозяйства, среди которых нет ни одного не то что кулака (против которых якобы была направлена операция), но даже ни одного единоличника.

В Ругозерском районе социальный состав подвергшихся репрессиям более равномерный: по 25 процентов составили колхозники, лесозаготовители и рабочие. По национальному составу основная доля принадлежит карелам.

Сегозерский район по числу населения занимал одно из последних мест в республике (6567 человек). Однако масштабы репрессий здесь значительные: в 25 населенных пунктах репрессировано 206 человек, или 3,1 процента населения. Самое большое число арестованных в административном центре с. Паданы (62 человека), на шпалозаводе в Великой Губе (17 человек), Лосиногорской тракторной базе, в Карельской Масельге, Юккогубе, Листьегубе, где располагались крупные колхозы. Поэтому социальный состав репрессированных в районе распределяется довольно равномерно между колхозниками, рабочими, лесозаготовителями и служащими.

Как и во всех национальных районах, главный удар пришелся по карелам (67 процентов), арестовано также 53 финских переселенца и 14 русских. В последней категории граждан опять же преобладают специалисты-служащие: директор Великогубского шпалозавода И. Оськин, начальники машинно-тракторных станций Н. Милов и Ф. Севериков, старший механик Ф. Савельев, механик И. Елисеев, лесовод Ф. Утицын. Среди репрессированных в районе не было ни одного члена ВКП(б), но 15 бывших членов партии не миновали этой горькой участи. Анализ времени проведения наиболее массовых арестов еще раз подтверждает, что непограничные районы получали лимиты в основном в 1938 году.

Аналогичная ситуация отмечалась и в соседнем Тунгудском районе (административный центр с. Лехта). В самом малочисленном районе республики (5678 человек) репрессировано 3,5 процента населения. В общей сложности пострадали 200 человек, начиная с секретаря РК ВКП(б) Н. Рожкова и начальника райотделения милиции Э. Сеппонена. В значительной степени это связано с тем, что в фальсификации дел местные чекисты широко использовали факт родственных связей граждан. Так, в д. Шуезеро были репрессированы Александр, два Ивана, Илья, Константин и Николай Андроновы, а также Андрей, два Ивана, Игнатий, Максим, Савелий и Сергей Фофановы. В д. Ушково — Захар, Иван и Семен Анциферовы. В д. Березово — Афанасий, Еремей и Иван Евсеевы, а также Александр, Григорий, два Ивана, Михаил, Семен и Мария Евстратовы... Всего же репрессиям подверглись жители 26 населенных пунктов, в том числе в с. Лехта — 32 человека, Тунгуда — 31, Шуезеро — 26, Кевятозеро — 19, Березово — 17 человек...

И здесь репрессии начались относительно поздно. Если за июль—декабрь 1937 года было арестовано 38 человек, то в январе 1938-го — 23, феврале — 42, марте — 53 человека. Основной удар традиционно пришелся на коренное население — карелов, тогда как русских было репрессировано 3 человека, финских переселенцев — 41. По социальному составу 44 процента составили колхозники.

Сорокский район также испытал на себе влияние ББК НКВД СССР в плане демографической ситуации. Из 351 репрессированного

в районе около 40 процентов составили уроженцы других мест: финны, украинцы, поляки, евреи, литовцы, латыши, эстонцы, белорусы и даже по одному китайцу и корейцу. Наиболее масштабные аресты прошли в административном центре с. Сорока, где репрессировано 219 человек (лесозавод, сплавная контора, ЛПХ, порт), а также в Шижне, Сумпосаде, Кирасозере, на ст. Идель и Кочкома. В социальном составе преобладают рабочие (43 процента), лесорубы и рыбаки (по 13 процентов).

Шелтозерский район являлся одним из самых маленьких по территории и численности населения (его граница на севере проходила в районе Шокши). Соответственно и масштабы репрессий здесь были меньше: из 8839 жителей района репрессировано 89 человек. Основная часть массовых арестов в районе была проведена в августе—сентябре 1937 года и в феврале—марте 1938 года, что связано с «разоблачением» антисоветских организаций на Шокшинских разработках гранита и Онежских разработках диабазы (п. Урд). Коренным населением района были вепсы, но не они стали главным объектом репрессий. Вепсов было арестовано 16 человек, тогда как финнов — 27 человек и около 40 русских.

Наконец, последняя категория граждан, подвергшихся репрессиям в республике во время операции. По терминологии НКВД такие граждане до сего времени обозначаются аббревиатурой БОМЖ — лица без определенного места жительства. Всего в период операции репрессирован 261 человек этой категории, в том числе 18 женщин. Уголовный элемент с первых дней существования советской власти считался «социально-близким» ей, в отличие от контрреволюционеров. Это проявилось и в ходе операции 1937—1938 годов, когда почти половина лиц этой категории получила в виде наказания лишение свободы. Однако и здесь не соблюдались элементарные нормы права. Общеуголовные статьи кодекса не предусматривали столь сурового наказания за кражи. К тому же значительная часть этих лиц была репрессирована по внекодексным статьям: СВЭ, СОЭ, ДЭ.

Отличительной особенностью этой категории репрессированных являлось то, что подавляющее большинство БОМЖей — это молодежь в возрасте до 30 лет, в том числе 19 несовершеннолетних. Арестованы и репрессированы 16-летний С. Аганитов, уроженец За-

онежья, 15-летний М. Чехонин, уроженец Петрозаводска, 14-летний М. Болдин, уроженец Ленинградской области. Осужден на восемь лет лишения свободы сапожник из Пудожа сирота Боря Осолодкин, который перебивался в жизни тем, что совершал кражи копеек из карманов пьяных земляков. Подарок от власти Боря получил 1 сентября, когда его сверстники пошли в школу. Еще раньше, 25 августа, получил восемь лет лишения свободы как «социально-вредный элемент» татарчонок Женя Тифитулин, которому было всего лишь 13 лет...

Статистический анализ был бы неполон без указания еще одной показательной цифры. Из 8605 репрессированных в республике граждан лишь 1215 человек, или 14,1 процента, получили в виде наказания лишение свободы. Этот показатель резко отличается от среднего по стране (примерно 50 процентов) и практически не имеет аналогов среди других регионов СССР. Выделенный республике «лимит» на репрессию — 3700 человек (1-я кат. — 2800, 2-я кат. — 900 человек) был нарушен не только по количеству, но и по соотношению 1-й и 2-й категорий. Не 3:1, как установило Политбюро и НКВД для Карелии, а 9 расстрелянных и 1 — к лишению свободы из каждых 10 человек. Таков злодейский результат.

Наиболее агрессивно действовали чекисты Карелии против финнов и карелов, расстреляно соответственно 90,7 и 88,1 процента репрессированных. Более 90 процентов всех арестованных были расстреляны в таких районах, как Ребольский, Сегозерский, Калевальский, Прионежский, Ругозерский, Кандалакшский, Тунгудский.

Причины подобной кровожадности, на наш взгляд, кроются в особенностях тех людей, которые осуществляли и направляли репрессию в Карелии.

ГЛАВА 7. А СУДЬИ КТО?

С апреля 1936 и до января 1938 года НКВД Карельской АССР возглавлял майор госбезопасности *Тенисон Карл Яковлевич*, 1897 года рождения, латыш из бедной крестьянской семьи, который, по собственному признанию, «ходил в школу три зимы». Затем его жизнь пошла традиционным путем того поколения: рядовой 4-го латвийского стрелкового полка на первой мировой войне, тиф, ранение под Ригой. В 1918 году молодой член партии большевиков К. Тенисон поступает на службу в регистрационный отдел (военная разведка) 15-й армии и ведет нелегальную работу в Латвии. Последовательно поднимается по «лестнице» чекистской карьеры: работник особого отдела, начальник агентуры погранчасти, начальник КРО (контрразведывательный отдел), начальник оперсектора Мозырского ГПУ. За «беспоощадную борьбу с контрреволюцией» Тенисон получает в 1927 году от коллегии ОГПУ боевое оружие, в 1932 году — знак почетного чекиста и тогда же — орден Трудового Красного Знамени.

В 1934 году Карл Тенисон становится начальником Управления рабоче-крестьянской милиции Белоруссии. Здесь он близко знакомится с такими известными чекистами, как Заковский и Шапиро-Дайховский, сыгравшими в его судьбе роковую (или закономерную?) роль. Через четыре года Тенисона неожиданно переводят с понижением в Иркутск на должность зам. начальника УНКВД (по милиции) Восточно-Сибирского края, но по инициативе Заковского, ставшего к тому времени начальником УНКВД Ленинградской области, возвращают в кадры госбезопасности и рекомендуют на должность наркома внутренних дел Карелии.

В Петрозаводске Тенисон близко сходитя со своим земляком, секретарем обкома ВКП(б) Петром Ирклизом. Известно, что с работниками аппарата Ирклиз держался с видимым пренебрежением. На одном из пикников он выразился достаточно красноречиво: «Это вы будете пить водку, а мы с Тенисоном будем пить коньяк». Именно эти люди и прокурор республики Михайлович решением Политбюро ЦК ВКП(б) № П 51.199 от 10 июля 1937 года были утверждены членами республиканской Тройки по проверке антисоветского элемента по Карельской АССР. Политбюро утвердило и первоначальный «лимит намеченных к расстрелу 12 человек и высылке 74 человек» (Приложение № 14).

Ошибка вышла не только по лимиту, но и по членам Тройки. 23 июля 1937 года Петр Ирклиз был арестован УНКВД Ленинградской области как участник «контрреволюционной организации, возглавляемой секретарем Ленинградского обкома М. Чудовым». Но еще за день до ареста Ирклиз в собственноручном заявлении на имя Л. Заковского признал свою «вину» и назвал в числе заговорщиков 56 человек, в том числе по Карелии: П. Бушуева — председателя СНК, А. Муценека — наркомфина, Я. Мартинена — наркомзема, Е. Зингуса — наркомхоза и П. Маринушкина — секретаря обкома ВЛКСМ.

9 сентября 1937 года Военной коллегией Верховного суда СССР И. Ирклиз был осужден по статье 58-7-8-11 к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

Карл Тенисон председательствовал на 28 заседаниях Тройки НКВД КАССР, и его подпись стоит под «приговорами» более чем четырьмя тысячам безвинно репрессированных.

В конце января 1938 года Тенисона неожиданно вызывают в Москву и назначают начальником лесного отдела ГУЛАГа НКВД СССР. Встретив однажды в коридоре наркомата своего друга Заковского, Тенисон пожаловался, что, дескать, бросили на хозяйственную работу. В ответ услышал красноречивые слова: «Подвели нас латыши, нет доверия...» Действительно, операция по латышам являлась одной из самых крупных. В разных концах страны хватали, невзирая на ранги, бывших охранников Ленина и просто латышей по национальности.

Именно так в глухом городишке Смоленской области был арестован конторщик артели инвалидов Оскар Межсарт, который на допросе вдруг заявил, что в 1918—1919 годах он был завербован латвийской охранкой, где числился агентом и некий ...Карл Тенисон! Эти

данные легли на стол начальника 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР Николаева рядом с показаниями бывшего начальника УНКВД по Калининской области Гулинского и зам. начальника УНКВД Ленинграда Шпиро. Первый указал на Тенисона как на участника контрреволюционной организации в Белоруссии, второй — как на члена такой же организации в Карелии.

28 апреля 1938 года по указанию зам. наркома внутренних дел страны М. Фриновского Карл Тенисон был арестован и в тот же день собственноручно написал признание о работе в латвийской охранке. Затем дал показания по контрреволюционерам в Карелии. 13 июля ему предъявили обвинение по статьям 58-16-8-11, в котором было сказано, что «в 1936 году Тенисон связывается с правотроцкистской организацией в Карелии, входит в состав правотроцкистского подполья и по его заданию проводит вредительскую работу в НКВД, тормозя разоблачение активных участников организации, о которых имелись материалы в аппарате НКВД (дело Никольского и Архипова)»¹.

Карл Тенисон не дождался суда. 10 сентября 1938 года он умер в больнице Бутырской тюрьмы «при явлениях сердечной недостаточности». В 1956 году по жалобе жены Тенисона прокуратура СССР провела проверку. Обвинения в измене Родине и контрреволюционной деятельности были сняты, но прокуратура сделала совершенно противоположный вывод о его «вредительской деятельности в НКВД»: «...вместе с тем установлено, что Тенисон в период работы наркомом внутренних дел Карельской АССР нарушал социалистическую законность, производил необоснованные аресты советских граждан, в результате чего некоторые из них были осуждены к расстрелу, то есть совершил преступление, предусмотренное статьей 193-17 п.«б» УК РСФСР»².

И здесь все ложь. Не нарушал К. Тенисон «социалистическую законность», а строго выполнял указания своей партии и приказы наркома. Не «некоторые», а четыре тысячи безвинных граждан были отправлены им на расстрел и в лагеря...

12 февраля 1938 года на пост наркома внутренних дел Карелии заступил полковник *Степан Тарасович Матузенко*. В докладной записке наркому Ежову о вступлении в должность он подробно проанализировал состоящие дела и свое войско.

3-й отдел. Начальник — лейтенант госбезопасности Антонов и еще 15 человек. «Всего с начала операции за причастность к иностранным разведывательным органам, проведение диверсий и вредительство арестовано 2275 человек. По финской операции в результате реализации агентурных разработок «Оппорт», «Раскольникови», «Импорт», «Двурушники», «Соперники», «Дачники» и другие выявлена 31 группа из финнов, выходцев из-за рубежа»³.

4-й отдел. Начальник — лейтенант госбезопасности Калинин, всего 11 человек. «9 июня 1937 года по линии отдела начата оперативная ликвидация агентурной разработки «Повстанцы», в результате которой на 1 февраля 1938 года арестовано 2403 человека».

5-й отдел. Особые отделы 18-й и 54-й стрелковых дивизий. Всего выявлено 23 шпионско-повстанческих и диверсионно-вредительских группы общей численностью 217 человек.

В девятнадцати из двадцати районов республики имелись отделения НКВД, общая численность оперсостава (без милиции) составляла 100 человек. Кроме этого, в оперативном подчинении наркома были четыре пограничных отряда, отдельная погранкомендатура и комендатура 33-го морского погранотряда. В республике имелись пять тюрем со следующим лимитом и фактическим наполнением:

Петрозаводская — 310 чел. — 958 чел.

Кандалакшская — 50 — 194.

Кемская — 60 — 301.

Олонецкая — 50 — 54.

Пудожская — 30 — 70.

Итого: — 500 — 1577.

Но вернемся к личности нового наркома. Степан Тарасович Матузенко родился в 1900 году в глухом селении Украины, в семье церковного псаломщика. Окончил церковно-приходскую школу и два класса духовного училища. Однако служение Богу его явно не прельщало, и, добавив себе три года, 16-летний парень пошел добровольцем на войну, где заслужил медаль «За храбрость». Был ранен, тяжело болел, а в 1918 году оказался в Киеве, занятом войсками гетмана Скоропадского. В поисках средств к существованию Матузенко поступил писарем в хозяйств армии гетмана. После бегства белых столь же решительно поступил в 1-й киевский автоброневого батальон Красной Армии. Вновь воевал и оказался в плену у врангелевцев...

В 1920 году Степан Матузенко в Крыму, секретный осведомитель ЧК. С тех пор прошлая жизнь надолго была вычеркнута из всех анкет. Спустя пять лет Матузенко окончил Высшую пограничную школу и получил назначение в Среднюю Азию, где прослужил десять лет на различных должностях. Затем друзья перетягивают его в Ленинград, и в 1937 году полковник Матузенко принимает командование Ораниенбаумским погранотрядом.

Летом 1937 года его вызывают в Москву, где нарком Ежов сообщает Матузенко: «Мы вас назначаем на новую должность, ждите...» Ждать пришлось полгода, потом приказ: убыть в Петрозаводск на должность наркома внутренних дел Карелии.

Человек, далекий от следствия и чекистской работы, Матузенко, однако, развернул в республике бурную деятельность. После разоблачения врагов народа — Тенисона и Солоницына — требовалось делом доказать партии свою преданность. Одним из первых мероприятий нового наркома стала чистка рядов НКВД. Вот что показал на следствии сотрудник НКВД КАССР Н. Тидор: «Нарком Матузенко однажды в присутствии меня и других сотрудников наркомата сказал начальнику отдела кадров Арапову, чтобы оставить в органах на работе русских и украинцев, а об остальных решить вопрос на предмет их увольнения и ареста. После этого из оперработников были арестованы Бритсон, Роскин и другие. Часть сотрудников нерусской и неукраинской национальности были уволены...»⁴

Матузенко был председателем тройки с 34-го по 46-е заседание, по решениям которых было репрессировано более трех тысяч человек. Он же являлся и бессменным председателем Особой тройки НКВД КАССР, которой репрессировано еще 1819 жителей республики. Именно С. Матузенко в июле—сентябре 1938 года организовал операцию по массовому выселению 600 семей репрессированных финнов из Петрозаводска, Ухтинского и Ругозерского районов на безлюдные острова Онежского озера.

«В июле—сентябре 1938 года на основании приказа НКВД СССР № 00100 или 00101 о режимности Петрозаводска, в котором предусматривалось проводить мероприятия по очистке города от социально-чуждых и политически подозрительных лиц, было административно выселено около 600 семей. Кроме этого проводилось выселение из пограничных Ухтинского и Ребольского районов. Я получил неофициальное согласие от секретаря обкома Куприянова, председателя СНК

Солякова, председателя ЦИК Горбачева и прокурора республики Михайловича. Руководил операцией мой помощник Дубровин и нач. 4-го отдела Антонов, а практически проводили выселение начальник республиканской милиции Андреев силами милиции и членов ВКП(б), выделенных для этой цели горкомом ВКП(б). Списки выселяемых составлялись начальником отдела Антоновым, рассматривались и утверждались мною. Выселялись только финны, перешедшие нелегально границу и устроившиеся на жительство в СССР, и семьи репрессированных финнов»⁵.

У наркома Матузенко были самые дружеские взаимоотношения с партийным начальством республики, в том числе с секретарем обкома Г. Куприяновым. Не случайно Матузенко был выдвинут и избран депутатом Верховных Советов РСФСР и Карелии. Однако ситуация в стране резко изменилась, уже были арестованы «враги, пробравшиеся к руководству НКВД», а машинистки НКВД СССР срочно перепечатывали для нового наркома Л. Берии выписки из протоколов допросов Ежова, Фриновского, Красовского, Вольнского, Балаяна... В этих выписках речь шла и о члене «антисоветской заговорщицкой организации в системе НКВД СССР» Степане Матузенко.

28 декабря 1938 года заместитель наркома внутренних дел Карелии М. Баскаков получил лично из рук секретаря обкома ВКП(б) предписание Л. Берии об аресте полковника Матузенко и этапировании его спецконвоем в Москву. Новый год Степан Матузенко встречал уже на Лубянке. Надо отдать должное, до 25 мая 1939 года он держался и не признавал за собой никакой вины. Покаялся лишь в сокрытии своего социального происхождения, службе у гетмана и нахождении в плену. Молчал, несмотря на то, что бывший соратник по тройке (у которого руки тоже были по локоть в крови) Г. Куприянов спешил доложить Берии:

«Я решил помимо наркомата КАССР написать о ряде фактов, которые известны мне... Стремление опорочить как можно больше людей, выразить недоверие чуть ли не каждому работнику, проскальзывало во многих выступлениях Матузенко на заседаниях бюро обкома. Тенденциозно подбирались материалы на большинство руководящих работников лесной отрасли. Так, например, из 45 человек руководителей треста «Южкареллес» 38 человек или намечались к аресту или агентурно разрабатывались... Матузенко требовал ареста председателя СНК Карелии т. Солякова... Начальник Управления

связи КАССР т. Зайцев был арестован и осужден тройкой в апреле 1938 года на восемь лет, сейчас установлено, что т. Зайцев был осужден без всяких оснований, приговор отменен и т. Зайцев освобожден... У меня нет оснований утверждать, что все эти незаконные действия и антипартийные высказывания Матузенко проводил по заданию какой-то вражеской организации. Но его действия были определенно направлены на избиение кадров, и за это он должен нести ответственность»⁶.

25 мая 1939 года следователь НКВД СССР мл. лейтенант госбезопасности Голенцев устроил очную ставку между бывшим полковником Матузенко и бывшим командармом 1-го ранга Фриновским. Последний уверенно подтвердил факт членства Матузенко в антисоветской организации, и гроза «финских шпионов» не выдержал. Признался даже в шпионаже в пользу английской разведки. 28 января 1940 года Военная коллегия Верховного Суда СССР рассмотрела дело по обвинению С. Матузенко в преступлениях, предусмотренных статьей 58-16-11 УК РСФСР. Подсудимый категорически отказался от своих показаний на следствии, указав, что показания «вынудили под физическими методами воздействия». Коллегия не поверила и приговорила его к высшей мере наказания. На следующий день Матузенко был расстрелян.

В 1956 году прокуратурой было отказано в пересмотре дела, учитывая, что «Матузенко за преступную деятельность в НКВД осужден правильно».

Вторым чекистом по рангу, но первым по практическому участию в репрессиях являлся заместитель наркома, капитан госбезопасности *Солоницын Александр Ефимович*. Родился он в 1895 году в Петербурге, в семье мелкого торговца. По собственному признанию — «после окончания семи классов учился два с половиной года в реальном училище, откуда был исключен за хулиганство». Рано ушел из семьи, работал в разных местах и на разных должностях (в том числе народным учителем). С 1915 года Солоницын в царской армии, где дослужился до штабс-капитана. Однако в гражданскую войну воевал на стороне «красных» и за поход на Юденича был награжден «кожаным костюмом». С тех пор чекистский мундир словно прирос к Солоницыну.

С 1925-го по 1927 год он — начальник ГПУ в Мурманске. Здесь Солоницын совершил первую и главную ошибку: вовремя не отпрекся от позиции Зиновьева на XIV съезде партии. С понижением был направлен в Среднюю Азию, где, то падая, благодаря своему характеру, то возвышаясь — до начальника ГПУ Таджикистана! — продолжает карьеру. На последней должности развернул огромную операцию, когда сотни таджиков (от председателя СНК до простого дехканина) оказались в тюрьме. Даже ЦК ВКП(б) признал это «перегибом», и Солоницына вновь понижают. И вот он помощник начальника секретно-политического отдела УНКВД Ленинградской области. Именно отсюда Александр Ефимович попадает в Карелию — на пост заместителя Тенисона.

Солоницын являлся главным организатором работы по проведению операции в республике, лично арестовывал и допрашивал обвиняемых, «корректировал» большинство протоколов допросов.

На следствии сотрудник НКВД КАССР Ефремов показал: «Все правки, которые включал в протокол Солоницын, были направлены в сторону усиления обвинения, а иногда прямо противоречили тому, что фактически показывал обвиняемый. Если, например, обвиняемый показывал, что он о чем-нибудь слышал, то Солоницын в протоколе записывал «видел». Если обвиняемый говорил, что он кого-либо пытался завербовать в контрреволюционную организацию, то Солоницын писал в протокол, что этот человек уже завербован...»⁷

Но Солоницын не только писал. Им лично были арестованы три женщины-санинспектора по обвинению в отравлении мышьяком сгущенного молока. Одна из арестованных, Анна Попова, подписала признательные показания на ...тринадцатый день непрерывного допроса. Солоницын, возможно, и сделал бы новую карьеру в Карелии. Но на него уже копился «компрматериал» по троцкизму в Мурманске, к тому же в декабре 1937 года он совершает еще одну грубую ошибку. Мечтая получить «выход» на бывшего начальника ГПУ Карелии Шершевского (в то время уже зам. начальника УНКВД Москвы), Солоницын арестовывает своих подчиненных: П. Рыкачева — зам. начальника 3-го отдела и С. Волкова — пом. начальника 4-го отдела. Команду арестовать чекистов дал, естественно, нарком, но — по инициативе Солоницына. Вспоминая этот эпизод, секретарь наркомата М. Исакова показала на следствии, что «между Тенисоном и Рыкачевым произошел грубый разговор. Тенисон назвал Рыкачева

провокатором, при этом заявил следующее: «Я тебя убью, сволочь...» Необходимо отметить, что в это время Тенисон был сильно пьян.

Пьяный нарком дал команду своему помощнику Б. Дубровину «допрашивать Рыкачева и Волкова не прерывая допроса и бить, если понадобится, пока не признаются во вражеской деятельности».

Не признались... Покровитель Солоницына К. Тенисон вскоре был отозван в Москву, а сам Солоницын в Ленинград. Дело разрушилось, и местные чекисты дружно валят бывшего зам. наркома. 14 июня 1938 года партком НКВД КАССР исключает Солоницына из рядов ВКП(б) за троцкизм. 19 июня его арестовывают и возбуждают дело по статье 58-1а-7-11. До сентября никаких следственных действий не проводится, так как Солоницын сидит в камере ленинградского ДПЗ, а уголовное дело находится в Москве. В сентябре дело и арестованный встречаются в Петрозаводске, и уже через четыре дня Солоницын дает собственноручные показания на 70(!) страницах о троцкизме, участии в контрреволюционной организации Ирклуся и вредительстве в НКВД. Такой быстрый прогресс он объяснил очень просто на заседании Военной коллегии Верховного Суда СССР, заявив, что «за четыре дня я подвергся таким физическим насилиям, что не выдержал и удовлетворил требования следователя». Следователем по делу Солоницына был сменивший его на посту зам. наркома московский выдвиженец, лейтенант госбезопасности М. Бакаков, который после ареста Мамузенко стал наркомом.

16 июля 1940 года Военная коллегия сняла с Солоницына обвинения в контрреволюционных преступлениях, но признала виновным в фальсификации следственных материалов по статье 193-17а и назначила наказание в виде десяти лет лишения свободы. Однако уже 9 декабря 1941 года по ходатайству НКВД СССР Президиум Верховного Совета СССР досрочно освободил Солоницына от отбытия наказания со снятием судимости. Известно, что в 1957 году он обращался в прокуратуру с жалобой и требовал реабилитации, в чем ему, однако, было отказано.

А теперь о других членах тройки — руководящих работниках обкома ВКП(б) и прокуратуре.

Никольский Михаил Николаевич, 1902 года рождения, уроженец Петровского района, карел, секретарь обкома ВКП(б). По образованию считался учителем, хотя и окончил всего три класса учитель-

ской гимназии и школу третьей ступени. С 1926 года кандидат в члены РКП, с 1929 года — член партии. В 1924—1929 годах проходил службу в армии. Некоторое время служил в Карельском егерском батальоне, где воевал с «национализмом» Матсона. После службы оказался на партийной работе в Петрозаводском горкоме, затем стал секретарем Олонецкого РК. По рекомендации Ирккиса в мае 1936 года Никольский был избран вторым секретарем Карельского обкома. После ареста Ирккиса стал руководителем областной парторганизации. Являлся членом Тройки НКВД КАССР с 1-го по 10-е заседание, на которых репрессировано около тысячи человек. В день последнего заседания, 9 сентября 1937 года, в газете «Правда» была опубликована статья собкора газеты по Карелии Б. Золотова «Рупор буржуазных националистов», где М. Никольский назван не заслуживающим политического доверия. Через десять дней первичной парторганизацией он был исключен из рядов ВКП(б). В решении бюро горкома ему были предъявлены политические и иные обвинения, например: «зная о систематическом пьянстве в так называемом доме отдыха «Сайнаволок» и спаивании там врагами народа Ирккисом и Бушуевым партийно-советского актива, что создавало семейственность, круговую поруку и глушило самокритику, Никольский не только не предпринимал никаких мер борьбы с этими безобразиями, но и сам в них участвовал»⁸. Никольский безуспешно пытался оспорить выдвинутые против него обвинения в письмах секретарю Ленинградского обкома А. Петровскому и секретарю ЦК ВКП(б) А. Жданову. Он писал: «Обвинять меня в связях с националистами — просто я не понимаю. Этих сволочей я на протяжении всей своей работы бил, как мог. Беда в том, что, оказывается, еще мало бил... в период обмена документов я около 26—27 процентов всего состава Кестеньгской организации выгнал из партии за эти дела». «В период проверки партдокументов я вскрыл так называемые группы содействия финской компартии, вскрыл их контрреволюционное лицо. Я размотал сам клубок по району и выявил нити на руководящую головку в Петрозаводске — на Вильми, этого второго Ровио-Гюллинга и на Кангас — ректора комвуза»⁹. Ничего не помогло. 17 октября 1937 года Никольский был арестован, а 18 мая 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР признан виновным в измене Родине, подготовке вооруженного восстания, террористической деятельности и приговорен к высшей мере наказания. В тот же день приговор был приведен в исполнение.

Леонинок Михаил Дмитриевич родился в 1896 году в Петербурге. Окончил железнодорожное техническое училище по специальности «слесарь». С 1918 года член ВКП(б), комиссар батальона связи, инструктор Ленинградского горкома ВКП(б) и ЦК. В конце 1935 года прибыл в Карелию на должность заведующего отделом руководящих партийных органов обкома. М. Леонинок являлся членом тройки на 11—15-м заседаниях, после ареста Никольского. В апреле 1938 года был снят с должности «как не справившийся с работой и работавший с врагом народа Ирклиз». Действительная же причина заключалась в том, что в НКВД Карелии поступила информация от начальника дорожно-транспортного отдела ГУГБ НКВД на Октябрьской железной дороге капитана госбезопасности Брезголь: «...Леонинок является участником польской контрреволюционной диверсионной группы, действовавшей на Октябрьской железной дороге».

20 июня 1938 года М. Леонинок, в то время зам. председателя СНК Карелии, был арестован. Кроме диверсий, ему вменялись в вину участие в контрреволюционной группе Ирклиз-Никольского и национализм в проведении кадровой политики. Следствие приводило в доказательство тот факт, что из 1000 финнов, переведенных из Социал-демократической партии Финляндии в члены ВКП(б), к 1938 году остались «неразоблаченными» всего 200 человек.

9 марта 1939 года Спецколлегия Верховного суда КАССР приговорила М. Леонинока к десяти годам лишения свободы, однако председатель суда внес протест «за неправильностью квалификации и мягкостью избранной меры наказания по ст. 58-2-7». Приговор был отменен, а новое следствие добавило к делу всего лишь один протокол допроса обвиняемого, в котором он отрицал все ранее сказанное, «как полученное незаконными методами следствия». 16 ноября 1940 года новое судебное разбирательство завершилось вынесением подсудимому смертного приговора. Прошение М. Леонинока о помиловании было отклонено Председателем Верховного Совета Карело-Финской ССР О. Куусиненем. Повторное прошение удовлетворил Президиум Верховного Совета СССР и заменил меру наказания на десять лет лишения свободы.

На смену Никольскому с 26 сентября 1937 года на пост секретаря обкома ВКП(б) заступил *Иванов Николай Иванович*, 1896 года рождения, из крестьян Московской области. Образование — церков-

но-приходское училище и два года учебы в комвузе им. Сталина. Член партии с 1917 года, комиссар продотряда. С 1926 года на партийной работе в Таджикистане, Киргизии и в Рязани. В 1932—1937 годах работал на различных должностях в Ленинградском горкоме. Последняя должность — зам. заведующего отделом парткадров, откуда стремительно пошел на повышение. Н. Иванов был членом Тройки НКВД КАССР с 16-го по 42-е заседание, на которых репрессировано около 6 тысяч жителей республики. Секретарь обкома Н. Иванов неоднократно, вместе с Тенисоном и Матузенко, направлял в Москву телеграммы о дополнительных лимитах на расстрел. В июне 1938 года был неожиданно снят с должности и отозван в распоряжение ЦК ВКП(б). Причину этого раскрыл в своих показаниях Г. Куприянов. По его словам, «летом 1938 года в Петрозаводске побывал знаменитый полярник, депутат Верховного Совета СССР от Карелии И. Папанин, которому почему-то не понравился секретарь обкома ВКП(б) Н. Иванов». Последовала жалоба А. Жданову, и ленинградская парторганизация по давней традиции решила усилить руководство Карелии.

Выбор пал на 32-летнего секретаря Куйбышевского РК ВКП(б) г. Ленинграда *Геннадия Николаевича Куприянова*. Уроженец Костромской области, из простой крестьянской семьи, Г. Куприянов не обладал ни опытом, ни знаниями для столь высокой должности. За его плечами было три года учебы в комвузе им. Сталина и два с половиной года партийной работы, в том числе всего шесть месяцев на посту первого секретаря районного комитета партии. Нанутствуя нового выдвиженца, ленинградский вождь А. Кузнецов, в частности, сказал: «Органы НКВД республики перебили кадры и надо навести порядок». Сказано — сделано.

Г. Куприянов с 28 июня 1938 года стал членом Тройки НКВД КАССР, по постановлению которой было расстреляно более 500 человек. С 20 сентября он являлся и членом Особой тройки, репрессировавшей еще 1819 жителей республики.

В январе 1950 года Куприянов был неожиданно снят с поста первого секретаря ЦК Карело-Финской ССР, а 17 марта арестован по обвинению в измене Родине и других контрреволюционных преступлениях. Аресту способствовало несколько обстоятельств. Именно в это время чекисты «раскручивали» так называемое «ленинградское дело», и все выдвиженцы А. Кузнецова попали под подозрение. Другая

причина — в самом Г. Куприянове. Проверка ЦК ВКП(б) выявила грубейшие нарушения и недостатки в его работе. Приписки в выполнении плана лесозаготовок и сельского хозяйства, личная нескромность и распушенность: темная история с обменом денег во время реформы 1948 года, пьянство, 185 тысяч государственных рублей, утраченных на портреты нового «вождя карельского народа», бюст работы скульптора Манизера... Зажим критики, а отсюда угодничество и подхалимаж подчиненных. Третье объяснение причин ареста назвал на следствии арестованный министр госбезопасности В. Абакумов: «Куприянов был арестован по указанию Маленкова Г. М. и Шкирятова М. Ф., которые мне сказали о том, что Куприянов алкоголик, совершенно спился и на этой почве стал уже по существу ненормальным человеком. На протяжении ряда месяцев он ходил в ЦК ВКП(б), плел всякую чушь и все время просил его арестовать. Сказано было, что девать его некуда и надо посадить в тюрьму»¹⁰. На следствии Г. Куприянов указал в числе своих «троцкистских» связей 37 руководящих работников Карелии, в том числе и инспектора административного отдела ЦК ВКП(б) Ю. Андропова.

16 января 1952 года Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Г. Куприянова к двадцати пяти годам лишения свободы по статье 58-1а-7-10-11 УК РСФСР. Никаких обвинений по факту участия в массовых репрессиях 1938 года ему не предъявлялось. В 1954 году дело было пересмотрено, сняты обвинения в измене, вредительстве и участии в контрреволюционной организации. Однако за проведение антисоветской пропаганды во Владимирской и Верхнеуральской тюрьмах обвинение Куприянову было перекалвалифицировано на ст. 58-10 и срок наказания определен в десять лет тюрьмы. 18 января 1956 года Президиум Верховного Совета СССР помиловал Г. Куприянова со снятием судимости.

Ковалелис Антон Петрович, 1895 года рождения, уроженец Виленской губернии, член ВКП(б) с 1916 года. Во время гражданской войны был командиром отряда ЧК, затем работал сверловщиком на заводах Ленинграда, был на подпольной работе в Литве. В 1925 году был направлен на усиление первичной организации в Карелию, где работал волостным организатором, уездным уполномоченным в Кемь, секретарем партколлекции обкома. С 1936 года — председатель Спецколлекции Главсуда (Верховного суда) Карелии. На вопрос о своем образовании в анкете указал: «Два года курсов марксизма».

Баскаков Михаил Иванович, 1905 года рождения, сирота, воспитанник детского дома. Член ВКП(б) с 1926 года. Окончил Институт востоковедения по специальности «экономист внешней торговли». После окончания вуза был мобилизован партией на работу в ОГПУ-НКВД СССР. В 1937 году приказом наркома награжден «личным боевым оружием за успешную чекистскую оперработу». С 1938 года Баскаков — зам. наркома внутренних дел, а с 1939-го — нарком внутренних дел Карелии.

Михайлович Георгий Степанович, 1890 года рождения, прокурор Карелии. Самая «таинственная» фигура в истории репрессий. Биографических документов Михайловича в архивах Карелии нет. Отсутствует даже анкета депутата Верховного Совета КАССР 1938 года (64-й округ). Известно, что в республику он прибыл в 1933 году с должности зам. прокурора Ленинградской области. Член ВКП(б) с 1917 года, образование низшее. Характеризовался как малограмотный, беспринципный работник. Благодаря этим качествам Михайлович благополучно пережил всех наркомов и партийных представителей в тройках. Судя по протоколам партийных собраний, прокурор республики понимал законность очень своеобразно. «Нужно поставить дело так, чтобы наш работник не пропускал ни одного непартийного штриха и доводил этот штрих недоверия до конца. Вот у меня никаких данных в отношении нашего соседа наркомсобеза Матвеева нет, но чутье у меня подсказывает, что здесь что-то есть, хотя он и красный партизан... Время требует оперативности, четкости, и где проходит классовый враг, нужно дело заканчивать в три—четыре дня, и классового врага нужно покончить»¹¹. В 1939 году Михайлович был снят с должности и убыл из республики.

Какие же выводы можно сделать из этого краткого изложения биографий и судеб карельских вождей, главных исполнителей террора в республике? Несомненно, что после отстранения Э. Гюллинга, Г. Ровио, начальника ГПУ, прокурора и председателя Верховного суда КАССР, общий уровень грамотности и нравственности карельского руководства еще более понизился. Три класса за плечами у Тенисона, семь классов — у Солоницына. Пограничная школа, которую окончил Матузенко, едва ли дала ему серьезное гуманитарное образование. К тому же все они были военными людьми, для которых линия

всего поведения заключалась в простой формуле: получил приказ — выполнил — доложил об исполнении. В этой формуле просто нет места для рассуждений и нравственных оценок. Винаваты ли в этом «военная косточка», многолетняя практика вооруженной борьбы и насилия, страх или пьянство? Кто знает... Однако вечно существующий шанс совести не был ими востребован.

Партийное руководство также не блистало образованностью. Стремительное и во многом незаслуженное вознесение к власти в тоталитарном государстве, безусловно, требовало от них полной и беспрекословной поддержки всех инициатив главного «вождя». Вся их идеология заключалась в том, чтобы не просто выполнить, а обязательно перевыполнить, доказав таким образом свою преданность.

Другим важным обстоятельством являлось то, что все наши «герои» (кроме Никольского) были чужаками на этой земле, даже родственные узы не связывали их с народом Карелии. А в чужом глазу, как известно, и соринка кажется бревном.

Возможно, кто-то из них и терзался муками совести, тем более оказавшись сам на этом «скором суде». Но тысячу раз был прав великий человек и гражданин Ф. Достоевский, когда писал: «Кровь и власть пьянят: развиваются загубелость, разврат, уму и чувству становятся доступны, наконец, сладки самые ненормальные явления. Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, и возврат к человеческому достоинству, раскаянию и возрождению становится для него уже почти невозможен...»

Рассказ о репрессиях в Карелии подошел к самой трагической и во многом еще не проясненной странице — исполнению приговоров. Известно, что в НКВД проводилось специальное совещание по назначению исполнителей.

Из показаний Солоницына: «Когда встал вопрос о приведении приговоров — называлась и фамилия Ефимова, но Тенисон решительно его отвел, заявив, что Ефимов болен, устал и т. д.». На самом же деле начальник 8-го отделения УГБ НКВД КАССР Р. Е. Ефимов был родственником ленинградского приятеля наркома.

В приложениях № 15—17 приведена хроника всех массовых (более трех человек) расстрелов в республике, с указанием 47 исполнителей: работников НКВД КАССР и Белбалтлага НКВД СССР. Хроника

составлена на основании «актов о приведении приговоров в исполнение», подписанных указанными лицами. Кроме них, в расстрелах участвовали военнослужащие погранотрядов, комендатур и, очевидно, десятки красноармейцев. На это указывает следующий факт. Согласно актам 20—21 января 1938 года зам. начальника 3-го отдела ББК Шондыш и начальник 1-го отделения Бондаренко расстреляли... 685 человек, что физически просто невозможно. В Центральном архиве ФСБ РФ хранятся документы, свидетельствующие, что в Ухтпечлаге, например, в аналогичной ситуации проводилась специальная войсковая операция с применением станковых пулеметов.

Расстрелы производились в обстановке строжайшей секретности, и в абсолютном большинстве актов нет указаний на точное место расстрела и захоронения. Основные адреса расстрелов в Карелии: Петрозаводск, Олонец, Кемь, Медгора, Пудож, Беломорск, Кондопога, Кандалакша, Сегежа, поселки Ругозеро, Сосновец, Реболы, Водораздел, Уросозеро. Неоднократно были случаи, когда арестованных из петрозаводской и кемской тюрем этапировали для исполнения приговоров в Медгору. При этом начальникам тюрем давалось распоряжение «арестованных направить под видом отправки в лагерь». Это еще раз подтверждает, что осужденные не вызывались на заседания тройки и даже не знали о назначенном им наказании.

В Петрозаводске основная масса расстрелов произведена комендантом НКВД Травиным, начальником отдела пожарной охраны Пушкиным и оперуполномоченным особого отдела 18-й стрелковой дивизии Воронковым. В Медвежьегорске — упомянутыми Шондышем и Бондаренко. В Пудоже, Олонце, Ругозере, Кемь под актами о расстрелах стоят подписи начальников райотделений НКВД. Необходимо развеять миф о том, что исполнители обязаны были выполнить приказ вышестоящего начальника. Ни одного письменного приказа о расстрелах не существует. Вместо него к каждому протоколу тройки составлялся формальный документ: «Коменданту НКВД... Направляю выпускки из протокола №... от ... заседания Тройки НКВД КАССР на осужденных к высшей мере наказания следующих лиц... Предлагаю (иногда — прошу) приговор привести в исполнение, акт и выпускки возвратить мне. Нарком...»

А вот дословный документ: «Начальнику Калевальского погранотряда Бунькову. Направляю выпускку из протокола на Туликайнен Пелагею, 57 лет, жительницу д. Ювалакша. Туликайнен находится под

подпиской о невыезде. Согласно протоколу № 44 от 22.03.38 г. решением Народного комиссара внутренних дел СССР и Прокурора Союза ССР осуждена к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор привести в исполнение, соблюдая абсолютную тайну о времени и месте приведения приговора в исполнение. 2 апреля 1938 года. Нарком Матузенко¹².

27 апреля, более чем через месяц после «осуждения», неграмотная крестьянка, уже давно забывшая, что когда-то кто-то о чем-то ее спрашивал и предложил расписаться в бумажке, была расстреляна пятью военнослужащими-пограничниками.

Исполнение приговоров следовало с жесточайшей неумолимостью. Студент рабфака Иורי Коркала, 25 лет, был включен в альбом и 21 января 1938 года приговорен к расстрелу Ежовым и Вышинским. К этому времени Коркала был этапирован в ленинградскую тюрьму по другому делу и осужден Тройкой УНКВД Ленинграда на десять лет. Более того, он был уже направлен для отбытия наказания в Каргопольлаг. Однако в августе разыскан там по запросам НКВД Карелии и расстрелян.

Обыденность убийства извращала сознание чекистов до невероятности. Вот о каком факте рассказал на следствии Солонцын: «Решением тройки по Пудожскому району один обвиняемый был приговорен к срочному заключению, а начальник 8-го отделения Р. Ефимов послал выписку из протокола на расстрел этого обвиняемого. После того как приговор был приведен в исполнение и начальник райотделения об этом заявил, Ефимов доложил об этом Тенисону. Ефимов к ответственности привлечен не был».

В начале 1938 года газета «Красная Карелия» продолжала нагнетать истерию. «Ликвидировать вредительство в школах» (А. Аристов), «Быстрее ликвидировать последствия вредительства в финансовых органах» (С. Ракчеев) — эти и другие материалы напоминали читателям, что борьба далека от завершения. 3 марта весь номер газеты занимает публикация обвинительного заключения по делу правотроцкистского блока Бухарина-Рыкова, а затем в течение двух недель подробно дается стенограмма суда. Сотни жителей Карелии направили в редакцию свои отзывы на процесс, которые публиковались под зловещей рубрикой «Уничтожим всю без остатка фашистскую банду»...

Ближе к лету главной темой газет стало выдвижение кандидатов в депутаты всех уровней. Нарком внутренних дел С. Матузенко стал депутатом Верховных Советов РСФСР и КАССР. Депутатами Верховного Совета Карелии стали и другие активные проводники террора: прокурор Г. Михайлович, начальник ББК НКВД СССР М. Тимофеев, командир 3-го (петрозаводского) погранотряда И. Петров, зам. наркома Б. Дубровин, начальник 3-го отдела НКВД А. Антонов, начальник УРКМ Н. Андреев. Характеризуя кандидатов, газета ставила им в заслугу активную борьбу с контрреволюцией.

---

¹ ЦА ФСБ РФ. Сл. дело К. Тенисона. С. 325.

² Там же. С. 340.

³ Архив МВД РК, ф. 40, д. 20/10. С. 16.

⁴ Архив МВД РК, д. СО-3500, т. 2. С. 82.

⁵ ЦА ФСБ РФ. Сл. дело С. Матузенко. С. 159—160.

⁶ Там же. С. 83—86.

⁷ ЦА ФСБ РФ. Сл. дело А. Солоницына. С. 548.

⁸ ГАОПДФ, ф. 3, оп. 6, д. 7682. С. 2.

⁹ Там же. С. 30.

¹⁰ ЦА ФСБ РФ. Сл. дело Г. Куприянова. С. 286.

¹¹ ГАОПДФ, ф. 349, оп. 1, д. 25. С. 63.

¹² Архив ФСБ РК. Протокол № 44.

ГЛАВА 8.

НА ОДНОМ ИЗ ОСТРОВОВ АРХИПЕЛАГА

Особого разговора заслуживает история репрессий против заключенных Белбалтлагеря НКВД СССР. Формально здесь находились лишь единицы уроженцев Карелии. Но назначение этого огромного лагеря-комбината в индустриализации или, как тогда говорили, — колонизации нашей республики трудно переоценить. Руками, потом и кровью его невольников был построен Беломоро-Балтийский канал в 1931—1933 годах. В последующие годы сто тысяч заключенных лагеря и спецпоселенцев заготавливали лес (до половины всего объема лесозаготовок в республике), основали десятки поселков по трассе канала и железной дороге Ленинград—Мурманск. Их руками строились Беломорский порт и Повенецкая судовой верфь, Тулома-ГЭС и Сегежский ЦБК, военный судостроительный завод и поселок «Северная точка» в Петрозаводске, аэродром в Подужемье, железные дороги Петрозаводск—Суоярви и Сорока—Обозерская, сотни километров автодорог по всей средней Карелии. Большая группа заключенных лагеря — крупные экономисты, ученые, хозяйственники — постоянно работала на контрагентских условиях для Совнаркома Карелии, в том числе разрабатывая пятилетние планы. Геологам ББК проведены уникальные разведки месторождений полезных ископаемых в Карелии. Звероводами Повенца заложены основы этой отрасли в республике. После «зимней войны» заключенными Белбалткомбината НКВД СССР восстанавливалась промышленность в Энсо, Кексгольме, Йоханесе, Питкяранте, Лепенкоски, Ляскеля...

Но вернемся в 1937 год. Репрессии охватили не только большую «зону» страны, но и все многочисленные островки ГУЛАГа. Тем более что работать здесь чекистам было намного проще: весь контингент находится под рукой и куда ни ткни — везде враг. 5 августа 1937 года нарком внутренних дел Ежов подписал оперативный приказ № 409 (Приложение № 18):

«Ленинград УНКВД Заковскому. Петрозаводск НКВД Тенисону. Медвежья Гора Белбалтлаг НКВД Чунтонову, Астрову.

Соответствию моим приказом 00447 (разослан начальникам НКВД) приказываю:

1. С 10 августа с.г. начать и в двухмесячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных антисоветских элементов из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, сектантских активистов, церковников и прочих контрреволюционеров, ведущих в лагерях активную антисоветскую подрывную работу. Репрессии подлежат также и уголовные элементы, содержащиеся в лагерях и ведущие там преступную деятельность.

2. Все перечисленные выше контингенты, после рассмотрения их дел на тройках, подлежат расстрелу.

3. Вам утверждается лимит подлежащих репрессированию по Белбалтлагу 800 (восемьсот) человек...»

Надо ли говорить, что лимит был выполнен и перевыполнен. Порядок оформления дел репрессируемых лагерников был исключительно прост. Начальник 3-го (оперативно-чекистского) отдела лагеря составлял на каждого подлежащего расстрелу справку с указанием установочных данных, прошлой судимости, «преступной деятельности репрессируемого в лагере, в том числе и побегу, если они имели место». Вот и все... Никаких опросов — допросов, очных ставок или вещественных доказательств. Никакого бумажотворчества. Многие из заключенных и трудпоселенцев даже не арестовывались, а прямо из лагерного барака шли на расстрел.

Первое заседание Тройки НКВД КАССР по рассмотрению дел заключенных ББАГА состоялось 17 августа 1937 года. Начальник спецотделения 3-го отдела ББК НКВД П. Долинский доложил материалы на 110 человек. Целый ряд из этих дел должен был вызвать возражения или хотя бы вопросы у членов Тройки. Например, вся преступная деятельность в лагере трудпоселенца монаха Егора Ремина заключалась в том, что он «рисовал религиозные церковные картин-

ки и распространял их в лагере». Из материалов дела староверки «Бесфамильная № 9» следовало, что она «на задаваемые вопросы отвечала «Бог знает», потому установить, кем, когда, за что и на какой срок осуждена, а также время прибытия в лагерь не представлялось возможным. Обвиняется в том, что в лагере со дня прибытия не работает, заявляя, что на власть антихриста работать не будет. Среди ээка проводила «контрреволюционную пропаганду, ждет свержения советской власти. Лагадминистрацией охарактеризована отрицательно».

Решение по всем делам было одно и единогласное — расстрелять. Постановили расстрелять и трудпоселенца Якова Завряжко, который умер собственной смертью от голода, непосильной работы и месяца как покоился в земле. Но раз приказано «расстрелять», то старательные палачи раскопали могилу и «зав. лазаретом Облакевич опознал его»...

22 августа 1937 года на острове Горелый на Выгозере начальник 3-й части местного отделения ББК НКВД А. Загоскин лично расстрелял 12 первых мучеников Белбалтлагеря. И началось... 26 августа осуждены к расстрелу 152 человека, 2 сентября — 143, 9 сентября — 160, 19 сентября — 270 человек...

К концу операции (по приказу — 10 октября 1937 года) уже было расстреляно около тысячи заключенных. На последней — 46-й Тройке НКВД КАССР 10 ноября 1938 года начальник 1-го отделения 3-го отдела Сороклага А. Шедловский и начальник 5-го отделения 3-го отдела ББК В. Зайцев докладывали материалы на 456 смертников. Операция формально уже закончилась, но «с 21 часа 26.11.38 г. до 6 часов 27.11.38 г.» еще 189 человек были расстреляны в Медвежьегорске...

Свято следуя приказу своего наркома, в первую очередь палачи ББЛАГа постарались «убрать» не уголовников, а оппозицию: духовную, политическую, военную, административную, а заодно с ними и их родственников. Приведем лишь небольшой список уничтоженных в ББЛАГе известнейших людей. Епископы: Афанасьев Яков Иванович, Боровков Григорий Антонович, Зарубин Сергей Григорьевич, Лузин Варсонофий Владимирович, Спальвини-Кречетов Валентин Александрович. Архимандриты: Оболенский Михаил Иванович, Соцердотский Варлаам Михайлович. Профессора: Анисимов Александр Иванович, Фоккин Леонид Филосович. Личный библиотекарь Николая II — Гельмерсен Василий Васильевич. Бароны: Будберг Борис Андреевич, Клодт

Александр Георгиевич, Медем Сергей Николаевич. Князь Вачнадзе Георгий Абрамович. Начальник штаба ПВО Ленинградского округа Прутвиц Александр Николаевич. Комендант Читы Андерсон Николай Хрисантович. Известные деятели партии эсеров Старостин Петр Иванович и Сеницын Иосиф Львович. Председатель Бурят-Монгольской Думы Сампилон Дашу Сампилович. Заместитель наркомзема Белоруссии Адамович Александр Фомич. Сын министра финансов Кореи Ли-То-Кван. Невестка генерала Брусилова — Брусилова Варвара Ивановна...

Напрасно сетовал, находясь под следствием, Солоницын: «Если учесть, что у оперотдела ББК в 1937 году кроме одной разработки по Сорокскому порту ничего другого в агентурном и следственном портфеле не было, то можно утверждать, что на январь 1938 года необходимой работы в лагерях не было, ни одна колония (немецкая, польская и др.), надо полагать, в то время оперудару не подвергалась»¹.

Оперудару подверглись в общей сложности около трех тысяч заключенных Белбалтлагеря НКВД, в том числе сотни немцев, поляков... Примером того, как лихо действовали чекисты лагеря, может служить целый ряд дел на заключенных и трудпоселенцев. Например, в 3-м лагпункте 2-го Онежского участка ББК выявлена «контрреволюционная фашистская организация» из шестнадцати человек. Ее руководителем был определен дворянин, артист драмы Никита Апполонский, который, конечно же, имел соответствующий круг знакомых: барон С. Медем, сын барона Н. Липке, сын генерала А. Берс, сын действительного статского советника А. Кельцов. В этой же группе оказался выдающийся ученый-химик, профессор Ленинградского технологического института Леонид Фокин. В отличие от своих родовитых «подельников», Фокин еще в студенческие годы четыре раза арестовывался за участие в революционном движении, а в 1905 году прямо с баррикады был отправлен в ссылку. Встречался и лично был знаком с В. Лениным, который отправлял эксперта Л. Фокина на Генуэзскую конференцию. Впервые Фокин был арестован родной советской властью по делу «Промпартии» и отбывал наказание в Березняках. Был освобожден по окончании срока, затем вновь арестован как «совершивший побег» и направлен на ББК, где и расстрелян.

В начале 1938 года по делу «фашистской контрреволюционной организации на трудпоселке Тунгуда-2» было репрессировано 27 человек, в основном немцев. Все они в 1935 году были высланы из Киевской области вместе с семьями на вечное поселение на ББК. Так, Эдуард Руске, крестьянин-середняк, приехал в Тунгуду с женой и пятью детьми. Весной 1938 года повальные аресты прошли «на трудпоселке Летняя Речка-2», где проживали в основном поляки. По очередному групповому делу репрессированы 30 человек. Из них только пятеро получили по десять лет концлагеря, который мало чем отличался от трудпоселка. Остальные расстреляны.

В доносе секретаря Карельского обкома ВКП(б) Куприянова на арестованного Мамузенко было сказано кое-что и о чекистах ББК. «Мамузенко всячески потворствовал безобразной работе 3-го отдела ББК. Он скрыл от ареста следователя ББК Резникова, представившего на тройку 150 искусственно созданных «липовых» дел. Когда тройка отклонила эти дела, я потребовал, чтобы Мамузенко поставил в наркомате Союза вопрос о немедленном аресте Резникова и привлечении его к ответственности. Мамузенко согласился, но вместо этого он, очевидно, дал в наркомат хорошую характеристику Резникову и его перевели в Лугу на больший объем...»²

По указанному факту в ноябре 1938 года была проведена тщательная проверка, материалы которой составили целый том³. По словам начальника 1-го отделения 3-го отдела ББК НКВД Резникова, «операция была начата 1 июля и закончена 11 августа 1938 года. Было арестовано 215 человек, из которых 132 человека сознались в контрреволюционной деятельности. На трудпоселенцев было оформлено 110 следственных дел, из которых приняты тройкой и вынесены приговоры в отношении 24 человек. Остальные дела были «возвращены на техническую доработку». Отчего получился брак? «В 24 часа нами были закончены 120 дел. Альбом в Москву подписывали нарком КАССР за час до отхода поезда на юг, а прокурор КАССР Михайлович подписывал справки альбома в помещении Транспортного отделения, вблизи вокзала, за минуты до отхода поезда».

Против работников 3-го отдела ББК НКВД за фальсификацию следствия, издевательства над заключенными и хищение вещей репрессированных действительно было возбуждено уголовное дело, но это не являлось результатом принципиальности Куприянова. 17 марта 1938 года были арестованы зам. начальника 3-го отдела

ББК А. Ф. Шондыш и начальник 5-го отделения этого отдела И. А. Бондаренко. Впоследствии были арестованы и осуждены: начальник 3-го отделения П. П. Долинский, помощник начальника 1-го отделения М. Н. Плец, начальник следственного изолятора 3-го отдела М. А. Андриенко, оперуполномоченный Ф. И. Волков, делопроизводитель Г. И. Родионов и командир опердивизиона ВОХР ББК Н. И. Мионов.

Суть обвинительного заключения по данному делу сводится к следующему. 24 и 25 декабря 1937 года с санкции Шондыша в Медвежьегорске была проведена облава на расконвоированных заключенных, возвращавшихся с работы. Около 100 человек были задержаны и оформлены актами как совершившие побег из-под стражи. По указанию Бондаренко на 25 человек были сфабрикованы дела на тройку. Шондыш утвердил обвинения по 15 делам, и эти заключенные были расстреляны. В вину Шондышу вменялось также то, что он, зная о шестимесячной беременности осужденной к высшей мере наказания заключенной Р. Р. Орловской, вместе с Плец вывез ее в лес и расстрелял. В дальнейшем следствие выявило и еще более дикие вещи.

«На операции по приведению приговоров в исполнение в качестве холодного оружия применялись две деревянные палки-«колотушки» и две железные остроконечные трости. Этими предметами без малейшей надобности в следственном изоляторе и в автомашине по пути следования Бондаренко, Шондыш, Мионов и поощряемые ими Кармышев и Родионов избивали заключенных. На месте приведения приговора в исполнение осужденные Никельбург, Туомайнен, Жедунов и другие высаживались на снег раздетые до нижнего белья и избивались деревянными палками и заводными ключами от грузовых машин... Мионов... следуя с осужденными на автомашине, одного из них проколол насквозь железной тростью, а другого, выполняя также преступное распоряжение Плец, удушил полотенцем...»⁴

24—30 мая 1939 года Военный трибунал войск НКВД приговорил Шондыш и Бондаренко по статье 193-17 п.«б» к высшей мере наказания. Приговор приведен в исполнение в петрозаводской тюрьме 20 октября 1939 года...

¹ ЦА ФСБ РФ. Сл. дело А. Солоницына. С. 302.

² ЦА ФСБ РФ. Сл. дело С. Матузенко. С. 85.

³ Архив МВД РК, ф. 40, д. 17.9. С. 1—50.

⁴ Архив МВД РК, д. СО-1193. С. 14—16.

ГЛАВА 9.

ДОЛГАЯ ДОРОГА ПРАВДЫ

15 ноября 1938 года все внесудебные органы (кроме Особого совещания НКВД) прекратили свою работу. Очередная «кампания» по уничтожению людей была прекращена по решению ее инициатора — ЦК ВКП(б). На следующий день Политбюро официально рассмотрело вопрос «О проекте директивы СНК и ЦК ВКП(б) “о прекращении рассмотрения дел на тройках и в ином упрощенном порядке”», а решением № П 65/117 от 17 ноября официально утвердило постановление ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия».

До настоящего времени исследователи истории репрессий не дали однозначного, аргументированного ответа о причинах внезапного прекращения бойни, когда тысячи людей еще находились под арестом, а система их уничтожения была доведена до полного автоматизма. Утвердился ли И. Сталин в том, что с главными противниками его власти и просто колеблющимися окончательно покончено, а народ, его вассалы, прочно и надолго поставлен на колени? Испугался ли дальше испытывать терпение людей, или объективная ситуация полнейшего истребления руководящего состава партийной, советской, военной власти (его АППАРАТ) вынудили тирана остановить террор? Ясно одно — в стране и обществе была полностью подавлена малейшая оппозиция режиму и лично Сталину. Новая номенклатура была прочно повязана соучастием в преступлениях и страхом разоблачения.

Характерное признание сделал однажды Н. Хрущев. «На одном из собраний, когда Хрущев говорил о преступлениях Сталина, кто-то из присутствующих крикнул: «А где вы были?» Хрущев немедленно

обратился к залу с резким вопросом: «Кто это спрашивает?» Никто, однако, не поднялся. «Вот и мы также молчали», — сказал Хрушев¹.

Молчали вожди, молчали граждане. Народу вновь была предложена версия о «врагах, пробравшихся в НКВД», которых разоблачил все тот же мудрый гений Вождя. Так уже было в истории, когда статьей «Головокружение от успехов» И. Сталин полностью откrestился от уничтожения крестьянства.

Остановив массовый террор, ЦК ВКП(б), однако, и не собирався восстанавливать справедливость, говорить правду. В 1939 году главный проводник террора А. Вышинский получил за свое рвение орден Ленина, звание академика и пост зам. председателя СНК СССР. О нежелании говорить правду свидетельствуют и высказывания самого Сталина. В самом конце операции, 25 августа 1938 года, на заседании Президиума Верховного Совета СССР обсуждался вопрос о досрочном освобождении заключенных за хорошую работу. Из уст Сталина прозвучало: «Нельзя ли сделать так, чтобы люди остались в лагере? А то мы их освободим, вернуться они к себе и пойдут по старой дорожке. В лагере же атмосфера другая, там трудно испортиться. Ведь есть же у нас добровольно-принудительный заем. Давайте сделаем добровольно-принудительное оставление»². А на XVIII съезде ВКП(б) Сталин докладывал: «Как может поколебать и разложить советский строй очищение советских организаций от вредных и враждебных элементов? Не вернее ли будет сказать, что очищение советских организаций от шпионов, убийц, вредителей должно было привести и действительно привело к дальнейшему укреплению этих организаций... Задачи партии в области внутренней политики: ...Не забывать о капиталистическом окружении, помнить, что иностранная разведка будет засылать в нашу страну шпионов, убийц, вредителей, помнить об этом и укреплять нашу социалистическую разведку, систематически помогая ей громить и корчевать врагов народа...»³

На местном уровне вождю подпевали соратники. В феврале 1939 года на XV партконференции новый нарком внутренних дел Карелии М. Баскаков, отметив результаты двух лет борьбы с контрреволюцией, сказал: «Значит ли это, что на сегодняшний день все вскрыто большевиками Карелии? Никуим образом. Есть еще националисты, которые ушли в глубокое подполье, которые несомненно ведут

активную борьбу против нас. Наша задача заключается в том, чтобы поднять революционную бдительность большевиков, суметь распознать новую тактику врага»⁴.

Новый прокурор страны и нарком внутренних дел СССР издали несколько директив и совершенно секретных приказов о порядке рассмотрения заявлений осужденных тройками (директива 2709, пр. № 00116, 00497, 001214). По отчету НКВД Карелии за 1939—1940 годы в республике было пересмотрено 407 дел репрессированных. Из них по 217 заявлениям было отказано в пересмотре решений тройки, 133 человека были освобождены из мест лишения свободы, 57 человек получили сокращение сроков наказания⁵. Ничего общего с реабилитацией эта работа не имела, так как лишь единицы постановлений имели четкую юридическую формулировку: «освободить с прекращением дела в порядке ст. 4 пункт 5 УПК» — за отсутствием состава преступления. Остальные — «освободить с прекращением дела в порядке ст. 204 п. «б»», то есть за недостаточностью улик, либо просто: «освободить с прекращением дела». Не было отменено ни одного решения о расстреле. Удовлетворено всего четыре имущественных иска на сумму 20 881 рубль.

Да и могло ли быть иначе, если приказ НКВД КАСР № 9 от 1 декабря 1938 года «О практическом осуществлении постановления СНК и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года и приказа НКВД СССР от 26 ноября 1938 года № 00762 в следственной работе НКВД Карелии» гласил: «...для тщательного доследования и оформления всех следственных дел, проведенных в упрощенном порядке, находящихся сейчас в производстве, создать три следственные группы из оперработников...» А дальше следовали фамилии тех самых оперработников, которые еще месяц назад фальсифицировали эти дела.

Справедливости ради следует отметить, что в конце 1938 года в республике проводилась конъюнктурная борьба с нарушителями законности. 21 ноября Г. Куприянов направил письмо Генеральному прокурору СССР, в котором критиковал Г. Михайловича: «...безвольный, слабохарактерный человек, который не может решительно дать по рукам тем, кто нарушает революционную законность... В ноябре 1937 года тройкой, в состав которой входили б. нарком Тенисон, разоблаченный сейчас как враг народа, б. секретарь обкома Иванов и т. Михайлович, был приговорен к десяти годам заключения некто Титов. Бывший работник НКВД Ефимов вместо отправки Титова

в лагеря дал предписание о расстреле. Приговор привели в исполнение, т. е. человека расстреляли, а потом хватились: Тенисон вызвал Михайловича и Иванова, вырвали лист из протокола и задним числом после приведения приговора в исполнение вынесли приговор о расстреле. Даю этот факт на основе показаний арестованного сейчас Ефимова... прошу Вас прислать нам в Карелию крепкого политически проверенного и юридически грамотного человека на должность прокурора республики»⁶.

19 декабря Куприянов направляет зав. ОРПО ЦК ВКП(б) Маленкову очередную докладную записку о выполнении директивы ЦК от 14 декабря 1938 года по проверке руководящих кадров НКВД. Он сообщает, что «с февраля по ноябрь 1938 года из оперативных отделов НКВД КАССР и райотделений уволено 35 человек, из них 10 человек арестованы как враги народа»⁷. В докладной еще нет острой критики наркома Мамузенко. Но спустя четыре дня в другой докладной Куприянов подробно перечисляет «грехи» Мамузенко (происхождение, плен, служба у гетмана) и заключает: «Независимо от того, что даст дополнительная проверка, т. Мамузенко с поста наркома надо снять».

Начиная с января 1939 года на заседаниях бюро обкома были рассмотрены и утверждены кандидатуры всех руководящих работников НКВД республики. Чего же стоила «проверка кадров», если на повышение пошли уже упомянутые не раз в связи с фальсификацией и участием в расстрелах: И. Терехов, П. Фесько, Н. Ермолаев, П. Рыкачев, А. Загоскин, А. Сибикин, Г. Гольдберг, П. Ермушин и др. 12 февраля 1939 года обкомом ВКП(б) были утверждены кандидатуры представляемых к государственным наградам передовиков сельского хозяйства⁸. Среди них знакомые фамилии: П. Смирнов — нач. райотделения НКВД (к ордену Ленина), А. Дубинин — б. начальник РО НКВД (к ордену Красного Знамени), Г. Солоимский — начальник отдела НКВД (к ордену «Знак Почета») (см. хронику расстрелов).

За эти же два года в приемную республиканского НКВД поступило около двух тысяч запросов и заявлений о судьбе арестованных родственников. На все эти заявления был дан стандартный, лживый ответ: «Осужден на десять лет лишения свободы без права переписки и передач»...

Воина затмила ужасы массовых репрессий. Но вот наступил 1947 год, когда «осужденные на десять лет» вроде бы должны были вер-

нуться домой. Не вернулись... Не вернулись и в 1953 году, когда по Указу Президиума Верховного Совета СССР «Об амнистии» на волю хлынули тысячи уголовников. Но крупнейшие события того года — смерть Сталина, арест, суд и расстрел Берии уже повернули колесо истории. В Президиуме ЦК ВКП(б) была создана специальная комиссия по разбору произвола в отношении партийных кадров. Президиум Верховного Совета СССР 1 сентября 1953 года издал Указ (без права публикации) «Об упразднении Особого совещания НКВД». Это был прорыв, хотя Указ и обставлял дело реабилитации сложными юридическими рогатками. Так, пункт второй Указа гласил, что «жалобы и заявления осужденных Коллегией ОГПУ, тройками НКВД-УНКВД и Особым совещанием об отмене решений, сокращении срока наказания, досрочном освобождении и снятии судимости рассматриваются в Прокуратуре СССР с предварительным заключением по этим делам МВД СССР». Пересмотр этих дел был возложен на Верховный Суд СССР.

Принципиально важно, что пересмотр производился лишь по заявлениям осужденных, которых к тому времени осталось в живых не так уж много. Спустя год «во исполнение решения директивных органов о пересмотре дел на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся в ссылке на поселения» Генеральным прокурором, министрами юстиции и внутренних дел, председателем КГБ при СМ СССР был издан совместный совершенно секретный приказ № 99с/0016/00397/00252, предписывавший пересмотреть все дела на этих лиц. В Центре и на местах создавались специальные комиссии, которые получали право выносить следующие окончательные решения:

- об отмене решения по делу и полной реабилитации;
- о сокращении срока наказания;
- о применении Указа «Об амнистии»;
- о переквалификации состава преступления;
- об отмене ссылки;
- об отказе в пересмотре решения.

В Карелии такая комиссия работала в составе прокурора республики Н. Жукова, министра юстиции М. Горбачева, министра МВД Ф. Петрова и председателя КГБ Н. Гусева. С 22 июня 1954 года по 1 октября 1955 года состоялось 27 заседаний, на которых рассмот-

рено 901 дело на 1221 человека. Результаты рассмотрения таковы: отказано в пересмотре — 650 человек, сокращены сроки наказания — 311 человек, применен Указ «Об амнистии» — 129 человек, реабилитировано — 122 человека, переквалификация — 7 человек, отмена ссылки — 2 человека.

Одними из первых в стране были реабилитированы осужденные к расстрелу по так называемому «ленинградскому делу» 1950 года и осужденные по делу «еврейского антифашистского комитета» — 1954 и 1955 годы. В докладе Н. Хрущева на XX съезде КПСС было сказано, что с 1954 года по настоящее время Военной коллегией Верховного Суда СССР уже реабилитировано 7679 человек... Капля в море людских слез и крови.

Однако прорыв молчания все же произошел на XX съезде КПСС, в 1956 году, когда на закрытом заседании Н. С. Хрущев сделал доклад «О культе личности и его последствиях». Естественно, что Хрущев, лично участвовавший в репрессиях (на Украине и в Москве), в окружении таких же «соратников» (Молотов, Каганович, Маленков...) не мог сказать всей правды. Не мог сказать он и о роли Политбюро ЦК ВКП(б). Поэтому он говорил, в основном, о репрессиях против руководящих партийных работников, ответственность за которые возложил на И. Сталина и все тех же «врагов, пробравшихся в НКВД». «...Террор оказался фактически направленным не против остатков разбитых эксплуататорских классов, а против честных кадров партии и Советского государства... Провокаторы, пробравшиеся в органы государственной безопасности, а также бессовестные карьеристы стали прикрывать именем партии массовый террор против кадров партии и Советского государства, против рядовых советских граждан».

Но главное слово было сказано, была дана партийная команда о реабилитации. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 19 сентября 1955 года и 17 сентября 1957 года право пересмотра дел репрессированных предоставлялось военным трибуналам, президиумам Верховных судов республик и областей. С этого момента реабилитация стала массовой и проводилась довольно активно. В Карельской АССР, наряду с Верховным судом, пересмотром дел и реабилитацией занимался Военный трибунал Северного военного округа, а после ликвидации последнего — трибунал Ленинградского военного округа. По данным ФСБ РК, в 1954—1964 годах было реабии-

литировано 11 тысяч человек (репрессированных не только в 1937—1938 годах, но и ранее). Однако и эта большая работа сопровождалась такой же большой ложью. При выдаче справок о реабилитации расстрелянных и ответах на запросы их родственников отвечали, что осужденные умерли в лагере, а ЗАГСы выдавали свидетельства о смерти, где и дата, и место, и причина смерти произвольно определялись сотрудниками госбезопасности и к реальности никакого отношения не имели.

Так, в 1958 году родственникам делопроизводителя пожарной охраны г.Петрозаводска Ивана Павловича Сорокина было сообщено, что он «умер в ИТЛ 12.11.44 года от туберкулеза кишечника». На самом же деле И.Сорокин был расстрелян еще в январе 1938 года и брошен в мерзлую, братскую могилу где-то под Медвежьегорском. Это был родной брат моего деда...

После 1961 года реабилитация в республике, как и по всей стране, фактически заглохла. Почему? Дальнейшие события уже на памяти нынешнего поколения и можно обозначить их тезисно. 1962 год — расстрел демонстрации рабочих в Новочеркасске, 1964-й — снятие Н.С.Хрущева, 1965-й — суд над писателями Синявским и Даниэлем, 1966-й — введение в Уголовный кодекс РСФСР двух новых статей: ст.70 — антисоветская агитация и пропаганда, ст.190 прим. — распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, 1968 год — вторжение советских войск в Чехословакию... А дальше — изгнание Солженицына, Сахарова, процессы диссидентов, психушки...

Наступил 1985 год, со всеми плюсами и минусами объявленной перестройки. Одним из ярчайших событий общественной жизни страны в те годы стало создание Всесоюзной (и региональных) общественной организации «Мемориал», в общественный совет которой вошли А.Адамович, Ю.Афанасьев, Г.Бакланов, В.Быков, Д.Гранин, Е.Евтушенко, Б.Ельцин, Ю.Карякин, В.Коротич, Д.Лухачев, Р.Медведев, Б.Окуджава, Л.Разгон, А.Рыбаков, М.Ульянов, М.Шатров, большинство из которых стали народными депутатами СССР. Главной задачей «Мемориала» было и остается восстановление исторической правды, справедливости в отношении безвинно репрессированных, научно-просветительская работа и помощь пострадавшим.

Только в 1989 году «мемориальцами» было проведено около 500 семинаров, встреч и вечеров памяти, более 30 огромных митингов.

Учрежден и ежегодно отмечается 30 октября День политзаключенного. Тема репрессий стала одной из ведущих в средствах массовой информации. Не обошлось, к сожалению, без ошибок и политической конъюнктуры, но главная цель была достигнута. Вторично была прорвана завеса молчания о величайшей трагедии нашего народа.

16 января 1989 года Президиумом Верховного Совета СССР был издан Указ «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов». Еще более расширил круг реабилитируемых Указ президента СССР от 13 августа 1990 года «О восстановлении прав всех жертв политических репрессий 20—50-х годов». Наконец, был принят закон РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 года. За принятие этого важнейшего Закона голосовали и народные депутаты РСФСР от Карелии А. Аникиев, В. Евдокимов и П. Курицын. Для контроля за исполнением закона была создана Комиссия Верховного Совета РСФСР по реабилитации, которой был предоставлен «полный доступ к архивам судов, военных трибуналов, прокуратуры, органов государственной безопасности, внутренних дел и другим архивам, находящимся на территории РСФСР». Заместителем председателя Комиссии являлся автор этой книги.

Принципиально важными стали Указы президента Российской Федерации о рассекречивании всех актов, относящихся к политическим репрессиям и передаче архивных материалов органов госбезопасности и КПСС на государственное хранение.

Сегодня работа по реабилитации и восстановлению прав граждан ведется сотрудниками ФСБ и МВД, прокуратуры республики, республиканской и районными комиссиями. В Петрозаводске, Пудоже, Кемь, поселках Эссоила и Повенец установлены памятные знаки жертвам репрессий. Карельским обществом «Мемориал» совместно с ФСБ и МВД подготовлен к печати первый том «Книги памяти» жертв репрессий. Частицей этой большой, общей работы является и настоящая книга...

Материал для нее я начал собирать еще в начале 80-х годов, когда впервые прикоснулся к теме строительства Беломорско-Балтийского канала. Тогда еще не было никаких надежд на издание «Каналоармейцев»⁹ и тем более на публикацию материалов последующих репрессий. Не ожидал я и того жуткого открытия, которое

сделал в 1990 году в архиве Карельского обкома КПСС по материалам работы комиссии партийного контроля ЦК КПСС.

Мой отец, Чухин И. М., техник-интендант 2-го ранга, помощник (по разведке) начальника штаба Палалахтинской комендантуры 3-го петрозаводского погранотряда в июле—сентябре 1937 года был в составе «бригады следователей» этого отряда. Он не избивал, не расстреливал людей, но его подпись стоит под обвинительными заключениями в шести сфальсифицированных групповых делах на 34 человека, 28 из которых были расстреляны... Отец был очень скрытным, молчаливым человеком. Его жена и мы, дети, знали лишь, что он воевал в «финскую» и в Великую Отечественную войну, был неоднократно ранен, награжден за участие в войнах орденами и медалями. Потом служил на Крайнем Севере, где в 1948 году родился и я. И вот такое открытие... Не отрицаю и нисколько не умаляю вины своего отца, но и не отрекаюсь от него. Наверное, не я один сегодня делаю такие открытия, и каждый по-своему справляется с рухнувшим на него невероятно тяжелым моральным грузом. Для меня работа в комиссии по реабилитации Верховного Совета РСФСР, в Комитете по безопасности 5-й Государственной Думы, в обществе «Мемориал» и работа над этой книгой стали моим личным моральным долгом перед памятью безвинно пострадавших.

Все мы сейчас медленно и очень трудно идем по пути к демократическому обществу, которое должно гарантировать недопущение впредь всех этих ужасов. Но во все времена, в любых ситуациях (кроме неподвластных разуму) выбор линии поведения определяется не указами власти или приказами непосредственного начальства. В конечном итоге все решает человеческая совесть, те нравственные принципы, которыми живет человек. Поэтому только высокая нравственность и совесть каждого из нас могут уберечь от искушения властью и темных сил человеческой природы.

С чего начинается нравственное возрождение? С покаяния. Не с утилитарного признания греха, а с покаяния в его евангельском смысле, что значит — переосмыслить жизнь. Здесь начало исцеления. Не бесплодное копание в себе, а переоценка, побуждающая к правильному действию. Сегодня мы, кажется, вступили на этот путь обновления. Путь долгий, непростой, но необходимый. Даё Бог, чтобы у нас хватило сил, желания и настойчивости пройти его как можно быстрее.

-
- ¹ Политический дневник 1964—1970. Амстердам, 1972. С. 14.
- ² Цит. по: *Волкогонов Д.* Триумф и трагедия. М., 1989. Кн. 1. С. 58.
- ³ *Сталин И.* Отчетный доклад на XVIII Съезде Партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. М., 1950. С. 97, 99, 101.
- ⁴ ГАОПДФ, ф. 3, оп. 5, д. 220. С. 12.
- ⁵ Архив МВД РК, ф. 4, д. 2.26. С. 4—20.
- ⁶ ГАОПДФ, ф. 3, оп. 5, д. 86. С. 64.
- ⁷ Там же. С. 66.
- ⁸ Там же, д. 242. С. 112—116.
- ⁹ *Чухин И. И.* Каналоармейцы. Петрозаводск, 1990.

2-я часть Особого Сектора ЦК

СТРОГО СЕКРЕТНО
(Из О. П.)**Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ**

№ П51/94

3 июля - 1937 г.

Тов. Ежову,
Секретарям обкомов, крайкомов,
ЦК нацкомпартий.

Выписка из протокола № 51 заседания Политбюро ЦК от

1937

Решение от 2.УП.37г.94.- Об антисоветских элементах.

Послать секретарям обкомов, крайкомов, ЦК нацкомпартий следующую телеграмму:

"Замечено, что большая часть бывших кулаков и уголовников, высланных одно время из разных областей в северные и сибирские районы, а потом по истечении срока высылки, вернувшись в свои области, - являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных преступлений, как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности.

ЦК ВКП(б) предлагает всем секретарям областных и краевых организаций и всем областным, краевым и республиканским представителям НКВД взять на учет всех возвратившихся на родину кулаков и уголовников с тем, чтобы наиболее враждебные из них были немедленно арестованы и были расстреляны в порядке административного проведения их дел через тройки, а остальные менее активные, но все же враждебные элементы были переписаны и высланы в районы по указанию НКВД.

ЦК ВКП(б) предлагает в пятидневный срок представить в ЦК состав троек, а также количество подлежащих расстрелу, равно как и количество подлежащих высылке."

СЕКРЕТАРЬ ЦК

И. Сталин

7ми

Текст, помеченный звездочками, документам ЦК может быть передан, но документ, отмеченный звездочками, не подлежит передаче. Документы ЦК, отмеченные звездочками, не подлежат передаче. Документы, отмеченные звездочками, не подлежат передаче. Документы, отмеченные звездочками, не подлежат передаче. Документы, отмеченные звездочками, не подлежат передаче.

СОВ. СЕКРЕТНО

УПРАВЛЕНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА Внутренних дел СССР по Ленинградской области

30 июня 1937 г. № 14283.

ПД-7

РАЗОСЛАНО:

Управление Государственной Безопасности

Отдел

Настоящее сообщение НКВД СССР - старшему начальнику
Госбезопасности - г. ЛИТВИНУ.

МОСКВА.

СПЕЦ-СООБЩЕНИЕ

о контрреволюционной повстанческой организации в
Петровском районе

А. С. С. Р.

Центральная Агитация
Министерства Безопасности
Российской Федерации
02 94

В Петровском районе ~~АНОСТ~~ вскрыта и ликвидирована контрреволюционная повстанческая организация, состоявшая из 3-х, связанных между собой групп.

Организация возглавлялась директором Петровского Райлесхоза ФИШНЕ ВОКИМ - б. поручиком царской армии.

Руководящими участниками контрреволюционных групп был ТРОФИМОВ - об"езчик Райлесхоза; ГЕРАСИМОВ - зав. смолокуренным заводом Райлесхоза и МАКСИМОВ - б. белобандит.

По делу арестовано 9 участников организации.

Кроме того, в ближайшие дни намечено к аресту еще ряд участников контрреволюционной организации.

В числе арестованных и намеченных к аресту участников организации значительная часть бывших белобандитов.

При ликвидации повстанческой организации обнаружено в яв"ято 2 винтовки.

Предварительным исследованием установлено, что повстанческая организация вела работу по подготовке повстанческих кадров и рассчитывала, в случае войны, организовать восстание тылу.

4 отдел ГУБ
Получено 9 июня 1937
30/1/37

Экз. №

Народный Коммунистический Внутренний Дел Советов СССР
3-е ОТДЕЛЕНИЕ СПЕЦОТДЕЛА

СОВ. СЕКРЕТНО

ШИФРОВКА В № 18968

Получ. 17 октября 1957 г. в ч. 20 и. Расшифр. 18 октября 21 ч. 20 м.
Из ПЕТРОЗАВОДСКА Отпечатано 3 экз.

Куда и кому ЗАМ. НАРКОМА тов. ФРИНОВСКОМУ

Наши № 1663 от 18 октября с. г. я проси увеличить лимит первой категории на 1000 знаков. Остаток телеграфировать так как дела первой категории заседания в связи подготовлены.
В 1835 17 октября ТЕННИСОН

А. Ф. Фриновский
19/10

1835
19/10

Отп. 3 экз. № 1 т. ФРИНОВСКОМУ экз. № 4 т. экз. № 7 т.
№ 2 т. БКОМУ экз. № 5 т. экз. № 8 т.
№ 3 т. 3 отделение, № 6 т.

В/в. 3-го Отделения Спецотдела ГУГБ

С. П. П.

НКВД-СССР
Народный Комиссариат Внутренних Дел
Карельской АССР
Управление Государственной Безопасности

Нач. к-х IV-го отдела ГУГБ НКВД СССР
гор. Москва

60

СПЕЦСВОДКА

О ИТОГАХ ОПЕРАЦИИ ПО ПРИКАЗУ ГОУЧ
ПО ЛИНИИ ПУ С. П. П.

Т. Шибанов
М. М. М. М.

№ 3781

10/11

8 " 21 июня 1938 г.

Народный Комиссариат Внутренних Дел Карельской АССР.
Управление Государственной Безопасности
№ 1 Училищ.

№ 1631 - 5 - от 5 октября 1937 года. Карельский округ. /

Коммунистический секретариат

3-й Отдел ГУГБ
С - С - 1037
Дх. № 12402

Коммунистический секретариат
№ 110

УСБНУС - СВЯЗКА

По делу контр-революционной мелкобуржуазной
организации в Карельской АССР.

По сообщению на 1-е октября 1937 года.

МКН Карельской АССР при реализации агентурных разрабо-
ток "Экспорт", "Импорт", "Г. Кольвин", "Импорт", добрите-
и подпольная контр-революционная националистическая ор-
ганизация.

Эта организация возникла в 1934 году в пределах Каре-
лин группы буржуазных националистов ГЛАШНА, М. К. СОРСТАНА, ко-
торые возглавили работу Карельского Райкома. Путем дальней-
шего расширения контр-революционной деятельности и включения
в нее финских и шведских эмигрантов - членом Карельской
с. д. партии РОБИО, МАТСОМ, В. В. Ю. УСБНУС, САКСАН, ЯРВИНИО и
других к. р. организацией были захвачены комитетные комитеты в
партийном и советском аппарате Карелии. Деятельность к. р. на-
ционалистической организации была направлена к обеспечению
захвата Советской Карелии финляндией путем интервенции.

Подлежит возврату в течение 24 часов (Пост. ПБ ЦК от 5.V.27. пр. № 10)

СТРОГО СЕК

Примечание: если сверху, გადაიღებინა!

Всесоюзная Коммунистическая Партия (большевиков) ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КО

№ П57/49.

Тов. Ежову.

1938 г.

Выписка из протокола № 57 заседания Политбюро ЦК ВКП (б)

Решение от 31.1. 1938 г.

49.- Вопрос НКВД.

1. Разрешить Наркомвнуделу продолжить до 15 апреля 1938 года операцию по разгрому шпионско-диверсионных контингентов из поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, хорватов, китайцев и румын, иностранных подданных, так и советских граждан, согласно существующих приказов НКВД СССР.
2. Оставить до 15 апреля 1938 года существующий внесудебный порядок рассмотрения дел арестованных по этим операциям людей, вне зависимости от их подданности.
3. Предложить НКВД СССР провести до 15 апреля логичную операцию и погромить кадры болгар и македонцев как иностранных подданных, так и граждан СССР.

2нк

СЕКРЕТАРЬ ЦК

~~Дел~~
 Зап. Наркома Внутренних Дел Союза ССР
 Коскову тов. ФРИНОВСКОМУ. -

г.р. МОСКВА

на № С-1450 от 22.XI.1937 г.

Согласно телеграммы № 928 НКВД АКССР про-
 ведены аресты "9" жен, осужденных по польской
 операции, которые содержатся в Петрозаводской
 тюрьме. Из "аты" от них дети в числе "7" в детский
 приемник НКВД АКССР в г. Петрозаводске.

По делам, направленным на рассмотрение
 Военной Коллегии арестовано "7" жен и из "ато"
 "5" детей.

Списки арестованных и детей прилагаются.
 По польской, карельской операциям подлежат
 расселению "94" жен и "136" детей.
 ПРИЛОЖЕНИЕ на 2 п/листах. -

Нарком Вн. Дел Кар. АССР
 Майор гос. безопасности
 /Тенисон/

.. 1938 " " "
 .. 1960 " " "

Лн. Дел Кар. АССР
 гос. безопасн.
 ввн/ *Тенисон*

ЛАЗЕТЫ

Л"

Комитета

1)

№ 21

Д-1566
прод. Д-1566

С

243 Дело № 13-02
Пролетарият воюва стран. социализма!
СОВСЕТСКИЙ9-414
Сов. секретно.

ЦК ВКП(б) - товарищу СТАЛИНУ

И К В Д - товарищу ЕЖОВУ

Корреспондент "Правды" по Карелии тов. Золотов (Шварцштейн) прислал первые материалы, которые напечатаны в газете 9 сентября в виде обзора печати под заголовком "Рупор буржуазных националистов". Сейчас тов. Золотов прислал закрытое письмо, в котором сообщает о партийно-политическом положении в Карельской республике. Тов. Золотов пишет, что секретарь обкома Никольский не заслуживает политического доверия. Он все время выдвигал Павловича, оказавшегося членом террористического центра правых в Наркомлесе, был тесно связан с арестованными сейчас Марьиним, Аксеновским, Новожиловым и другими.

Далее тов. Золотов сообщает, что в Карельском обкоме партии продолжают работать политически сомнительные люди: Милляйс - зав. отделом агитации и пропаганды, Леонин - зав. СРПО и Чашков - зав. советско-торговым отделом.

Посылаю Вам для сведения копию этого письма.

од/З экз.

Л. Мехлис
Л. МЕХЛИС

ТРОЙКА НКВД КАССР

Дата	Состав	Всего дел	Расстр.	Л/СВ.
1937 г.				
Август				
7	Тенисон, Никольский, Михайлович	53	22	31
9	"	72	68	5
15	"	82	58	24
17	"	110	110	-
25	"	101	63	38
26	"	152	152	-
Сентябрь				
1	"	121	90	31
2	"	143	143	-
8	"	96	80	16
9	"	160	160	-
17	Тенисон, Леонинок, Михайлович	166	133	33
19	"	58	55	3
20	"	270	270	-
28	"	161	103	58
Октябрь				
2	"	64	42	22
8	Тенисон, Иванов, Михайлович	240	206	34
17	"	202	109	93
23	"	220	179	41
Ноябрь				
2	"	131	108	23
11	"	157	122	35
20	"	399	399	-
20	"	306	230	76
29	"	302	246	56
Декабрь				
9	"	132	118	14
18	Солоницын, Иванов, Михайлович	412	412	-
21	"	177	171	6
28	"	342	338	4
29	"	210	210	-

<i>Дата</i>	<i>Состав</i>	<i>Всего дел</i>	<i>Расстр.</i>	<i>Л/СВ.</i>
31 1938 г. Январь	Тенисон, Иванов, Михайлович	146	135	11
17	Солоницын, Смирнов, Михайлович	59	59	-
21 Февраль	-.	80	80	-
1	Тенисон, Иванов, Михайлович	137	120	17
9	-.	43	34	9
19	Матузенко, Иванов, Михайлович	125	116	9
26	-.	134	113	21
Март				
5	-.	256	240	16
21	-.	261	236	25
22	-.	442	352	90
Апрель				
3	-.	194	158	36
11	-.	314	260	54
14	-.	231	186	45
15	-.	227	188	39
Июнь				
28	Матузенко, Куприянов, Михайлович	42	42	-
Июль				
31	-.	96	96	-
Сентябрь				
1	-.	146	146	-
Ноябрь				
10	-.	456	264	192 дела передать в лаг. суда
	Итого:	8428	7222	1015

ОСОБАЯ ТРОЙКА НКВД КАССР
(Матузенко, Курприянов, Михайлович)

Дата (1938 г.)	Линия (шпионаж)	Всего дел	Расстрел	Л/СВ.
Сентябрь				
20	Финский	110	110	-
20	"-	100	96	4
21	"-	100	90	10
21	"-	100	96	4
21	"-	99	99	-
21	"-	100	100	-
21	"-	100	100	-
22	"-	99	99	-
22	"-	99	99	-
22	"-	100	100	-
23	"-	78	78	-
23	"-	100	98	2
23	"-	99	96	3
24	"-	98	92	6
Октябрь				
4	"-	98	79	19
4	"-	94	75	19
5	"-	96	85	11
5	Немецкий	6	6	-
5	Польский	9	9	-
5	Английский	10	10	-
5	Латвийский	6	6	-
5	Эстонский	4	3	1
5	Шведский	1	1	-
5	Японский	3	3	-
5	Турецкий	2	2	-
5	Французский	1	1	-
10	Финский	99	81	18
10	Японский	2	2	-
10	Шведский	1	1	-
10	Финский	2	2	-
10	Польский	3	1	2
10	Пересмотр дел прошлых особых троек	14		
Итого:		1819	1720	99

НКВД СССР
 3 СПЕЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ
 6 отделение

СОВЕРШЕНО
 Оплатено за

ДЕЛО ШИФРОВКА ВХ. № 52285.

16 ноября 1938 г. 15 ч. 45 м. Расшифр. 16 "X1

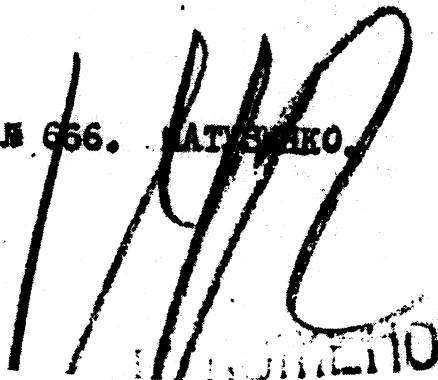
КОДЕКА

НАРКОМУ ВРУДЕЛ Г. ЕЖОВУ.

16 ноября с.г. рассмотрение дел тройкой.

Установил. 666

16.XI.38. № 666. МАТВИЕНКО.

КОМИССИЯ НКВД СССР И ПРОКУРАТУРЫ СССР

(Ежов, Вышинский)

№ протокола	Дата	Номер списка, приказа	Всего дел	ВМН	ЛСВ.	Воен. кол. ВС	Доследование
7	20.12.37	сп. 1, 2	199	174	21	-	4
9	02.01.38	сп. 3	100	66	31	-	3
11	04.01	сп. 4	100	58	27	11	4
12	07.01	сп. 5, 6	200	177	19	2	2
14	12.01	сп. 7	100	86	14	-	-
27	21.01		100	89	9	-	2
28	24.01	сп. 8	100	77	21	-	2
29	25.01	сп. 10	100	93	7	-	-
30	26.01	сп. 11	100	91	8	-	1
31	27.01	сп. 12	113	80	32	-	1
35	13.02	сп. 13	100	95	2	-	1
36	13.02	сп. 14	100	99	-	-	1
39	23.02	сп. 15	100	100	-	-	-
44	23.03	сп. 16	100	98	2	-	-
45	28.03	сп. 17	100	94	6	-	-
50	12.04		100	95	5	-	-
51	12.04	сп. 19	100	93	7	-	-
53	15.01	латв. шпионаж	11	9	2	-	-
71	26.02	харбинцы	5	3	2	-	-
87	26.01	латв. шпионаж	13	8	5	-	-
104	12.04		30	24	6	-	-
118	14.10.37	пр. 00485	12	11	1	-	-
175	22.02	латв. шпионаж	13	9	4	-	-
296	14.01	пр. 00593	8	5	3	-	-
300	10.11.37	пр. 00485	22	17	2	-	3
333	27.01	пр. 00593	11	6	2	-	3
772	13.01	пр. 00485	93	68	22	2	1
853	26.01	пр. 00485	13	13	-	-	-
		Итого:	2143	1838	260		

ПАСПОРТНАЯ ТРОЙКА НКВД КАССР

Дата	Всего дел	5 лет	3 года	2 года	1 год	н/с	ГБ	Досл.	Осв.
1937 г.									
3 сентября	23	11	9						3
11 сентября	11	5	6						
22 сентября	12	2	10						
3 октября	25	9	11				3		2
14 октября	27	20	7						
20 октября	18	11	7						
31 октября	20	12	8						
16 ноября	43	34	6						3
29 ноября	17	10	7						
10 декабря	19	9	8				1		1
1938 г.									
4 января	20	7	12						1
3 февраля	18	5	12						1
5 марта	26	12	12						2
28 марта	15	2	1	7			1		4
28 марта	Пересмотр дел прошлых троек								
9 мая	34			16		8			10
1 июля	31		16	8	6				1
31 июля	34	6	13	8				4	3
31 августа	59	3	12	32		6		4	2
9 октября	68	7	16	28		7		2	8
3 ноября	39	3	17	15		2		2	
Итого:	559	168	190	114	6	23	5	12	41

при всех странах, рассматривается!

СТРОГО СЕКРЕТНО

(№ 8. Я.)

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

51/199

Страница 2-я

ПРОДОЛЖЕНИЕ

им из протокола № 51 пункт 199 заседания Политбюро ЦК от 19

ПОСТАНОВИЛИ:

уголовников 338 и высылке кулаков 692, уголовников 747 че

7) По Саратовской области в составе т.т. Крицкого (с заменой Зеленовым), Агранова и Славянского.

Утвердить намеченных к расстрелу кулаков 346 чел., уголовников 91 и высылке кулаков 836, уголовников 750 чел.

8) По Воронежской области в составе т.т. Розан (с заменой Сивко), Андимова и Ярыгина.

Утвердить намеченных к расстрелу кулаков 720 чел., уголовников 130 чел. и высылке кулаков 2368, уголовников 1819 чел.

9) По Свердловской области в составе т.т. Аболяева, Дмитриева и Грачева.

Утвердить намеченных к расстрелу кулаков 4700 чел., уголовников 300 чел. и высылке кулаков 5800, уголовников 1200 чел.

10) По Ивановской области в составе т.т. Епанечникова, Стирна и Лейбовича.

Утвердить намеченных к расстрелу кулаков 276 чел., уголовников 66 чел. и высылке кулаков 1293 чел., уголовников 425 чел.

11) По Коми АССР в составе т.т. Семичева, Ковалева и Липина.

Утвердить намеченных к расстрелу кулаков 55 чел., уголовников 156 чел. и высылке кулаков 117, уголовников 104 чел.

12) По Карельской АССР в составе т.т. Иркинса, Теннисон и Михайловича.

Утвердить намеченных к расстрелу 12 чел. и высылке 74 чел.

13) По Грузинской ССР в составе т.т. Рапава, Талахадзе и Церетели.

Утвердить намеченных к расстрелу 1419 чел. и высылке 1562 чел.

14) По Горьковской области в составе т.т. Огурцова, Лаврушина и Усубьяникова.

Утвердить намеченных к расстрелу кулаков 1620 чел., уголовников 675 чел. и высылке кулаков 3850 чел., уголовников 435 чел.

(см. 3-ю стр.)

ХРОНИКА РАССТРЕЛОВ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЯМ ТРОЙКИ НКВД КАССР

1937 г.			
Август			
9	Петрозаводск	9 (ч.)	Травин, Ефимов
11	"-	66	Травин, Тойсов
11	Медгора	5	Александров
13	Кемь	8	Ермушин
17	Петрозаводск	18	Травин, Тойсов
20	"-	21	"-
21	Медгора	12	Александров, Бондаренко
22	Сегежа	12	Загоскин
27	Петрозаводск	22	Травин, Немцов
28	"-	25	"-
29	"-	12	"-
Сентябрь			
1	Медгора	45	Александров, Бондаренко
2	"-	17	"-
3	Сегежа	22	Загоскин
4	Медгора	13	Александров, Бондаренко
4	Петрозаводск	25	Травин, Воронков
5	Пудож	12	Бейзот
8	Медгора	19	Александров, Бондаренко
8	Петрозаводск	15	Травин, Воронков
9	"-	23	"-
10	Медгора	41	Александров, Бондаренко
10	Водораздел	27	Журавлев
10	Петрозаводск	24	Травин, Воронков
11	"-	26	"-
11	Сегежа	35	Загоскин
13	Медгора	17	Александров, Бондаренко
14	Петрозаводск	11	Травин, Воронков
15	Сегежа	43	Загоскин
15	Медгора	59	Александров, Бондаренко
15	Водораздел	15	Журавлев
20	Кемь	17	Ермушин
20	Петрозаводск	96	Травин, Воронков
22	Медгора	14	Александров, Бондаренко
23	Петрозаводск	32	Травин, Воронков
26	Сегежа	35	Загоскин

27	Водораздел	48	Смирнов
28	Медгора	40	Александров, Бондаренко
29	..	22	..
Октябрь			
2	Петрозаводск	60	Травин, Воронков
3	..	16	..
3	Медгора	12	Бондаренко
4	..	39	..
5	Олонец	11	Гольдберг
5	Петрозаводск	13	Травин, Воронков
7	Ругозеро	15	Терехов
14	Петрозаводск	48	Травин, Воронков, Чухчин
15	..	25	..
18	Сосновец	55	Бондаренко
19	Кандалакша	39	Кузнецов
21	Петрозаводск	40	Воронков, Чухчин
22	..	38	..
26	..	48	Ермолаев, Чухчин
27	..	35	..
28	..	12	..
29	Медгора	22	Бондаренко
30	Пудож	17	Бейзот
Ноябрь			
4	Петрозаводск	54	Воронков
11	Медгора	18	Бондаренко
14	..	15	..
14	Петрозаводск	43	Травин, Ермолаев, Пушкин
15	..	50	..
20	Кандалакша	11	Кузнецов
26	Медгора	48	Шондыш, Бондаренко, Долинский
26	Петрозаводск	50	Травин, Воронков
27	..	38	..
28	Медгора	94	Шондыш, Бондаренко
29	Ругозеро	19	Терехов
30	Реболы	10	Погран. комендантура
Декабрь			
3	Медгора	10	Бондаренко
4	..	22	..
4	Петрозаводск	50	Травин, Пушкин
5	..	40	..
9	Медгора	146	Шондыш, Бондаренко

11	Петрозаводск	61	Пушкин, Воронков
13	..	11	Травин, Воронков
13	Пудож	28	Бейзот
15	Медгора	78	Шондыш, Бондаренко
19	..	19	..
26	..	44	..
28	Пудож	27	Бейзот
27	Петрозаводск	50	Травин, Ермолаев, Воронков
28	..	39	..
1938 г.			
Январь			
1	Реболы	12	Погран. комендатура
1	Ругозеро	10	Терехов
4	Олонец	21	Травин, Смирнов
8	Медгора	245	Шондыш, Бондаренко
9	Кондопога	22	Пушкин
9	Медгора	104	Шондыш, Бондаренко
10	..	92	..
10	Ругозеро	9	Терехов
16	Пудож	32	Бейзот
18	Медгора	77	Шондыш, Бондаренко
19	Сегежа	37	Загоскин
20	Медгора	91	Шондыш, Бондаренко
21	..	291	..
25	Водораздел	54	Смирнов
Февраль			
1	Медгора	43	Шондыш, Бондаренко
4	..	51	Долинский, Зайцев, Шондыш
8	Петрозаводск	50	Травин, Пушкин, Воронков
9	Пудож	20	Бейзот
11	Петрозаводск	5	Травин, Воронков
16	..	20	Травин, Пушкин, Татарский
23	..	22	Травин, Ермолаев
24	..	20	Травин, Ермолаев, Ефремов
25	..	39	Травин
Март			
4	Медгора	70	Шондыш, Зайцев
4	Петрозаводск	60	Травин, Ефремов
5	..	17	Пушкин, Ермолаев
9	..	124	Травин, Пушкин
11	Олонец	14	Гольдберг
15	Ругозеро	11	Терехов

16	Петрозаводск	18	Пушкин, Коновалов
17	"-	75	"-
23	Пудож	23	Бейзот
26	Петрозаводск	100	Пушкин, Ермолаев, Коновалов
27	"-	147	"-
29	Пудож	40	Бейзот
31	Медгора	63	Долинский, Зайцев
Апрель			
1	Ругозеро	11	Терехов
3	Петрозаводск	155	Пушкин, Ермолаев
5	Уросозеро	16	Александров
7	Водораздел	11	Крятов
8	Олонец	14	Гольдберг
8	Петрозаводск	67	Пушкин, Коновалов
10	Медгора	31	Долинский, Зайцев
17	Петрозаводск	66	Пушкин, Ермолаев
19	Медгора	29	Долинский, Зайцев
20	Петрозаводск	52	Володин
21	"-	155	Пушкин, Воронков, Коновалов
22	"-	76	"-
25	Медгора	81	Долинский, Зайцев
27	Пудож	34	Федотов
Май			
6	Олонец	6	Гольдберг
7	Медгора	52	Зайцев
8	Петрозаводск	129	Пушкин, Володин, Воронков
15	Ругозеро	5	Терехов
Июнь			
3	Медгора	24	Зайцев
20	Медгора	9	Зайцев, Ивашкевич
Июль			
5	"-	38	Зайцев
Август			
7	"-	78	"-
16	"-	18	Сестринский
Сентябрь			
10	"-	95	Зайцев, Медведев
17	"-	24	Зайцев, Сестринский
17	Беломорск	23	Свешников, Чигарев, Карячка
Ноябрь			
27	Медгора	189	Зайцев, Сестринский

ХРОНИКА РАССТРЕЛОВ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЯМ ОСОБОЙ ТРОЙКИ НКВД КАССР (1938 г.)

Сентябрь

21	Петрозаводск	69 (ч.)	Ермолаев, Фесько
22	"-	62	"-
23	"-	83	"-
25	"-	5	"-
26	"-	58	"-
26	"-	58	Гольдберг
27	Олонец	16	Солоимский, Нючагин, Ребезов
28	Петрозаводск	107	Гольдберг
28	"-	18	Ермолаев, Фесько
28	Ругозеро	18	Терехов
29	Кемь	58	Володин, Ермушин, Безбородов
30	Кемь	17	"-
30	Олонец	5	Солоимский, Нючагин, Ребезов

Октябрь

1	Кемь	51	Володин, Ермушин, Безбородов
1	Петрозаводск	17	Ермолаев, Фесько, Малышев
2	"-	167	Гольдберг, Александров, Барсуков
2	Ругозеро	21	Терехов
3	Кемь	41	Володин, Ермушин, Безбородов
3	Олонец	7	Солоимский, Нючагин, Ребезов
3	Пудож	24	Федотов, Смирнов
3	Петрозаводск	175	Гольдберг, Александров, Барсуков
4	Кемь	49	Володин, Ермушин, Безбородов
6	Кандалакша	17	Коновалов, Быстров
8	"-	14	"-
9	"-	5	"-
8	Петрозаводск	118	Ермолаев, Фесько, Малышев
11	"-	66	Гольдберг, Александров, Барсуков
12	Олонец	5	Солоимский, Нючагин, Ребезов
14	Кемь	11	Володин, Ермолаев, Виссарионов
14	Петрозаводск	58	Ермолаев, Фесько, Малышев
15	Пудож	16	Федотов, Смирнов
15	Кемь	21	Володин, Ермушин, Виссарионов
17	Кандалакша	5	Коновалов, Быстров
17	Олонец	6	Солоимский, Нючагин, Ребезов
22	Петрозаводск	62	Ермолаев, Фесько, Малышев

ХРОНИКА РАССТРЕЛОВ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЯМ НКВД И ПРОКУРАТУРЫ СССР

1937 г.			
Октябрь			
21	Петрозаводск	9 (ч.)	Воронков, Чухчин
Ноябрь			
26	Медгора	5	Шондыш, Бондаренко, Долинский
Декабрь			
12	Ругозеро	14	Терехов
28	..-	6	..-
28	Медгора	138	Шондыш, Бондаренко
1938 г.			
Январь			
5	Пудож	19	Бейзот
9	Медгора	60	Шондыш, Бондаренко
14	Петрозаводск	19	Травин, Пушкин
16	Пудож	4	Бейзот
19	Ругозеро	9	Терехов
20	Медгора	160	Шондыш, Бондаренко
21	..-	143	..-
21	Петрозаводск	8	Травин, Ермолаев, Борисков
25	Реболы	6	Новиков, Григорьев, Великотный
31	Медгора	13	Шондыш, Зайцев
Февраль			
4	Олонец	3	Гольдберг
9	Петрозаводск	41	Травин, Ермолаев, Воронков
10	Медгора	82	Травин, Воронков, Татарский
11	..-	110	..-
24	..-	6	Долинский, Зайцев
24	Петрозаводск	47	Травин, Ефремов
25	..-	13	..-
26	..-	94	Ермолаев, Пушкин, Коновалов
Март			
1	Ругозеро	7	Терехов
4	Петрозаводск	5	Травин, Ефремов, Татарский
5	..-	74	Пушкин, Ермолаев
6	..-	102	..-
17	..-	6	Пушкин, Коновалов

Апрель

3	Медгора	96
21	Петрозаводск	43
21	-"	45
22	-"	91
28	-"	28

Май

8	-"	69
11	Пудож	9
15	Петрозаводск	11

Пушкин, Воронков, Коновалов

-"

Травин, Ефремов, Тидор

Пушкин, Коновалов, Воронков

Пушкин, Коновалов, Тидор

Пушкин, Воронков

Федотов

Пушкин, Ефремов

409 19595
 ШИФРОВКА Исх. № 57/111

Форма № 7.
 СОВ. СЕКРЕТНО

193 г. Получ. в 3-е отделение, 1937 г. 24 м.

ИЗ СЕКРЕТАРИАТА ЗАМ НАРКОМА ГОС. БЕЛБАЛТЛАГА

кому: ЛЕНИНГРАД УНКВД ЗАКОНСКОМУ
 ПЕТРОЗАВОДСК НКВД ТИНСОН
 МЕДВЕЖЬЯ ГОРА БЕЛБАЛТЛАГ НКВД ЧУТОНОВУ, АСТРОВУ

Соответствии моим приказом 00447 (разослан нач. УНКВД), -

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 10 августа с/г. начать и в двухмесячный срок закончить операцию по репрессированию наиболее активных антисоветских элементов из бывших кулаков, карателей, бандитов, белых, советских активистов перковников, и прочих контр-революционеров, ведущих в лагерях активную антисоветскую подрывную работу. Репрессии подлежат также и уголовные элементы, содержащиеся в лагерях и ведущие там преступную деятельность.
2. Все перечисленные выше контингенты, после рассмотрения их дел на тройках, подлежат расстрелу.
3. Вам утверждается подлежащих репрессированию по Белбалтлагу 80 (восемьсот) человек.
4. Установить следующий порядок оформления дел репрессируемых: Начальники третьих отделов лагерей на основании имеющихся материалов оперативного учета составляют на каждого подлежащего репрессированию подробную справку, с указанием в ней фамилии, имени, отчества, за какие преступления, на какой срок и кем осужден, преступная деятельность подлежащего репрессированию в лагере, и т.д.

Внести черновые шифровки.

Сек. № 1, 2 в 3-е отделение Следотдела ГУГБ, № 3 в _____, № 4 в _____

Содержание

Слово о друге. <i>В. Верховлядов</i>	5
<i>Глава 1. Верхушка айсберга</i>	9
<i>Глава 2. В краю непуганых птиц</i>	19
<i>Глава 3. «Арестовать и не выпускать»</i>	35
<i>Глава 4. «Прошу обратить внимание...»</i>	68
<i>Глава 5. Двойки, тройки и прочие органы</i>	75
<i>Глава 6. Жестокая статистика</i>	87
<i>Глава 7. А судьи кто?</i>	104
<i>Глава 8. На одном из островов архипелага</i>	122
<i>Глава 9. Долгая дорога правды</i>	128
<i>Приложения</i>	138

Чухин Иван Иванович

**КАРЕЛИЯ-37:
ИДЕОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ТЕРРОРА**

*Редактор И. И. Куроптева
Художественный редактор О. О. Чернякова
Оформление обложки О. В. Черняков*

ЛР 040110. 10.11.1996. Подписано в печать 31.07.98.
Формат 60x84/16. Офсетная печать. Уч.-изд. л. 9.9. Усл. кр.-от. 43.
Тираж 3000 экз. Изд. № 113.

Издательство Петрозаводского государственного университета
185640, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ